

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVUFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2025

Том 16
Vol.

№ 1

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта Press
2025

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2025
Том 16
№ 1

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2025.
232 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия) — главный редактор; *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Хенрик Баран*, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Стефано Гардзонио*, Пизанский университет (Пиза, Италия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Валерий Закиевич Демьянков*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Николай Николаевич Казанский*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); *Максим Анисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Иван Борисович Микиртумов*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Су Кван Ким*, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Цзиньлин Ван*, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); *Татьяна Владимировна Черниговская*, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а также индексируется в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядре РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 21.02.2025 г.

© БФУ им. И. Канта, 2025

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2025
Vol. 16
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2025.
232 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Editorial office

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia) – Editor-in-Chief;
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silant'yeo*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Dr *Tatyana V. Tsoigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

© Immanuel Kant Baltic
Federal University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кравченко М.А.</i> Предпосылки становления неоструктурализма как интегральной лингвистической парадигмы	6
<i>Заботкина В.И., Боярская Е.Л.</i> Концептуальное проецирование как основа манипулятивного воздействия	24
<i>Белов В.А., Белова В.М.</i> Когнитивные механизмы семантической адаптации заимствований в русском языке	39
<i>Скребцова Т.Г., Гребенников А.О., Марусенко Н.М.</i> Цветообозначения в русских рассказах XX–XXI веков: корпусное исследование	59
<i>Чернявская В.Е., Горшкова Н.Э.</i> Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации	74
<i>Бочкарев А.И., Гордеева М.Н.</i> Об особенностях аксиологической объективации отрицания смерти в комическом дискурсе.....	90
<i>Проскурин С.Г., Лебедева Д.С.</i> Механизмы семиотического ослабления иероглифических знаков китайской письменности	103
<i>Лисанюк Е.Н.</i> «Когда бы жизнь домашним кругом» в условных рассуждениях фрегевских безумцев и логических штрафников	125
<i>Патроева Н.В.</i> К вопросу о силлабической системе стихосложения: поэтическая практика Феофана Прокоповича	140
ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ	
<i>Жданов С.С.</i> «Бавария, которой век не забуду»: к образу немецкого пространства в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча.....	167
<i>Дементьев И.О.</i> Пауль Генри Гербер – кёнигсбергский врач, профессор, поэт	189
<i>Сыроватко Л.В.</i> «Все уже было!»: первый русский перевод стихотворения Пауля Генри Гербера	201
<i>Миклухо Ю.Ю.</i> Рецепция драмы Х. Мюллера «Цемент» в России рубежа XX–XXI веков.....	211

CONTENTS

<i>Kravchenko M.A.</i> Prerequisites for the formation of Neostucturalism as an integral linguistic paradigm.....	6
<i>Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L.</i> Conceptual foundations of manipulation.....	24
<i>Belov V.A., Belova V.M.</i> Cognitive mechanisms of semantic adaptation of borrowings in Russian	39
<i>Skrebtsova T.G., Grebennikov A.O., Marusenko N.M.</i> Colour terms in the Russian short stories of the early XX and XXI centuries: a corpus study	59
<i>Chernyavskaya V.E., Gorschkova N.E.</i> Hybrid genre in persuasive communication.....	74
<i>Bochkarev A.I., Gordeeva M.N.</i> Axiological objectification of death denial in humorous discourse	90
<i>Proskurin S.G., Lebedeva D.S.</i> Hieroglyphic sign weakening mechanisms.....	103
<i>Lisanyuk E.N.</i> "When life was in the home circle" in the conditional reasonings of Fregean mad-humans and logical penalists	125
<i>Patroeva N.V.</i> On the question of the syllabic system of versification: the poetic practice of Theophan Prokopovich.....	140
GERMANY AND RUSSIA: LITERARY CROSSROADS	
<i>Zhdanov S.S.</i> "Bavaria, which I will never forget": to the image of German space in "Travel letters from England, Germany and France" by Nikolay Gretch.....	167
<i>Dementev I.O.</i> Paul Henry Gerber – physician, professor and poet from Königsberg	189
<i>Syrovatko L.V.</i> "Everything has already happened!": the first Russian translation of the poem by Paul Henry Gerber.....	201
<i>Miklukho Yu. Yu.</i> Reception Heiner Müller's drama "Cement" in Russia at the turn of the XX and XXI centuries.....	211

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ НЕОСТРУКТУРАЛИЗМА КАК ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

М. А. Кравченко

Ростовский государственный университет путей сообщения,
Россия, 344038, г. Ростов-на-Дону,
пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2
Поступила в редакцию 17.06.2024 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-1

Настоящая работа представляет собой результат методологической рефлексии, связанной с осмыслением более чем двухсотлетнего опыта, накопленного с момента секуляризации языкознания, и формированием обоснованного прогноза относительно ближайшего и среднесрочного развития лингвистической науки. Развитие лингвистики определяется динамикой парадигм. В понимании последнего термина автор следует традиции, заложенной Т. Куном, с учетом нюансов ее переноса на лингвистическую почву, выявленных академиком Ю.С. Степановым. Парадигма образует глубинную методологическую рамку, которая оказывает непосредственное влияние на цели, предмет и методы исследований. При этом смена парадигм отражает развитие и преемственность лингвистического знания. Движущей силой развития языкознания выступает конкурентная борьба идей антропоцентризма и системоцентризма. Для объяснения механизма парадигмальной цикличности автор обращается к понятию жизненного цикла парадигмы. В статье демонстрируются признаки «старения» актуальной антропоцентрической парадигмы. Современная лингвистика стоит на пороге нового методологического поиска. В актуальный момент складываются предпосылки для методологических трансформаций, результатом которых может стать создание интегральной (универсальной) парадигмы исследований, способной обеспечить полное и адекватное постижение языка. Неоструктурализм рассматривается как вариант реализации интегральной парадигмы, как лингвистическая платформа, обеспечивающая возврат к фундаментальным позициям системоцентризма при сохранении наиболее продуктивных идей антропоцентризма. К исследовательским принципам неоструктурализма относятся: холизм, таксономичность (ориентация на таксонометрию), семиотичность (ориентация на семиотическую природу языка), многомерность, функционализм и текстоцентризм.

Ключевые слова: методология, интегральная парадигма, системоцентризм, антропоцентризм, неоструктурализм

1. Введение

Современная наука достаточно давно приобрела ярко выраженный сетевой характер. Это означает, что время ученых-одиночек, действующих вне научного контекста и вне рамок существующих исследова-

тельских направлений, безвозвратно ушло. Исследовательская повестка во многом зависит от методологического фундамента. Данные утверждения в полной мере применимы и к лингвистической науке. История лингвистики представляет собой эволюционную смену методологических платформ. Движущей силой развития лингвистической науки, неперенным условием рождения важных открытий стала конкуренция идей на этапе формирования теоретических концепций. Современная лингвистика характеризуется идейным плюрализмом, который задает одновременно несколько векторов ее потенциального развития. В сложившейся ситуации многократно возрастает роль методологического поиска, который будет способствовать выбору продуктивной исследовательской модели.

Актуальность настоящей работы определяется существующей потребностью в глубокой методологической рефлексии, связанной с осмыслением более чем двухсотлетнего опыта, накопленного с момента секуляризации языкознания, и формированием обоснованного прогноза относительно ближайшего и среднесрочного развития лингвистической науки.

Объектом нашего исследования выступает частная эпистемология лингвистической науки, предметом — перспективы формирования и содержательные особенности интегральной парадигмы лингвистических исследований.

Цель работы заключается в определении предпосылок становления неструктурализма как интегральной лингвистической парадигмы. Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих задач: 1) осмыслить понятие парадигмы исследования и определить целесообразность его использования для обозначения методологической рамки в лингвистике; 2) выявить подходы к выделению лингвистических парадигм; 3) установить механизм динамики парадигм; 4) дать определение феномену жизненного цикла парадигмы; 5) оценить перспективы формирования интегральной (универсальной) лингвистической парадигмы в актуальных условиях; 6) сформулировать методологические принципы неструктурализма как интегральной лингвистической парадигмы.

2. Понятие парадигмы лингвистических исследований

В современной науке при обращении к понятию глубинной методологической рамки принято использовать термин *парадигма*. В этом значении он впервые был употреблен Т. Куном в знаменитой книге «Структура научных революций». Под парадигмой автор понимал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Кун, 1975, с. 17). Куновское понятие парадигмы было положительно воспринято и утвердилось на почве различных наук.

Необходимо отметить, что Кун видел в парадигме исключительно дискретную сущность. По его мнению, знания из одной парадигмы не

перетекают в другую. Появление новой парадигмы полностью обнуляет достижения предшествующей, что для естественнонаучной картины мира не создает противоречий (действительно: системы Птолемея и Коперника лежат в разных измерениях и не могут дополнять друг друга). Такого рода понимание сути парадигмы стало поводом к ее определению как «парадигмы разрыва» (Степанов, Проскурин, 1993, с. 15). В «парадигму разрыва» зачастую не укладывается поступательное, лишённое динамических революционных скачков развитие гуманитарного знания. Справедливости ради следует заметить, что сам Кун скептически относился к применимости своих парадигм к гуманитарным наукам (Кун, 1975, с. 17). Современная лингвистическая наука не принимает (по крайней мере в полном объеме) куновскую интерпретацию термина *парадигма*. Неприемлемым для лингвистов, в первую очередь, оказывается «антикумулятивный дух понимания парадигмы у Т. Куна» (Руденко, 1993, с. 101) (см. также: (Степанов, 1985, с. 4; Степанов, Проскурин, 1993, с. 15; Сериио, 1993, с. 37–38; Кубрякова, 1994, с. 6–7; Караулов, 2010, с. 16)).

В отечественной лингвистике доминирует понимание термина *парадигма*, предложенное академиком Ю.С. Степановым, который отказался от куновской идеи несвязности парадигм и упростил понятие до «стиля мышления в науке», «господствующего взгляда на язык» (1985, с. 4). Обозначенная точка зрения согласуется с историей языкознания, которая, по мнению В.З. Демьянкова, свидетельствует о том, что «появление новой теории, новых идей не вызывает крушения и радикального пересмотра старых данных. Историю теоретического языкознания можно рассматривать поэтому как развитие парадигм...» (Демьянков, 2008, с. 36). Тем самым «парадигма разрыва» превратилась в «парадигму развития».

Своеобразный итог в споре о целесообразности использования понятия лингвистами подвела Е.С. Кубрякова, указав, «что для лингвиста, в арсенале которого всегда существовал концепт парадигмы, этот термин особенно понятен: расширение его значения и областей применения мы постоянно наблюдали в течение нескольких последних десятилетий, благодаря чему использование его и в области лингвистической историографии представляется вполне естественным» (1994, с. 9). Сегодня развитие лингвистической науки принято измерять парадигмами. Парадигма охватывает этап в развитии лингвистики, характеризующийся наличием определенной методологической платформы.

Обобщая сказанное выше, отметим, что в настоящей работе в понимании термина *парадигма* мы следуем традиции, заложенной Т. Куном, с учетом нюансов ее переноса на лингвистическую почву, сформулированных академиком Ю.С. Степановым. Таким образом, парадигма представляет собой глубинную методологическую рамку, которая оказывает непосредственное влияние на цели, предмет и методы исследований, то есть «программирует» ответы на вопросы зачем, что и как мы изучаем. При этом смена парадигм отражает развитие и преемственность лингвистического знания.

3. Подходы к выделению лингвистических парадигм

Можно говорить о существовании нескольких подходов к выделению лингвистических парадигм. Условно первый из них подводит под понятие парадигмы крупные лингвистические теории, оставившие значительный след в истории языкознания. Поэтому мы будем называть такой подход историческим. Привлекательность исторического подхода заключается в том, что история языкознания в нем предстает как последовательная смена парадигм. Как правило, парадигмы выделяются в хронологическом порядке их появления в лингвистической науке.

Пример реализации исторического подхода находим в исследовании известного историографа языкознания Ф. М. Березина (2000). Автор заявляет о существовании трех парадигм, которые приходили на смену друг другу, – младограмматической, структуралистской и генеративистской. Т. Н. Хомутова (2009) предлагает схожую концепцию, идентичную по количеству, но отличную по составу парадигм. По ее мнению, все лингвистические исследования протекали в рамках сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической парадигмы. Н. Ф. Алефиренко (2002) расширяет количество парадигм до четырех: лингвистический компаративизм, системно-структурная, коммуникативно-прагматическая и дискурсивно-когнитивная парадигмы.

Второй подход к выделению парадигм отталкивается от особенностей предмета исследования, поэтому в нашей классификации он обозначается как предметный. Он имеет две разновидности. К сегментации и уточнению предмета исследования можно подойти с разных сторон: со стороны базовой единицы языка – знака и со стороны языковой системы в целом. В первом случае парадигмы формируются вокруг параметров изучения знака. Опираясь на указанный принцип, польский ученый А. Киклевич выделил следующие парадигмы: традиционную формальную (предмет изучения – форма знака); семасиологическую (понятийная сторона знака); ономасиологическую (номинативные особенности знака); структурную (парадигматика и синтагматика знака); антропологическую (контекст употребления знака) и универсальную (сочетает в себе признаки предыдущих) (2012, с. 126–127). Во втором случае характер парадигмы находится в зависимости от изучаемого измерения языковой системы. По мнению Ю. С. Степанова, язык разворачивается в трех измерениях – семантике, синтактике и прагматике (1985, с. 3), что дало автору повод говорить о трех лингвистических парадигмах – семантической, синтаксической и прагматической (Там же, с. 5).

Третий подход к выделению парадигм мы назовем признаковым, или атрибутивным. Он основывается на обращении к изучению основных признаков, свойств языка. Парадигма формируется с целью достижения результатов исследования отдельных свойств языка. Так, в рамках атрибутивного подхода Ю. Н. Караулов выделил в истории

языкознания четыре парадигмы — «историческую», «психологическую», «системно-структурную» и «социальную» (2010, с. 14). Данный набор он объясняет четырьмя фундаментальными свойствами языка: 1) исторически обусловленным характером развития; 2) его психической природой; 3) системно-структурным устройством; 4) социально обусловленным характером возникновения и употребления (Там же, с. 15).

Если мы попытаемся наложить парадигмальную матрицу, предложенную Ю.Н. Карауловым, на корпус реальных лингвистических исследований, то окажется, что контуры выделенных парадигм слишком размыты. Действительно, сложно понять, к какой парадигме отнести, скажем, учение младограмматиков, совмещающее в своей доктрине признаки историзма и психологизма, или, скажем, новое учение о языке Н.Я. Марра, представляющее собой оригинальный синтез идей сравнительно-исторического языкознания и вульгарного социологизма. Тем не менее считаем, что подход, избранный Ю.Н. Карауловым для выделения и описания парадигм, наиболее перспективен. Именно атрибутивный подход способен раскрыть динамику смены методологических рамок в науке о языке. Отдельные недостатки модели Ю.Н. Караулова скорее говорят о небесспорном выборе атрибутов, чем о научной непригодности признакового подхода.

На наш взгляд, ближе всего к пониманию сущности парадигмального развития лингвистики подошел В.М. Алпатов (1993). Используя атрибутивный подход, он заключает, что все развитие лингвистики происходит вокруг двух парадигм — «антропоцентрической» и «системоцентрической» (автор избегает термина *парадигма*, говорит о «подходах к языку», что, однако, не меняет сути вещей, поскольку в «подходе» В.М. Алпатов видит глобальную методологическую рамку). Признаки антропоцентрической и системоцентрической парадигм В.М. Алпатов описал в серии своих исследований, посвященных настоящей проблеме (1993; 2015; 2020).

Антропоцентрическая парадигма исходит из позиции, что язык не существует вне своего творца и обладателя — человека, при этом центр исследований языка концентрируется вокруг гуманитарной сферы в этимологическом понимании последнего словосочетания. Системоцентрическая парадигма, наоборот, стремится видеть в языке самостоятельную объективную структуру, а лингвистические исследования должны прояснить законы ее строения и функционирования.

Таким образом, различие антропоцентрической и системоцентрической парадигм определяется направлением лингвистического поиска. Антропоцентризм смотрит «из языка», «наружу», «вовне». Системоцентризм по сути интроспективен, он смотрит «внутри» языка.

Ограничение методологии лингвистики рамками всего двух парадигм не является показателем упрощенного взгляда на историю развития языкознания. Все многообразие теорий, концепций, течений — прошлых и нынешних — вписывается в границы обозначенных парадигм. Понятие парадигмы, по справедливому замечанию Е. С. Кубряко-

вой, дополняют понятия направления исследования и научной школы, в которых отмечается видовое своеобразие научных подходов (2008, с. 9). Поэтому с позиций частной эпистемологии лингвистики и с позиций лингвистической историографии методологическое здание языкознания целесообразно представлять в виде триады «парадигма — направление — школа». При этом члены триады находятся в отношениях инклюзивности с установленной градацией теоретических идей от общих к частным.

4. Механизм динамики парадигм

История языкознания свидетельствует о парадигмальной цикличности: антропоцентризм и системцентризм последовательно сменяют друг друга. Первый нацелен на решение междисциплинарных задач и стремится к всеобъемлющему накоплению языковых фактов. В определенный момент инструментов этой парадигмы оказывается недостаточно для объяснения и классификации множества языковых явлений и фактов. Тогда исследовательское поле занимает системцентризм, упорядочивая образовавшийся хаос при помощи глубоко разработанных методов и процедур исследования (ср. мнение о том, что структурализм призван бороться с хаосом: (Живов, Тимберлейк, 1997, с. 3)). В какой-то момент достоинства системцентризма превращаются в его недостатки — излишнюю формализацию и схематизм. Снова возникает потребность погрузиться в стихию живого языка, для чего возвращается антропоцентризм. Тем самым круг замыкается. В последовательной смене парадигм заключается диалектика развития лингвистики.

Сегодня большинство историков языкознания сходятся во мнении, что лингвистика как самостоятельная наука заявила о себе на рубеже XVIII—XIX веков. Именно тогда оформилась первая методологическая рамка, и лингвистика вступила на путь парадигмального развития, что было признаком ее научной зрелости. Собственно научная история лингвистики началась с антропоцентрической парадигмы (Алпатов, 1993, с. 15). В. фон Гумбольдт не только открыл антиномии в природе языка, но и направил своих многочисленных последователей по пути изучения одной из сторон языка. Немецкий ученый сделал отчетливый выбор в пользу изучения языка как деятельности. Он придерживался мнения, «что определение языка как деятельности духа совершенно правильно и адекватно уже потому, что бытие духа вообще может мыслиться только в деятельности...» (Гумбольдт, 2000, с. 70). Сформированная под влиянием гумбольдтианства антропоцентрическая парадигма отличалась большой устойчивостью.

Потребность лингвистики в изучении языка «как самодовлеющего целого, структуры *sui generis*» (Ельмслев, 1960, с. 267), а также ее желание избавиться от того, что И. А. Бодуэн де Куртенэ назвал «клеймом филологического происхождения» (1963, с. 205), предопределили разворот к системцентрической методологии. Автор «Курса общей линг-

вистики» Ф. де Соссюр бросил вызов гумбольдтианству, заявив, что «язык не деятельность (*fonction*) говорящего. Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим ...» (1977, с. 52). Известно, что публикация курса лекций великого швейцарского лингвиста имела эффект катализатора, поспособствовав стремительному распространению новой методологии. Пожалуй, окончательное закрепление системоцентрической парадигмы в ее структуралистском облике произошло благодаря работам Л. Ельмслева (1960) и Э. Кассирера (Cassirer, 1945).

Системоцентрическая парадигма доминировала вплоть до 1980–1990-х годов. Однако цель обеспечения нового витка развития лингвистики потребовала выхода за границы сковывающего системоцентризма с его консервативным подходом к определению предмета исследования и ригидностью исследовательских программ. В этой связи лингвисты перешли к активной реализации на практике знаменитой формулы Э. Бенвениста об изучении «человека в языке» (так называется один из разделов его книги «Общая лингвистика»). Важнейший шаг на пути возврата к идеям антропоцентризма был сделан А. Вежбицкой, которая не только заявила о приверженности новой методологической позиции, но и смогла на обширном фактическом материале воплотить теоретические идеи (Wierzbicka, 1997; 1999).

Возврат к антропоцентрической парадигме не означает, что наука вернулась к проблемам XIX века. Наоборот, речь идет о новом витке развития методологии, который полностью учитывает актуальный научный контекст с его проблемами и достижениями, а также целиком отвечает диалектическим принципам развития языкознания. Современный облик антропоцентризма характеризуется тем, что язык изучается в широком социально-культурном контексте, то есть во взаимосвязи с человеком, его деятельностью и культурой (Goddard, 2006; Levisen, 2012). Антропоцентрическая парадигма вывела на первый план следующие принципы исследования: интегративность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуроцентричность, а также интерес к глубинным знаниям в языке (Маслова, 2018).

5. Жизненный цикл парадигм и его стадии

Ключевую роль в обеспечении методологической стабильности играет жизненный цикл парадигмы. Под термином *жизненный цикл* мы понимаем исторический период, в ходе которого парадигма оказывается способной выполнять функцию методологической платформы для исследовательской деятельности, избегая при этом фундаментальных противоречий и не создавая препятствий дальнейшему развитию науки.

История языкознания предоставляет нам достаточно точные данные о жизненном цикле предшествующих парадигм. Его срок имеет тенденцию к сокращению. Если «изначальный» антропоцентризм удерживал позиции более ста лет, то системоцентризм в облике структурализма исчерпал себя за семьдесят лет. Главная причина этого, на

наш взгляд, заключается в постоянном увеличении скорости накопления знаний. Парадигма быстрее начинает растрчивать свой потенциал. Актуальная антропоцентрическая парадигма определяет облик лингвистических исследований уже около сорока лет. Вполне вероятно, что значительную часть своего потенциала она успела реализовать.

В ходе своего жизненного цикла парадигма проходит несколько стадий. Первая стадия связана со становлением и ростом влияния парадигмы. Вторая стадия знаменует ее расцвет. Наконец, третья сопряжена с ослаблением эффективности и нарастанием кризисных явлений. Думается, что современный антропоцентризм уже преодолел стадию расцвета. В рамках предложенной нами стадийной модели актуальная парадигма занимает промежуточное место между второй и третьей стадиями. Явных признаков заката парадигмы мы в настоящий момент не наблюдаем. Но вместе с тем уже обозначился целый ряд признаков, которые свидетельствуют о небезупречности методологической рамки в современных условиях и предвещают грядущий кризис парадигмы.

Во-первых, за последние двадцать лет антропоцентризм не дал лингвистике ни одного нового направления, сопоставимого по масштабу с коммуникативным, когнитивным или дискурсивным направлениями. Сегодня ученые пользуются достижениями прошлого и, в лучшем случае, развивают высказанные ранее положения. В этом факте мы видим признак «старения» действующей парадигмы.

Во-вторых, наблюдается дефицит современных методов, методик и процедур исследования. Оставив в прошлом методическую практику структурализма с ее нацеленностью на строгость и объективность, антропоцентризм не смог обеспечить новое поколение ученых широким спектром исследовательских инструментов. Предлагаемый инструментарий, как правило, ориентируется на языковое чутье, интуицию исследователя. Важная роль языкового чутья ученого на всех этапах развития лингвистики (в том числе тех, которые еще предстоит пройти) не вызывает сомнения. Однако отсутствие альтернативы в использовании методов и приемов имеет свои недостатки. В связи с узким применением объективных методов растет априорность исследовательских результатов. Необходимо констатировать, что значительная часть современных лингвистических работ больше напоминает эссе на филологические темы, чем научные произведения, отвечающие своему жанру.

В-третьих, снижается экспансионизм лингвистики в междисциплинарном пространстве. Если системоцентризм вывел языкознание на лидирующие позиции в гуманитаристике, то сегодня междисциплинарность лингвистических исследований в большей степени носит декларативный характер. Проблематика актуальных междисциплинарных разработок (пожалуй, за исключением исследований в области когнитивистики) в значительной мере уходит своими корнями в эпоху структурализма, то есть обязана своим существованием научным про-граммам прошлого.

6. Формирование интегральной лингвистической парадигмы

Очевидно, что без изменения методологической рамки лингвистике в будущем не избежать нового кризиса. В сложившейся ситуации методологическая рефлексия особенно важна. Она позволяет одновременно решать общую и частную задачи: предвидеть направление парадигмальных сдвигов и сформировать в условиях переходности такую методологическую рамку исследования, которая позволит добиться наибольших научных результатов.

Специфика накапливающихся в лингвистике проблем говорит о том, что в будущем ее ждет разворот в сторону системцентризма. Эту фазу в истории своего развития она уже проходила. Но в данный момент непонятно, каким будет облик нового системцентризма, насколько он будет похож на структурализм и насколько завоевания и достижения актуальной парадигмы будут интегрированы в создаваемую эпистемическую конструкцию. Считаем, что наиболее перспективной для лингвистики станет парадигма, образованная в результате синтеза идей системцентризма и антропоцентризма. Принимая во внимание сложившуюся в языкознании последовательность смены парадигмальных ролей, целесообразно было бы выстраивать новую парадигму с некоторым акцентом на принципы системцентризма.

Идея создания интегральной парадигмы в языкознании не нова. Насколько нам известно, ее впервые высказал Р. Якобсон в статье «Значение лингвистических универсалий для языкознания» (1996). По его мнению, для сближения двух парадигм необходимо «отбросить апокрифический эпилог, напечатанный крупными буквами издателями Курса Соссюра...» (Там же, с. 197). Р. Якобсон задается вопросом о том, почему не рассматривать язык «как целое, существующее “в себе и для себя” и, вместе с тем, как составную часть культуры и общества» (Там же, с. 198). Это, по мнению ученого, сделает лингвистику «двусторонней наукой» (Там же).

В отечественной лингвистике также фиксировались неоднократные попытки обратить внимание на исследовательские перспективы универсальной парадигмы. Однако эти попытки носили несистемный, спорадический характер. Можно выделить три этапа в обсуждении проблемы интегральной парадигмы.

К первому этапу относится переход от системцентризма к антропоцентризму. В этот переломный момент были внесены обоснованные предложения, которые содержали призыв к преодолению внутрипарадигмальных подходов и отказу от пересмотра принципов системцентризма. Тем самым формировался лингвофилософский модус «вне границ» (Факторович, Руденко, 1993, с. 8). Его цель заключалась в «преодолении одномерного, “узконаучного” подхода, с учетом полифонии объекта и поликоординатного взгляда на него» (Там же, с. 9). Однако в указанный период исследовательская эйфория от внедрения принципов антропоцентризма заслонила идею универсальной парадигмы. По-

следняя осталась мертвым конструктом на страницах отдельных статей, в которых обсуждались проблемы лингвистической методологии. Проникнуть в исследовательскую практику эта идея не смогла.

Второй этап обсуждения вопроса интегральной парадигмы пришелся на период расцвета антропоцентризма. Основная заслуга в продвижении обозначенной идеи на этом этапе принадлежала одному из ведущих теоретиков отечественного языкознания — В.И. Поставаловой. В ряде работ (2016а; 2016б) она отстаивала позицию необходимости поиска интегральной парадигмы познания. В ней В.И. Поставалова видела залог полного и адекватного постижения изучаемой реальности, то есть языка. Своеобразным резюме к событиям второго этапа являются слова о том, что «лингвисты обращают внимание на формирование своего рода универсальной парадигмы, объединяющей разные направления языкознания и подходы к анализу языка, и фактически происходящее расширение границ лингвистики» (Дубровская, 2019, с. 83). Однако вопрос о поиске интегральной парадигмы опять не вышел за рамки общетеоретических наблюдений и рассуждений.

Наконец, третий этап открылся несколько лет назад, то есть в период перехода от второй к третьей стадии жизненного цикла антропоцентризма. Текущий этап характеризуется активным методологическим поиском точек соприкосновения двух парадигм. Основной вклад в этот поиск вносят исследования С.Т. Золяна. Так, автор предлагает «примирить» концепции В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра посредством применения принципа внутрисистемной дифференциации Н. Лумана (Золян, 2021). Еще одним возможным связующим мостом между антропоцентризмом и системоцентризмом, по мнению С.Т. Золяна, может стать переосмысление теоретического наследия Ю.М. Лотмана (Золян, 2022). В указанных сочинениях С.Т. Золян новую интегральную парадигму называет «неоструктурализмом». Считаем использование данного термина вполне оправданным с этимологической, эпистемологической и лингвоисторической точек зрения.

7. Принципы неоструктурализма как интегральной лингвистической парадигмы

Исследовательские принципы неоструктурализма формируются в результате методологического диалога антропоцентризма и системоцентризма. Сразу оговоримся: парадигма неоструктурализма находится в стадии формирования, поэтому конструкция методологической рамки еще подвижна, отдельные ее принципы могут трансформироваться и уточняться. Вместе с тем считаем, что контуры новой парадигмы уже в достаточной степени очерчены. Исследовательское кредо неоструктурализма видится в изучении комплекса нелинейных функций структуры, «где формализм... описания будет дополнен конструктивизмом, в его динамической сопряжении с процессами коммуникации и смыслопорождения» (Там же, с. 117).

Описание методологических принципов неоконструктивизма начнем с той их части, которая отражает идеи системоцентризма. Счи-

таем такой порядок оправданным ввиду того, что создание интегральной парадигмы представляет собой реакцию на чрезмерное ослабление центростремительных сил и тенденций в исследовательской среде.

Первым принципом интегральной парадигмы является принцип холизма. Он наполнен общенаучным содержанием и соответственно может использоваться разными науками. Во многом именно он обеспечивает системность исследований. Через названный принцип реализуется на практике знаменитая гегелевская формула «Только целое имеет смысл». Познание целого не может быть сведено к изучению одной из его частей. Данный принцип позволяет преодолеть редукционизм большинства современных лингвистических исследований. Холистический подход предусматривает рассмотрение и оценку всего многообразия предмета исследования и ставит преграду на пути научной односторонности и избирательности.

Второй принцип неоструктурализма — назовем его таксономичностью — также относится к числу универсальных научных принципов. Он заключается в поиске, формировании и демонстрации внутренней структуры объекта исследования. Таксономичность исследования предполагает манифестацию картины полученных результатов в форме логически выстроенной классификационной матрицы. На наш субъективный взгляд, такой картины сильно недостает многим современным исследованиям.

Третий принцип носит частнонаучный характер и раскрывает специфику лингвистических исследований. Он связан с учетом семиотической природы языковых явлений. Данный принцип играл одну из ключевых ролей в парадигме системоцентризма, однако в последние годы он, если не полностью отвергнут лингвистами, то отошел на второй план (зачастую семиотическая природа языка просто декларируется, но очень редко учитывается в процессе проведения исследований). При этом неоспоримым по сей день выглядит замечание Ф. де Соссюра о том, что все проблемы языкознания — «это прежде всего проблемы семиологические...» (Соссюр, 1977, с. 55). Действительно, изучаются ли лингвокогнитивные механизмы языковой игры, деятельность коммуникативной личности, метаязыковая деятельность переводчика или рекламиста, процессы смыслопорождения в разного рода дискурсах, все рассматриваемые языковые и речевые явления не теряют своей знаковой сущности. Поэтому принцип семиотичности или ориентации на семиотику призван вернуть в работы о языке собственно лингвистическую составляющую.

Неоструктурализм мыслится как сбалансированная парадигма. Поэтому три обозначенных выше принципа системно-структурной направленности дополняются принципами, позволяющими интегрировать в методологическую рамку достижения и наиболее перспективные идеи антропоцентризма и тем самым уравновесить парадигму.

Первым из таких принципов является принцип многомерности. Он имеет двойственную природу. С одной стороны, он ориентирован на общую эпистемологию, с другой — характеризуется собственно линг-

вистической составляющей. Выполняя свою общенаучную функцию, принцип многомерности при взаимодействии с принципом холизма должен обеспечить необходимый исследовательский баланс. Многомерность противостоит догматичности, допускает вариативность решений и получаемых результатов. Реализация этого принципа позволяет не оставить без внимания частные проблемы в угоду решения основной. Многомерность предполагает множественность интерпретаций фактов в зависимости от контекста, что особенно важно для лингвистики, работающей с контекстообусловленными явлениями и полифоничными структурами.

Собственно лингвистическая составляющая принципа многомерности вытекает из того внимания, которое уделяется контексту. В лингвистике понятие контекста, как известно, тесно связано с понятием дискурса. Именно попытки проникнуть «за текст», найти объяснение форме и содержанию текста в «кон-тексте» помогли ученым открыть такой феномен, как дискурс, который теперь представляет практически неисчерпаемое поле для исследований. Принцип многомерности тем самым имплицитно описывает ситуацию, при которой дискурс станет предметом исследования в неоструктурализме. В этом смысле многомерность фактически становится синонимом дискурсивности.

Подобно многомерности, следующий исследовательский принцип, функционализм, также обладает двойственной природой. Он отражает общенаучное стремление изучать явление сквозь призму выполняемых им функций. Функционализм — это один из самых востребованных научных принципов: он используется едва ли не всеми частными науками. При этом его применение в языкознании имеет глубокую историю. Одну из главнейших своих задач лингвисты видели в изучении языка «во всем разнообразии его функций» (Якобсон, 1975, с. 197). Функционализм в лингвистике оформился в одно из магистральных направлений, связанное прежде всего с идеологией антропоцентризма, что вполне объяснимо тем, что сами функции лежат за пределами системы и структуры языка, закрывая потребности носителя, «хозяина» языка — человека.

Именно функционализм в широком понимании этого термина (в узком значении он нацелен на изучение функций отдельных единиц языка в процессе речевой деятельности) дал необходимый импульс многим исследовательским направлениям: когнитивной лингвистике (изучение когнитивной функции), социолингвистике (изучение социальной функции), лингвокультурологии (изучение кумулятивной функции) и др. Включение функционализма в систему принципов интегральной парадигмы свидетельствует о том, что проблемы и задачи, решаемые вышеназванными направлениями, не останутся без внимания неоструктурализма.

Наконец, шестым, сугубо лингвистическим принципом универсальной парадигмы является текстоцентризм. Уже сама внутренняя форма термина говорит нам о том, что в качестве главного объекта ис-

следования в неоструктурализме выступает текст. Обозначенный приоритет вполне согласуется с ходом развития лингвистической науки. По мнению современных ученых, «“героем нашего времени” оказывается не фонема, любимый объект раннего структурализма, и не предложение, баловень генеративизма, а текст, изучаемый как целокупность его многомерной гетерогенной смысловой структуры, множественности языков порождения и интерпретации и контекстно-обусловленных коммуникативных характеристик» (Золян, 2022, с. 117).

8. Заключение

Подводя итоги исследования, отметим, что многовекторность и многоаспектность развития современной лингвистики ставят ученого в ситуацию постоянного методологического поиска. Методологическая рефлексия усиливается в период смены научных парадигм. Анализ состояния жизненного цикла действующей парадигмы антропоцентризма свидетельствует о приближающемся идейном распылении, а, возможно, и о кризисе. Одновременно актуальный лингвистический контекст создает перспективы для формирования и закрепления интегральной научной парадигмы. Таковой способен стать неоструктурализм, который обеспечит возврат к фундаментальным позициям системоцентризма при сохранении наиболее продуктивных идей антропоцентризма.

Систему исследовательских принципов неоструктурализма образуют холизм, таксономичность (ориентация на таксонометрию), семиотичность (ориентация на семиотическую природу языка), многомерность, функционализм и текстоцентризм. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что первые три в универсальной парадигме «представляют интересы» системоцентризма, вторые три — антропоцентризма.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф. Парадигмы современной науки о языке: Традиции и инновации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2002. №1. С. 5–13.

Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 15–26.

Алпатов В.М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. №3. С. 7–21.

Алпатов В.М. «Великий кризис» в истории лингвистики и пути его преодоления // Вопросы языкознания. 2020. №5. С. 7–21. doi: 10.31857/0373-658X.2020.5.7-21.

Березин Ф.М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000. С. 5–13.

Бодуэн де Куртене И.А. О задачах языкознания // Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. С. 203–221.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. М., 2000. С. 37–298.

Демьянков В.З. Термин *парадигма* в «родном» и «чужом» ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. М., 2008. С. 15–39.

Дубровская Т.В. Научные парадигмы в современной отечественной и зарубежной лингвистике: сущность, динамика, философские основания // Научный диалог. 2019. №9. С. 73–87. doi: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 264–389.

Живов В., Тимберлейк А. Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии) // Вопросы языкознания. 1997. №3. С. 3–14.

Золян С.Т. Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода // Вопросы языкознания. 2021. №1. С. 121–141. doi: 10.31857/0373-658X.2021.1.121-141.

Золян С.Т. Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2022. №1. С. 106–119. doi: 10.31857/0373-658X.2022.1.106-119.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.

Киклевич А. Парадигмы языкознания как типы профилирования знаков // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Краков, 2012. Вып. 1. С. 119–133.

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1994. Т. 53, №2. С. 3–15.

Кубрякова Е.С. Понятие «парадигма» в лингвистике: введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. М., 2008. С. 4–14.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, №2. С. 172–190. doi: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190.

Поствовалова В.И. Лингвистическая реальность и пути ее постижения (восхождение к интегральным парадигмам) // Метафизика. 2016а. №4. С. 59–77.

Поствовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: в поисках интегральных парадигм. М., 2016б.

Руденко Д.И. Лингвофилософские парадигмы: границы языка и границы культуры // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. Т. 1. С. 101–173.

Серио П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. Т. 1. С. 37–52.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31–269.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Смена «культурных парадигм» и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. Т. 1. С. 13–36.

Факторович А.Л., Руденко Д.И. Философия языка: к рефлексии над границами (В качестве введения) // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. Т. 1. С. 3–12.

Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009, №35. Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 142–151.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

Якобсон Р. Значение лингвистических универсалий для языкознания // Язык и бессознательное. М., 1996. С. 184–198.

Cassirer E. Structuralism in modern linguistics // Word. 1945. №1. P. 105–115.

Goddard C. Ethnopragmatics. A new paradigm // Ethnopragmatics: understanding discourse in cultural context. Berlin, 2006. P. 1–30. doi: 10.1515/9783110911114.

Levisen C. Cultural semantics and social cognition. A case study of the Danish universe of meaning. Berlin, 2012. doi: 10.1515/9783110294651.

Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. Oxford, 1997.

Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: diversity universals. Cambridge, 1999.

Об авторе

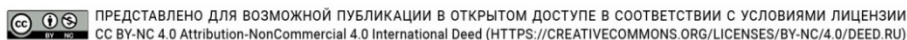
Михаил Александрович Кравченко, кандидат филологических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-6776-4131

E-mail: mak@rgups.ru

Для цитирования:

Кравченко М. А. Предпосылки становления неоструктурализма как интегральной лингвистической парадигмы // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 6–23. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-1.

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF NEOSTRUCTURALISM AS AN INTEGRAL LINGUISTIC PARADIGM

Mikhail A. Kravchenko

Rostov State Transport University,
2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya St.,
Rostov-na-Donu, 344038, Russia

Submitted on 17.06.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-1

This work is the result of methodological reflection related to the comprehension of more than two hundred years of experience accumulated since the secularization of linguistics, and the formation of a reasonable forecast regarding the near and medium-term development of linguistic science. The development of linguistics is determined by the dynamics of paradigms. In understanding the latter term, the author follows the tradition laid down by Kuhn, taking into account the nuances of its transfer to the linguistic soil formulated by academician Stepanov. The paradigm forms a deep methodological framework that has a direct impact on the goals, subject and methods of research. At the same time, the paradigm shift reflects the development and continuity of linguistic knowledge. The driving force behind the development of linguistics is the competitive struggle between the ideas of anthropocentrism and systemocentrism. To explain the mechanism of paradigmatic cyclicality, the author refers to the concept of the paradigm life cycle. The article demonstrates the signs of "aging" of the current anthropocentric paradigm. Modern linguistics is on the threshold of a new methodological search. At the current moment, prerequisites are emerging for methodological transfor-

mations, the result of which may be the creation of an integral (universal) research paradigm capable of providing complete and adequate comprehension of language. Neostructuralism is considered as a variant of the implementation of the integral paradigm, as a linguistic platform that provides a return to the fundamental positions of systemocentrism while preserving the most productive ideas of anthropocentrism. The research principles of neostructuralism encompass holism, taxonomy (emphasis on taxometric approaches), semiotics (focus on the semiotic nature of language), multidimensionality, functionalism, and textocentrism.

Keywords: methodology, integral paradigm, systemocentrism, anthropocentrism, neostructuralism

References

Alefrenko, N.F., 2002. Paradigms of modern science of language: Traditions and innovations. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Series Philological sciences], 1, pp. 5–13 (in Russ.).

Alpatov, V.M., 1993. On anthropocentric and system-centric approaches to language. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, pp. 15–26 (in Russ.).

Alpatov, V.M., 2015. Linguistics: What and How? *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, pp. 7–21 (in Russ.).

Alpatov, V.M., 2020. “The great crisis” in the history of linguistics and how it was overcome. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 5, pp. 7–21, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2020.5.7-21> (in Russ.).

Baudouin de Courtenay, I.A., 1963. About the tasks of linguistics. In: *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected works on general linguistics]. Vol. 1. Moscow, pp. 203–221 (in Russ.).

Berezin, F.M., 2000. On paradigms in the history of linguistics of the XX century. In: *Lingvisticheskie issledovaniya v kontse XX v.* [Linguistic research at the end of the XX century]. Moscow, pp. 5–13 (in Russ.).

Cassirer, E., 1945. Structuralism in modern linguistics. *Word*, 1, pp. 105–115.

Demyankov, V.Z., 2008. The term paradigm in the “native” and “alien” areas. In: *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoi lingvistike : sbornik nauchnykh trudov* [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics : a collection of scientific papers]. Moscow, pp. 5–39 (in Russ.).

Dubrovskaya, T.V., 2019. Paradigms in Modern Russian and Foreign Linguistics: Nature, Dynamics, and Philosophical Grounds. *Nauchnyi dialog*, 9, pp. 73–87, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-73-87> (in Russ.).

Faktorovich, A.L. and Rudenko, D.I., 1993. Philosophy of Language: towards Reflection on Boundaries (As an introduction). In: *Filosofiya yazyka: v granitsakh i vne granits* [Philosophy of language: within and beyond borders]. Vol. 1. Kharkiv, pp. 3–12 (in Russ.).

Goddard, C., 2006. Ethnopragmatics. A new paradigm. In: *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Berlin; New York, pp. 1–30, <https://doi.org/10.1515/9783110911114>.

Hjelmslev, L., 1960. Prolegomena to the theory of language. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 1. Moscow, pp. 264–389 (in Russ.).

Humboldt, W. von., 2000. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind. In: *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, pp. 37–298 (in Russ.).

Jakobson, R., 1975. Linguistics and poetics. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: “pro” and “contra”. Moscow, pp. 193–230 (in Russ.).

Jakobson, R., 1996. The importance of linguistic universals for linguistics. In: *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. Moscow, 184–198 (in Russ.).

Karaulov, Yu. N., 2010. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow (in Russ.).

Khomutova, T. N., 2009. Scientific paradigms in linguistics. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences], 35, pp. 142–151 (in Russ.).

Khun, T., 1975. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow (in Russ.).

Kiklevich, A., 2012. Paradigms of linguistics as types of character profiling. In: *Yazyk i metod. Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka* [Language and method. The Russian language in Linguistic research of the 21st century]. Vol. 1. Kraków, pp. 119–133 (in Russ.).

Kubryakova, E. S., 2008. The concept of “paradigm” in linguistics: Introduction. In: *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoi lingvistike : sbornik nauchnykh trudov* [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics : a collection of scientific papers]. Moscow, pp. 4–14 (in Russ.).

Kubryakova, E. S., 1994. Paradigms of scientific knowledge in linguistics and its current status. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya: literatura i yazyk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and language], 53 (2), pp. 3–15 (in Russ.).

Levisen, C., 2012. *Cultural semantics and social cognition. A case study of the Danish universe of meaning*. Berlin, <https://doi.org/10.1515/9783110294651>.

Maslova, V. A., 2018. The Main Trends and Principles of Modern Linguistics. *Russian Language Studies*, 16 (2), pp. 172–190, <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190> (in Russ.).

Postovalova, V. I., 2016a. Linguistic Reality and The Ways of Its Comprehension (Ascension) Towards Integral Paradigms. *Metaphysics*, 4, pp. 59–77 (in Russ.).

Postovalova, V. I., 2016b. *Nauka o yazyke v svete ideala tsel'nogo znaniya: v poiskakh integral'nykh paradigm* [The science of language in the light of the ideal of integral knowledge: in search of integral paradigms]. Moscow (in Russ.).

Rudenko, D. I., 1993. Linguophilosophical paradigms: boundaries of language and boundaries of culture. In: *Filosofiya yazyka: v granitsakh i vne granits* [Philosophy of language: within and beyond borders]. Vol. 1. Kharkiv, pp. 101–173 (in Russ.).

Saussure, de F., 1977. General Linguistics Course. In: F. de Saussure, ed. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow, pp. 31–269 (in Russ.).

Sériot, P., 1993. In search of the fourth paradigm. In: *Filosofiya yazyka: v granitsakh i vne granits* [Philosophy of language: within and beyond borders]. Vol. 1. Kharkiv, pp. 37–52 (in Russ.).

Stepanov, Yu. S. and Proskurin, S. G., 1993. The change of “cultural paradigms” and its internal mechanisms. In: *Filosofiya yazyka: v granitsakh i vne granits* [Philosophy of language: within and beyond borders]. Vol. 1. Kharkiv, pp. 13–36 (in Russ.).

Stepanov, Yu. S., 1985. *V trekhmernom prostranstve yazyka: semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of language: semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow (in Russ.).

Wierzbicka, A., 1997. *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford.

Wierzbicka, A., 1999. *Emotions across languages and cultures: diversity universals*. Cambridge.

Zhivov, V. and Timberlake, A., 1997. Parting with structuralism (theses for discussion). *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, pp. 3–14 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2021. How to reconcile Luhmann with Saussure: The principle of intrasystemic differentiation as a basis for a neo-structuralist approach. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 121–141, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.121-141> (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2022. Yuri Lotman: On problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 106–119, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.106-119> (in Russ.).

The author

Dr Mikhail A. Kravchenko, Associate Professor, Rostov State Transport University, Russia.

ORCID: 0000-0002-6776-4131

E-mail: mak@rgups.ru

To cite this article:

Kravchenko, M. A., 2025, Prerequisites for the formation of Neosubstructuralism as an integral linguistic paradigm, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 6–23. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОЕЦИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В. И. Заботкина¹, Е. А. Боярская^{1, 2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, 6

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 17.08.2024 г.

Принята к публикации 10.11.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-2

Создание и функционирование глобальной информационной среды наряду с повышением скорости распространения информации благодаря развитию информационных технологий становится серьезным вызовом современного общества, приводя к чрезмерной когнитивной нагрузке, что ослабляет способность к критическому восприятию информации и анализу получаемых данных. В статье рассмотрены концептуальные процессы, лежащие в основе манипулятивного воздействия, реализуемого в медиадискурсе. Концептуальный анализ, проведенный на материале современного английского языка с использованием корпуса текстов News on the Web, позволил выделить и описать ключевые типы концептуального проецирования, которые формируют основу манипулятивного акта. Когнитивные процессы аналогии, метафоризации и эмоционализации, профилирования, атрибуции, фрейминга, скриптизации, а также их многочисленные комбинации представляют собой основу манипуляции, реализуемой в текстах современных англоязычных СМИ. Данные процессы характеризуются динамичностью и полидоменностью, что усложняет их идентификацию и анализ. Динамический характер концептуального проецирования обусловлен закономерностями функционирования концептуальной системы экспериенсера – постоянным восприятием сенсорных данных, их обработкой на доконцептуальном, концептуальном и категориальном уровне. Полидоменное проецирование позволяет агенту манипуляции создавать многослойные концептуальные нарративы, воздействующие на различные уровни восприятия и интерпретации информации, усложняя распознавание манипулятивного воздействия. Исследование концептуального проецирования в контексте манипуляции приобретает особое значение в условиях функционирования глобальной информационной среды, где СМИ становятся основным каналом распространения новостей и мнений. Понимание когнитивных и лингвистических аспектов этого процесса важно для разработки стратегий противодействия манипуляциям. Проведенное исследование способствует углубленному анализу механизмов манипулятивного воздействия разных типов и предлагает новые подходы к изучению механизмов их влияния на сознание коллективного и индивидуального экспериенсера.

Ключевые слова: концептуальное проецирование, полидоменность, фрейм, манипуляция, медиадискурс

Общество в XXI веке живет в эпоху информационной перегрузки, что ведет к состоянию, которое возникает у человека при получении значительного объема информации за короткий промежуток времени.

При этом мозг не успевает обработать и систематизировать постоянно поступающий поток данных. С понятием информационной перегрузки сопряжено понятие информационного шума, представляющего собой совокупность избыточной, нерелевантной или неверной информации, которая затрудняет восприятие, обработку или использование данных. Информационный шум характеризуется избыточностью, повторением информации без добавления новой, отсутствием актуальности, недостоверностью и искажением фактов. Состояние информационного шума заглушает, нивелирует важные сигналы и мешает принимать взвешенные решения.

Информационный поток носит фрагментарный характер; он разделен на множество отдельных и часто не связанных между собой сегментов, каждый из которых формирует свою аудиторию. Фрагментация информации происходит в соответствии с прагматическими характеристиками экспериенсера, что приводит к возникновению эффекта информационных пузырей, или эхокамер, которые, в свою очередь, создают питательную среду для реализации манипулятивного воздействия, формирования альтернативной реальности, снижения объективности и уровня критического мышления. Последствиями информационного шума и фрагментации информационного пространства становятся снижение качества восприятия и сбой когнитивных проекций (Kahneman et al., 2021).

Цель настоящей статьи состоит в исследовании механизма концептуального проецирования и его роли в манипулятивных стратегиях, используемых в различных видах дискурса. Будут выявлены и проанализированы ключевые когнитивные и лингвистические аспекты концептуального проецирования и рассмотрены его проявления в медиадискурсе.

Необходимо отметить чрезвычайно высокий интерес к изучению манипуляции в различных видах дискурса: в гуманитарных науках (Демьянков, 2018), в переводе текстов дипломатического дискурса (Boudani, 2023), в политическом (Pesina et al., 2020; Polyakova et al., 2020; Krafft, Donovan, 2020) и цифровом дискурсе (Levitskaya, Fedorov, 2020; Marwick, Lewis, 2017), в соцсетях (Akram et al., 2023; Bradshaw, Howard, 2017), в бизнес-дискурсе (Malyuga, Tomalin, 2017) и религиозном дискурсе (Grishenkov, Variyasova, 2019). В литературе также рассматриваются вопросы противодействия манипуляции (Davidović, 2022). Как справедливо отмечает В. З. Демьянков, манипулятивные практики, особенно в новостных потоках, активно влияют на восприятие реципиентов и могут быть представлены как «когнитивная инфекция», защита от которой требует когнитивных навыков и критического мышления. Вывод заключается в необходимости развивать концепцию когнитивной гигиены для преодоления информационного загрязнения (Демьянков, 2017).

В когнитивном плане манипуляция понимается как осуществление контроля над сознанием индивидуума, она предполагает вмешательство в процессы понимания и формирования ментальных моделей и

репрезентации мира (van Dijk, 2006). В настоящем исследовании манипуляция трактуется как намеренное воздействие на индивидуального или коллективного экспериенсера с целью изменения моделей восприятия, интерпретации, мнений или поведения в соответствии с целями манипулятора (агенса). Манипулятивное воздействие носит *имплицитный характер*, что препятствует осознанию экспериенсером самого факта манипуляции и ее возможных последствий.

Манипуляция основана на активной роли человека в формировании смыслов, которые создают концептуальную и языковую картины мира, будучи способом ментально-языкового конструирования окружающей реальности. Возможность манипуляции посредством языка обеспечивается структурированностью сознания, способностью человека устанавливать взаимосвязи между объектами и событиями, прогнозировать их развитие и извлекать выводное знание (Болдырев, 2023).

Манипулятивное воздействие может осуществляться на различных уровнях, включая уровень индивидуального сознания. Индивидуальное сознание неоднородно, поскольку оно включает в себя не только когнитом, то есть совокупность познавательных способностей мозга (термин К. В. Анохина (2021)), но и элементы коллективного опыта и знаний. В этом контексте целью манипулятивного воздействия может быть любой сегмент (или сегменты) концептуальной картины мира. Манипулятор изменяет их структуру посредством введения новых или модификации существующих доменов концептуальной системы индивидуального или коллективного экспериенсера. Такие изменения могут существенно влиять на восприятие и интерпретацию информации, так как затрагивают как личные убеждения и ценности, так и коллективные представления и стереотипы. Любое манипулятивное воздействие способно перекраивать границы доменов, создавая новые концептуальные нарративы и изменяя способы, с помощью которых экспериенсер воспринимает и интерпретирует мир.

Восприятие реальности (информации) является динамическим процессом, течение которого может изменяться в зависимости от контекста, целей и состояния индивидуума. Кроме того, восприятие — это интерактивный процесс, для которого характерна обратная связь и необходимы постоянное обновление и адаптация на разных стадиях. Восприятие как процесс включает следующие когнитивные процедуры: обработка сенсорных данных, которые представляют собой «сырую» информацию на доконцептуальном уровне, требующую дальнейшей интерпретации, концептуализации и категоризации. При категоризации происходит связывание сенсорных данных, нейронов или группы нейронов (Анохин, 2021), посредством которых активируется реакция на определенные типы стимулов с уже существующими концептуальными схемами и категориями. Это позволяет организовать и структурировать информацию: происходит формирование новых или активизация существующих когнитивных моделей, обобщенных структур знаний о мире, которые помогают прогнозировать и интерпретировать информацию, основываясь на предыдущем опыте экспериенсера. Ос-

мысление мира происходит на основе использования аналогий, концептуальных метафор и других когнитивных инструментов. Эти интерпретации и структуры оказывают существенное влияние на понимание и оценку событий, людей и явлений, превращая процесс восприятия в сложное взаимодействие между внешними стимулами и внутренними когнитивными механизмами. Понимание того, как субъективные интерпретации и концептуальные структуры влияют на процесс восприятия, является ключевым для критического анализа информации и противодействия манипуляциям.

Восприятие реальности как форма когниции основывается на сети взаимосвязанных концептуальных проекций. В когнитивной науке концептуальное проецирование имеет несколько различных интерпретаций, которые фокусируются на различных аспектах данной процедуры. Так, при метафорическом проецировании структуры одной концептуальной области исходного домена используются для понимания и осмысления иной области целевого домена, что акцентирует внимание на междоменных аналогиях. Концептуальное проецирование может рассматриваться как создание новых концептуальных структур через слияние элементов различных ментальных пространств, что подчеркивает динамичность и творческую природу сознания при формировании новых смыслов (Fauconnier, Turner, 2008). Данный процесс может пониматься как использование определенных схем и структур для понимания различных концептуальных доменов. Как известно, концептуальный домен структурируется фреймом. При концептуальном проецировании структурные элементы одного фрейма проецируются на структурные элементы другого.

Различные интерпретации показывают, что концептуальное проецирование является комплексным процессом, включающим разнообразные когнитивные механизмы, которые позволяют осмысливать окружающий мир через призму ранее усвоенных знаний и опыта. Однако общая идея заключается в установлении соответствий между элементами различных концептуальных областей.

В контексте манипуляции концептуальное проецирование представляет собой основу процесса генерирования и трансляции определенной системы смыслов через язык, а также другие знаковые системы, посредством которых происходит формирование или изменение определенного сегмента картины мира экспериенсера, соответствующее целям и интересам агенса (коллективного или индивидуального), иницирующего и реализующего манипулятивное воздействие. Концептуальное проецирование в акте манипуляции имеет таргетированный характер, так как преследует определенную цель и совершается по определенным мотивам, предшествующим целеполаганию (Заботкина, Боярская, 2024).

Концептуальное проецирование имеет *динамический* характер, который обусловлен несколькими группами факторов помимо природной гибкости и динамизма как ингерентных свойств организации концептуальной системы человека. Динамический характер процесса про-

ецирования обусловлен *флюидностью* когнитивного контекста, понимаемого как постоянно изменяющийся объем информации, знаний, интерпретаций и индивидуальных инференций, которыми оперирует человек. Флюидность когнитивного контекста означает, что каждый новый фрагмент информации может изменять текущую интерпретацию мира и влиять на процесс проецирования. Каждый новый опыт или взаимодействие с окружающим миром добавляет новую информацию в когнитивный контекст, что может менять существующие концептуальные структуры и пути проецирования между ними. На динамику концептуального контекста оказывают существенное влияние индивидуально-личностные особенности когнитивной системы индивидуума, то есть его когнитом.

К индивидуально-личностным особенностям можно отнести и эмоциональное состояние индивидуума, так как оно меняет приоритеты внимания, интерпретации и даже доступность различных концептуальных структур. Например, страх может усиливать проецирование угроз в нейтральных ситуациях, создавать необходимую платформу для манипуляции. Социальное и культурное взаимодействие индивидуумов влияет на изменения их концептуальных систем, заимствование и гибридизацию элементов данных систем.

Как мы отмечали выше, концептуальные структуры и культурные коды подвергаются изменениям, следуя за изменениями в структуре когнитивного контекста и окружающем мире. При этом необходимо отметить, что могут подвергаться изменениям не только отдельные элементы когнитивного контекста, но и то, каким образом экспериенсер интерпретирует данные изменения, часто реализуя индивидуальные инферентные сценарии. Таргетированное манипулятивное воздействие, осуществляемое агентом путем использования вербальной или невербальных знаковых систем, меняет концептуальные «настройки» экспериенсера, через призму которых он воспринимает и интерпретирует окружающий мир, формируя новые или трансформируя уже имеющиеся сегменты своей концептуальной системы (Там же).

Концептуальное проецирование включает использование различных когнитивных механизмов для переноса структур из одного концептуального домена в другой. Мы полагаем, что *в основе манипулятивного воздействия лежит комбинация следующих когнитивных механизмов концептуального проецирования: аналогии, метафоризации / метафтонизации, эмоционализации, профилирования, атрибуции, фрейминга и скриптизации.*

Аналогия представляет собой один из базовых механизмов концептуального проецирования, при котором осуществляется перенос структуры и концептуальных характеристик одного домена (например, физического мира) на другой домен (например, абстрактные понятия). Аналогия как тип проецирования лежит в основе манипулятивных актов разного типа, которые широко используются в разных типах дискурса, например в рекламе: "...this new energy drink will give you wings" (News on the Web; далее — NOW). Продвижение нового энергетическо-

го напитка основано на проекции способности к полету для создания иллюзии энергии и свободы. Это усиливает восприятие продукта как средства, способного значительно повысить жизненный тонус и выносливость; происходит манипулирование ожиданиями потребителей. Использование аналогий в различных дискурсах показывает, что этот механизм концептуального проецирования может формировать основу эффективного воздействия на восприятие и интерпретацию информации. Аналогия способствует упрощению сложных концептуальных структур, делая их более понятными для экспериенсера, формируя заданные представления и эмоциональные реакции, что создает потенциал для манипуляции.

Атрибуция заключается в проецировании причинно-следственных связей между различными доменами. Проекция известных причин и мотивов на новые ситуации есть естественная попытка объяснения результата некоего события в другом концептуальном контексте. Например, утверждение "The company's success is due to its innovative approach" приписывает успех компании инновационным методам, создавая четкую причинно-следственную связь, которая может быть использована для объяснения других случаев успеха. Другой пример атрибуции можно встретить в медийном дискурсе: "The increase in crime rates is a result of economic downturn". В этом случае экономический спад рассматривается как причина роста преступности, что позволяет людям легче понять и интерпретировать изменения в уровне преступности через знакомую причинно-следственную связь.

Аналогия и атрибуция как типы концептуального проецирования представляют собой два сопряженных, но различных механизма концептуального проецирования, каждый из которых играет свою роль в процессе понимания и интерпретации информации. Аналогия основывается на переносе структуры и концептуальных характеристик одного домена на другой домен, в то время как сущность атрибуции заключается в проецировании причинно-следственных связей между различными доменами. Аналогия есть способ упрощения (объяснения) сложных или абстрактных концептов через сравнение с более знакомыми объектами или явлениями, тогда как атрибуция основана на проекции причинно-следственных связей.

Процесс метафорического (и метафтонимического) проецирования лежит в основе мощного инструмента воздействия на экспериенсера, поскольку метафоры меняют восприятие и эмоциональное отношение к определенному событию, формируя систему ассоциативных связей, задуманных агенсом манипулятивного воздействия. Например, использование существительного *crusade* в его метафорическом значении "a vigorous campaign for political, social, or religious change" в утверждении "The government has launched a crusade against corruption in all sectors" формирует в сознании экспериенсера представление об энергичной и решительной кампании по борьбе с коррупцией, потенциально запуская процесс скриптизации, подчеркивающий необходимость срочных и жестких мер. Важно отметить, что метафоризация яв-

ляется важной концептуальной процедурой не только как средство вторичной концептуализации, но и как эффективный инструмент воздействия на общественное мнение и формирования определенных взглядов и установок. Метафорическое проецирование облегчает процесс восприятия и усвоения информации, что делает метафору мощным инструментом воздействия в политическом и медиадискурсе для создания определенных образов и формирования настроений. Например, метафоры, связанные с природными явлениями, часто используются для описания экономических или социальных кризисов: “economic storm”, “wave of unemployment”, “flood of refugees” и т.д. Метафорическое проецирование не только усиливает эмоциональное восприятие информации, но и формирует ассоциативные связи, которые могут влиять на мнение и поведение индивидуального или коллективного экспериенсера.

Метафоризация тесно связана с эмоционализацией. Эмоционализация представляет собой намеренное насыщение манипулятивного текста словами и выражениями, которые несут значительную долю прагматически окрашенной информации. Эмоционализация событий является одним из наиболее эффективных приемов манипуляции, так как эмоциональные триггеры вызывают немедленную реакцию, которая соответствует целевой установке агенса. Медиадискурс часто использует эмоционализацию, включая слова и выражения типа *catastrophe*, *outrage*, *disaster*, *fear*, *crisis*, а также прилагательные типа *devastating*, *shocking*, *vulnerable*, *alarming*, *outrageous* и многие другие. Такие эмоциональные триггеры не только привлекают внимание, но и запускают соответствующий процесс скриптизации, формируя определенные сценарии в сознании экспериенсера. Так, подзаголовок статьи “Olympics boss Thomas Bach made a stunning – and hugely embarrassing – error when trying to put an end to the gender row that has rocked the Games” (NOW) изобилует прагматически окрашенной лексикой, вызывает сильные эмоциональные реакции и подталкивает к восприятию ситуации как крайне критической и скандальной, акцентирует внимание на негативных аспектах и вызывает эмоциональное возмущение, направляя восприятие экспериенсера в нужное русло.

Восприятие информации основывается на контрасте фигуры и фона, то есть на профилировании. Механизм профилирования позволяет акцентировать внимание на определенных элементах информации, создавая контраст с фоном и приводя к целенаправленной интерпретации, при этом ненамеренно игнорируя остальную информацию. Например, акцентирование внимания на этнической или религиозной принадлежности может способствовать стереотипизации и возникновению негативных настроений в обществе по отношению к данной группе: “He has accused Muslim migrants of being responsible for violence, crime, and unacceptable acts...” (NOW). В данном случае использование религиозной принадлежности как ключевого элемента вызывает у воспринимающего ложные ассоциации, что приводит к негативной концептуальной модуляции и усиливает предвзятость по отношению к

данной группе людей. Профилирование лежит в основе актов манипуляции в медийном и политическом дискурсе для манипуляции общественным мнением. При этом важные детали и контексты остаются за рамками обсуждения, что приводит к однобокому восприятию и искаженным выводам. Например, в политической риторике утверждения вроде “Illegal immigrants are taking our jobs” акцентируют внимание на экономическом аспекте миграции, игнорируя при этом положительные аспекты данного процесса и другие области, такие как культура, экономика, строительство и т.д. Подобное профилирование формирует у аудитории однозначно негативное отношение к мигрантам, способствуя усилению ксенофобии и социальной напряженности. Кроме того, профилирование может быть использовано для усиления эмоционального воздействия и формирования сильных эмоциональных реакций. В рекламе часто акцентируется внимание на определенных аспектах продукта, которые могут вызвать положительные ассоциации и желания. Например, рекламные кампании дорогих автомобилей могут акцентировать внимание на статусе и престижности владения автомобилем, создавая у потребителей желание приобрести его не столько из-за функциональных характеристик, сколько из-за стремления к социальному признанию и уважению.

Фрейминг устанавливает концептуальную рамку для интерпретации информации. Механизм фрейминга активизируется праймом-стимулом, который формирует концептуальный базис для восприятия и интерпретации информации. Например, в предложении “The company is undergoing a period of right-sizing to improve efficiency” прайм ‘right-sizing’ активизирует фрейм OPTIMIZATION, так как значение данного выражения подразумевает улучшение или оптимизацию. Однако термин ‘right-sizing’ на самом деле означает сокращение штата или увольнение сотрудников, что обычно воспринимается негативно. Здесь налицо пример псевдоэвфемизации, которая часто используется с манипулятивной целью, отличаясь от настоящих эвфемизмов. Псевдоэвфемизация активно применяется в медиадискурсе, изменяя рамки интерпретации, как, например, в следующих примерах: *strategic misrepresentation* – ‘intentional lying or deception for strategic gain’; *downsizing* – ‘mass layoffs and terminations’ и многие другие.

Скриптизация создает представление о последовательности действий или событий и возможных причинно-следственных связях между ними. Например, утверждение “The introduction of self-driving cars will revolutionize urban transportation” потенциально может активизировать скрипт ‘автоматизация – снижение потребности в водителях – потеря рабочих мест – социальные и экономические последствия’. Этот скрипт формируется на основе ранее полученной информации и медийного дискурса о технологиях автоматизации, внедрении новых систем на основе искусственного интеллекта. Как и в случае с фреймингом, скриптизация запускается праймом-стимулом, который в значительной степени определяет характер восприятия и интерпретации.

Стоит отметить, что процесс формирования скриптов варьируется в зависимости от личного опыта и знаний экспериенсера. Скрипты, которые формируются на основе ограниченного знания, могут быть упрощенными и не отражать сложность реальных ситуаций. В данном случае скриптизация может привести к поверхностным выводам и ошибочным представлениям. Кроме того, скрипты, основанные на ограниченных или искаженных данных, рискуют стать основой для распространения дезинформации и стереотипов. Например, при обсуждении вопросов миграции ограниченная концептуальная информация о социально-экономических факторах, связанных с миграцией, может активизировать негативный скрипт, ассоциирующий миграционные потоки исключительно с увеличением преступности и снижением экономической стабильности. Праймы-стимулы, запускающие скриптизацию, могут формировать и закреплять стереотипные и упрощенные представления, что подчеркивает важность критического мышления и необходимость получения разнообразной и точной информации для формирования и активизации более объективных скриптов.

Необходимо отметить, что вышеперечисленные типы динамического концептуального проецирования могут протекать как изолированно, так и комбинированно. Типичным примером комбинации различных типов проецирования для оказания манипулятивного воздействия на коллективного экспериенсера могут служить избирательные кампании Дональда Трампа во время президентских выборов в США — “Make America Great” (2016) и “Make America Great Again” (2024). Масштабная медийная кампания активно формировала фрейм возрождения Америки, используя профилирование экономических и социальных проблем, а также акцентируя внимание на вопросах миграции и потери рабочих мест. Праймы-стимулы “make great”, “build the wall”, “great again” выступают триггером соответствующей эмоциональной реакции — желания возродить былое величие (активизируя при этом инферентный вывод о неэффективности предшественника, а также о собственной эффективности во время президентского срока), желания защитить границы страны и сохранить рабочие места для граждан. При этом активно использовались метафоры, ассоциировавшие нелегальных иммигрантов с угрозой безопасности и благополучию американцев, что, вне всякого сомнения, усиливало их негативное восприятие и способствовало принятию соответствующих решений на выборах. Интересно, что данные праймы после проведения кампании стали активно использоваться в других видах дискурса, например: “Hey Google, let’s make humanity great again”; “Hey, friends, can we not make Facebook¹ great again”; “Let’s make our planet great again”; “We can make the Web great again” (NOW).

¹ Социальная сеть *Facebook* принадлежит компании *Meta*, которая в РФ признана экстремистской.

Таким образом, представляется возможным говорить о полидоменности процессов концептуального проецирования и их комплексном, комбинированном характере. Полидоменное проецирование представляет собой когнитивный процесс, при котором элементы информации из множественных концептуальных доменов переносятся в новый когнитивный контекст, задействуя при этом различные когнитивные механизмы, такие как аналогия, атрибуция, фрейминг, скриптизация, профилирование, метафоризация и эмоционализация, работающие как отдельно, так и в комбинации. Именно полидоменность проецирования делает возможной реализацию установок агенса манипулятивного воздействия, а также оказывая влияние на восприятие, эмоции и установки экспериенсера. Полидоменное проецирование позволяет манипуляторам создавать многоуровневые нарративы, которые сложно распознать и противостоять, так как они воздействуют на различные аспекты восприятия и интерпретации информации.

Полидоменный характер концептуального проецирования создает основу для сбоя концептуальных проекций, что ведет к нарушению когнитивного баланса и возникновению концептуальной дезориентации. В отличие от когнитивного диссонанса данный процесс протекает неосознанно. Сбой концептуальных проекций затрагивает процесс восприятия и интерпретации новой информации, которая не вписывается в уже сформированные ментальные схемы. Именно сбой концептуальных проекций лежит в основе аксиологического разлома (состояния, в котором разрушаются традиционные ценностные ориентиры) и формирования «серой зоны» референции 'ни правда — ни ложь', что, в свою очередь, приводит к состоянию неопределенности и амбивалентности, ослабляет способность к критическому мышлению и делает индивидуума более восприимчивым к манипуляции.

Манипулятивное воздействие в медиадискурсе представляет собой сложный феномен, в основе которого лежат определенные концептуальные процессы и когнитивные механизмы, что и делает манипулятивное воздействие возможным и во многих случаях эффективным. С развитием технологий стратегии и приемы манипуляции становятся все более изощренными и персонализированными, что требует понимания и изучения механизмов их реализации, а также развития критического мышления для эффективного противодействия манипуляциям.

Проведенное исследование позволило выделить несколько типов концептуального проецирования и когнитивных механизмов, обеспечивающих реализацию манипуляции. Концептуальное проецирование в манипулятивном акте характеризуется такими свойствами, как имплицитность, динамичность, полидоменность и флюидность. Рассмотрены концептуальные процессы фрейминга, скриптизации, профилирования, метафоризации и эмоционализации, которые могут функционировать изолированно или, чаще, в комбинации друг с другом. Концептуальное проецирование при манипуляции играет ключевую роль в перестройке концептуальной системы коллективного или индивиду-

ального экспериенсера, изменяя, формируя и закрепляя требуемые паттерны интерпретации событий и явлений. Динамический характер и полидоменность процессов концептуального проецирования в медиадискурсе создает сложные манипулятивные конструкты. Таким образом, требуется дальнейшее выявление и изучение стратегий и когнитивных моделей противодействия манипуляции.

***Благодарности.** Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве».*

Список литературы

Анохин К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2021. Т. 71, № 1. С. 39–71. doi: 10.31857/S0044467721010032.

Болдырев Н. Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сб. науч. тр. Калининград, 2023. С. 5–8.

Демьянков В. З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (53). С. 5–13. doi: 10.20916/1812-3228-2017-4-5-13.

Демьянков В. З. Языковые средства когнитивной манипуляции в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 48–52.

Заботкина В. И., Боярская Е. Л. Динамика концептуального проецирования в медиадискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 74–81.

Akram M., Nasar A., Arshad-Ayaz A. A Systematic Review for Netizens' Response to the Truth Manipulation on Social Media // Knowledge Management and E-Learning. 2023. Vol. 15, № 2. P. 322–342. doi: 10.34105/j.kmel.2023.15.018.

Boudani B. Manipulation in the Translation of Diplomatic Discourse // Journal of Contemporary Educational Research. 2023. Vol. 7, № 11. P. 232–235. doi: 10.26689/jcer.v7i11.5531.

Bradshaw S., Howard Ph. Troops, Trolls and Troublemakers: A Global Inventory of Organized Social Media Manipulation // Computational Propaganda Research Project. Oxford, 2017. P. 1–37.

Davidović J. On how to defend oneself against media manipulation: The role of the informational and media literacy // CM: Communication and Media. Vol. 17, № 51. P. 97–119. doi: 10.5937/cm17-34211.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces // SSRN Electronic Journal. 2008. doi: 10.2139/ssrn.1290862.

Grishenkova T. F., Variyasova E. V. Suggestion as a Method of Linguistic Manipulation in Religious Discourse // Bulletin of Kemerovo State University. 2019. Vol. 21, № 4. P. 1086–1094. doi: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1086-1094.

Kahneman D., Sibony O., Sunstein C. Noise: A Flaw in Human Judgment. L., 2021.

Krafft P. M., Donovan J. Disinformation by Design: The Use of Evidence Collages and Platform Filtering in a Media Manipulation Campaign // Political Communication. 2020. Vol. 37, № 2. P. 194–214. doi: 10.1080/10584609.2019.1686094.

Levitskaya A., Fedorov A. Typology and Mechanisms of Media Manipulation // International Journal of Media and Information Literacy. 2020. Vol. 5, №1. P. 69–78. doi: 10.13187/IJMIL.2020.1.69.

Malyuga E. N., Tomalin B. Communicative Strategies and Tactics of Speech Manipulation in Intercultural Business Discourse // Training, Language and Culture. 2017. Vol. 1, №1. P. 28–45. doi: 10.29366/2017tlc.1.1.2.

Markusoff J. Ultra-partisan social media is an addictive hazard – and detox is a last resort // Maclean's. 2018. 4 April. URL: <https://macleans.ca/society/ultra-partisan-social-media-is-an-addictive-hazard-and-detox-is-a-last-resort/> (дата обращения: 30.04.2024).

Marwick A., Lewis R. Media Manipulation and Disinformation Online // Data & Society Research Institute. 2017. May 15. URL: <https://datasociety.net/library/media-manipulation-and-disinfo-online/> (дата обращения: 11.04.2024).

Pesina S. A., Abramzon T. Ye., Rudakova S. V., Kuznetsov I. A., Samarokova I. V., Velikanova S. S. Linguo-Cognitive Aspects of Manipulation in Political Discourse // Laplage em Revista 6 (Extra-C). 2020. doi: 10.24115/s2446-622020206extra-c673p.330-337.

Polyakova L. S., Yuzhakova Yu. V., Zalavina T. Yu., Dyorina N. V. Linguistic Manipulation Means in English Political Discourse // Revista Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9, №33. P. 27–36. doi: 10.34069/ai/2020.33.09.3.

Troshchenkova E. V. Memes as a tool for deconstructing media manipulation // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2022. №2. P. 74–86. doi: 10.20916/1812-3228-2022-2-74-86.

van Dijk T. A. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. Vol. 17, №3. P. 359–383. doi: 10.1177/095792650606025.

Об авторах

Вера Ивановна Заботкина, доктор филологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству, руководитель научно-образовательного Центра когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6674-8052

E-mail: zabotkina@rggu.ru

Елена Леонидовна Боярская, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-0179-8643

E-mail: EBoyarskaya@kantiana.ru

Для цитирования:

Заботкина В. И., Боярская Е. Л. Концептуальное проецирование как основа манипулятивного воздействия // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 24–38. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-2.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF MANIPULATION

Vera I. Zobotkina¹, Elena L. Boyarskaya^{1,2}

¹ Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Ploshchad, Moscow, 125047, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 17.08.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-2

The formation and operation of the global information environment, along with the increased speed of information dissemination driven by advances in information technologies, present a significant challenge to modern society. This acceleration leads to excessive cognitive load, which diminishes the ability to critically evaluate and analyse received information. This article explores the conceptual processes that underpin manipulative influences within media discourse. Through a conceptual analysis of contemporary English-language media, using the News on the Web corpus, the study identifies and describes key types of conceptual transfers that serve as the foundation of manipulative acts. The cognitive mechanisms of analogy, metaphorization, emotionalization, profiling, attribution, framing, scripting, and their numerous combinations form the basis of manipulation in modern English-language media texts. These processes are characterized by dynamism and polydomain interaction, making their identification and analysis even more complex. The dynamic nature of conceptual transfers is driven by the functioning of the experiencer's conceptual system, which continuously processes sensory data at pre-conceptual, conceptual, and category levels. Polydomain transfers enable agents of a manipulative act to craft layered conceptual narratives that target various levels of perception and interpretation, thus making manipulative effects more difficult to detect. The study of conceptual transfer in relation to manipulation is particularly crucial in the context of the global information environment, where media serves as the primary channel for the dissemination of news and opinions. A deeper understanding of the cognitive and linguistic aspects of this process is vital for developing strategies to counteract manipulative practices. This research provides an in-depth analysis of various forms of manipulation and proposes new approaches for investigating their impact on both the collective and individual experiencer.

Keywords: conceptual transfer, polydomain character, frame, manipulation, media discourse

Acknowledgment. The publication was prepared within the framework of the RNF project 22-18-00594 “Cognitive models of identification and counteraction to manipulation in the media space”.

References

- Akram, M., Nasar, A. and Arshad-Ayaz, A., 2023. A Systematic Review for Netizens' Response to the Truth Manipulation on Social Media. *Knowledge Management and E-Learning*, 15 (2), pp. 322–342, <https://doi.org/10.34105/j.kmel.2023.15.018>.
- Anokhin, K. V., 2021. Cognitome: in Search of Fundamental Neuroscience Theory of Consciousness. *I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity*, 71 (1), pp. 39–71, <https://doi.org/10.31857/S0044467721010032> (in Russ.).

Boldyrev, N.N., 2023. Secondary interpretation of the world as a way of linguistic manipulation of consciousness. In: *Manipulyatsii i sotsium: yazyk, soznanie, kul'tura : sbornik nauchnykh trudov* [Manipulation and Society: Language, Consciousness, Culture : collection of scientific papers]. Kaliningrad, pp. 5–8 (in Russ.).

Boudani, B., 2023. Manipulation in the Translation of Diplomatic Discourse. *Journal of Contemporary Educational Research*, 7 (11), pp. 232–235, <https://doi.org/10.26689/jcer.v7i11.5531>.

Bradshaw, S. and Howard, P., 2017. Troops, Trolls and Troublemakers: A Global Inventory of Organized Social Media Manipulation. In: *Computational Propaganda Research Project*. Oxford, pp. 1–37.

Davidović, J., 2022. On how to defend oneself against media manipulation: The role of the informational and media literacy. *CM: Communication and Media*, 17 (51), pp. 97–119, <https://doi.org/10.5937/cm17-34211>.

Demyankov, V.Z., 2017. Knowledge transfer and cognitive manipulation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 4 (53), pp. 5–13, <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-4-5-13> (in Russ.).

Demyankov, V.Z., 2018. Linguistic means of cognitive manipulation in the humanities. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 33, pp. 48–52 (in Russ.).

Fauconnier, G. and Turner, M., 2008. Conceptual Projection and Middle Spaces. *SSRN Electronic Journal*, <https://doi.org/10.2139/ssrn.1290862>.

Grishenkova, T.F. and Variyasova, E.V., 2019. Suggestion as a Method of Linguistic Manipulation in Religious Discourse. *Bulletin of Kemerovo State University*, 21 (4), pp. 1086–1094, <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1086-1094> (in Russ.).

Kahneman, D., Sibony, O. and Sunstein, C., 2021. *Noise: A Flaw in Human Judgment*. London.

Krafft, P.M. and Donovan, J., 2020. Disinformation by Design: The Use of Evidence Collages and Platform Filtering in a Media Manipulation Campaign. *Political Communication*, 37 (2), pp. 194–214, <https://doi.org/10.1080/10584609.2019.1686094>.

Levitskaya, A. and Fedorov, A., 2020. Typology and Mechanisms of Media Manipulation. *International Journal of Media and Information Literacy*, 5 (1), pp. 69–78 <https://doi.org/10.13187/IJMIL.2020.1.69>.

Malyuga, E.N. and Tomalin, B., 2017. Communicative Strategies and Tactics of Speech Manipulation in Intercultural Business Discourse. *Training, Language and Culture*, 1 (1), pp. 28–45, <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.1.2>.

Markusoff, J., 2018. Ultra-partisan social media is an addictive hazard – and detox is a last resort. *Maclean's*, 4 April. Available at: <https://macleans.ca/society/ultra-partisan-social-media-is-an-addictive-hazard-and-detox-is-a-last-resort/> [Accessed 30 April 2024].

Marwick, A. and Lewis, R., 2017. Media Manipulation and Disinformation Online. *Data & Society Research Institute*, May 15. Available at: <https://datasociety.net/library/media-manipulation-and-disinfo-online/> [Accessed 11 April 2024].

Pesina, S.A., Abramzon, T.Ye., Rudakova S.V., et al., 2020. Linguo-Cognitive Aspects of Manipulation in Political Discourse. *Laplace em Revista*, 6 (Extra-C), <https://doi.org/10.24115/s2446-622020206extra-c673p.330-337>.

Polyakova, L.S., Yuzhakova, Yu.V., Zalavina, T.Yu. and Dyorina, N.V., 2020. Linguistic Manipulation Means in English Political Discourse. *Revista Amazonia Investiga*, 9 (33), <https://doi.org/10.34069/ai/2020.33.09.3>.

Troshchenkova, E.V., 2022. Memes as a tool for deconstructing media manipulation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2, pp. 74–86, <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-74-86> (in Russ.).

van Dijk, T. A., 2006. Discourse and manipulation. *Discourse and Society*, 17 (3), pp. 359–383, <https://doi.org/10.1177/095792650606025>.

Zabotkina, V. I. and Boyarskaya, E. L., 2024. Dynamics of Conceptual Mapping in Media Discourse: Manipulative Aspect. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 5 (61), pp. 74–81 (in Russ.).

The authors

Prof. Vera I. Zabotkina, Vice-rector for International Cooperation, Director of the Centre for Cognitive Programmes and Technology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0001-6674-8052

E-mail: Zabotkina@rggu.ru

Dr Elena L. Boyarskaya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; Research Fellow, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0003-0179-8643

E-mail: EBoyarskaya@kantiana.ru

To cite this article:

Zabotkina, V. I., Boyarskaya, E. L., 2025, Conceptual foundations of manipulation, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 24–38. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-2.

**КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В. А. Белов¹, В. М. Белова²

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

² Акционерное общество «Силовые машины»,
Россия, 195009, Санкт-Петербург, ул. Ватутина, 3а

Поступила в редакцию 10.05.2024 г.

Принята к публикации 10.11.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-3

Рассмотрены особенности семантической адаптации заимствований разных типов в русском языке. Актуальность работы связана с недостаточной изученностью заимствований с семантической точки зрения. Проблема исследования заключается в том, что большое количество заимствований, появившихся в русском языке, вызывает неоднозначную общественную реакцию и создает впечатление перегруженности языка. В статье классифицированы заимствования и определены причины этого процесса. Гипотеза исследования заключается в том, что семантическая адаптация заимствований определяется логической и нелогической категоризацией. Логическая категоризация приводит к тому, что новое заимствование оказывается встроено в семантическую сеть с помощью иерархических связей и семантических различий. Нелогическая категоризация связана с выражением эмоций и отношения говорящего к сообщаемому. В работе используются психолингвистические и корпусные методы. В психолингвистическом эксперименте на толкование новых заимствований приняли участие 106 испытуемых, которые объяснили значения предъявляемых заимствований. Также использованы данные Национального корпуса русского языка и словарей русского языка, публикации СМИ, статистика системы «Яндекс».

В ходе анализа материала изучены механизмы формирования логической и нелогической категоризации. Логическая категоризация создает семантические иерархические связи заимствований, нелогическая категоризация — эмоционально-оценочное отношение. Представлена типология заимствований, различающаяся характером формирования семантических связей: 1) заимствования, которые обозначают новые явления действительности; 2) заимствования, заменяющие словосочетания; 3) заимствования-дублиеты. Логическая категоризация свойственна заимствованиям первой и второй групп, а нелогическая категоризация характерна для заимствований третьей группы.

Ключевые слова: *семантическая адаптация, лексическое значение, заимствование, синонимия, категоризация, семантические связи*

1. Введение

В настоящее время в российском обществе не утихают споры об употреблении заимствований. В феврале 2023 года был принят закон о защите русского языка от чрезмерных иностранных заимствований¹:

© Белов В. А., Белова В. М., 2025

¹ Полное название документа: Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”» от 28.02.2023 года №52-ФЗ.

документ запрещает употребление иностранных слов, не соответствующих нормам современного русского литературного языка. При этом допускается использование общеупотребительных заимствованных слов. Однако принятие закона приводит к нескольким научным проблемам, на решение которых и нацелена настоящая работа. Во-первых, остается неопределенным критерий, разграничивающий общеупотребительные и неадаптированные заимствования (так называемые варваризмы). Во-вторых, требуется выяснение причин, по которым носители языка регулярно обновляют свой лексикон, пополняя его новыми заимствованными словами. В-третьих, отмечается неоднородность общественного отношения к заимствованиям: существует группа заимствований, которая воспринимается обществом крайне негативно. Указанные проблемы определяют актуальность настоящей работы, изучающей семантическую адаптацию заимствований и их восприятие носителями языка.

Заимствование в современных работах понимается как перенос языковых единиц из языка-донора в язык-реципиент вследствие контакта говорящих на этих языках людей (Thomason, Kaufman, 2001) или вхождение в лексикон слова в определенный момент истории языка как результат перевода или копирования другого языка (Haspelmath, 2009)². Процесс заимствования характерен для всех языков. Как показывают специальные исследования, заимствования составляют большую часть (от 10 до 70 %) лексикона языка (Ibid.). В целом характер и интенсивность заимствований связаны с социально-экономическими факторами, интенсивностью межкультурного общения и «культурным давлением» (cultural pressure) (Winford, 2003).

Как неоднократно отмечалось в научной литературе (см., напр.: Володарская, 2002; Крысин, 2008)), сегодня для русского языка свойственна открытость к заимствованиям, прежде всего из английского языка. Обычно адаптация новых слов, в том числе заимствований, осуществляется в несколько этапов. Прежде всего стабилизируется написание и произношение слова. Фонетическая адаптация, называемая нативизацией (nativization), предполагает коррекцию произношения и написания в соответствии с фонетическими правилами языка-реципиента; этот аспект подробно рассматривается в зарубежной научной традиции на материале разных языков (см., напр.: (Kang, 2011)). Далее происходит грамматическое (морфологическое) оформление: заимствование чаще всего в языке-реципиенте воспринимается как корень и подвергается морфологической адаптации (отнесение к определенной ча-

² От заимствований следует отличать кодовые переключения, которые различаются степенью адаптации в языке-реципиенте. Наиболее важным критерием является то, что заимствования языка используются в речи монолингвов (людей, владеющих только языком-реципиентом), также значимы частотность единицы и завершенность фонетической и грамматической адаптации (Myers-Scotton, 2002; Haspelmath, 2009). При этом отсутствует четкая граница между этими феноменами.

сти речи и первоначально к классу неизменных слов) (Repetti, 2006); также значимо в этом процессе определение рода (гендера) (Stolz, 2009). Последним этапом становится семантическая адаптация.

В настоящей работе изучается семантическая адаптация заимствований, то есть процесс формирования лексического значения нового слова и включения заимствования в семантическую сеть носителя языка. Исследователи (Гончарова, 2009; Маринова, 2008) выделяют два этапа семантической адаптации: первый связан с адаптацией к тематической группе, а второй — к синонимическому ряду. Семантическая адаптация предполагает прежде всего формирование семантических связей в лексиконе (Заботкина, 1997; Левицкий, 2009). В когнитивной лингвистике семантическая адаптация связывается с процессом субкатегоризации (сравнение значения заимствования со значением имеющихся в языке единиц) (Кубрякова, 2004). Отметим, что большое количество неологизмов способствует их быстрой «адаптации и закреплению в русском лексиконе» (Максимова, 2009, с. 101).

Выделяются разные типы заимствований. Так, возможна классификация по степени ассимиляции иноязычной лексики: полностью освоенные, частично освоенные и неассимилированные заимствования (Борисова, 2014). С точки зрения языка-реципиента Л.П. Крысин отличает собственно заимствования от экзотической лексики (которая не прошла процесс грамматической адаптации) и экзотических вкраплений (без фонетической и грамматической адаптации) (Крысин, 2004). В том же аспекте выделяются оправданные (обозначают новые понятия) и неоправданные (синонимичны существующим понятиям) заимствования (Тавабилова, 2011).

В зарубежной традиции (Haspelmath, 2009; Myers-Scotton, 2002; Thomason, Kaufman, 1988; Weinreich, 1968) распространена типология, в соответствии с которой выделяются культурные заимствования (*cultural borrowings*), обозначающие новые объекты и явления культуры, и основные заимствования (*core borrowings*), дублирующие и заменяющие существующие в языке понятия. Основные заимствования оказываются более престижными. При этом фактор престижа сложно верифицировать с научной точки зрения: основные заимствования вызывают определенные ассоциации, связанные с социальными ценностями (*social values*) и статусом (Weinreich, 1968). Подобное явление часто характерно для жаргонов. Похожим является подход советского лингвиста Р.А. Будагова (1965): он разграничил культурно-исторические и чисто языковые заимствования (с использованием средств древних языков).

В нашей работе рассматривается семантическая адаптация, поэтому нам важно ориентироваться на типологию, учитывающую семантические процессы заимствования. Мы опираемся на классификацию Е.Е. Котцовой, которая выделила следующие группы заимствований: 1) заимствования, которые обозначают новые явления (например, *тендер*, *фрилансер*); 2) заимствования, заменившие синонимичное словосочетание и употребляющиеся для экономии (*скриншот*, *ситком*, *портфо-*

лио); 3) заимствования-дублеты (*слоган, бьюти*) (Котцова, 2019). Первому и второму типу заимствований свойственна номинативная функция. Третья группа «используется для демонстрации речевой моды» (Там же, с. 142). Соотнося с зарубежной классификацией, можно заключить, что первые два типа заимствований являются культурными, а третий — основным. Данная типология будет использована нами в дальнейшем исследовании.

2. Методология исследования

Предметом нашего исследования стали заимствования, чья семантическая адаптация еще не завершилась. Это единицы, которые появились в русском языке в течение последних 20 лет. Их большая часть принадлежит к именам существительным: прежде всего именно они расширяют референциальный потенциал языка (Matras, 2009). Анализ подобных единиц позволит детально проследить процесс семантической адаптации.

Гипотезой работы послужило утверждение, что семантическая адаптация новых заимствований и формирование их семантических связей определяется логической и нелогической категоризацией. Логическая категоризация предполагает рациональное упорядочивание явлений в картине мира носителя языка. Нелогическая категоризация, связанная с эмоционально-оценочным восприятием мира, подразумевает выражение заимствованиями различных эмоций. Разные типы категоризации определяют мотивы заимствования и, соответственно, общественное отношение к новым словам.

Для проведения исследования использовалось несколько источников: во-первых, результаты психолингвистического эксперимента на толкование новых заимствований; во-вторых, данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ); в-третьих, публикации в современных средствах массовой информации; в-четвертых, сведения словарей русского языка; в-пятых, статистические материалы поисковой системы «Яндекс».

В психолингвистическом эксперименте участвовало 106 человек. Это студенты в возрасте от 17 до 38 лет, среди которых 65 испытуемых женского пола, 16 испытуемых мужского пола, 25 человек не указали свой пол. Задание испытуемым было сформулировано следующим образом: дать толкование заимствованиям. Общее количество стимулов — 20 единиц. Все они были выбраны на основе «Словаря модных слов» В.И. Новикова (Новиков, 2016) и НКРЯ. Именно наличие слова в корпусе было одним из важных условий эксперимента. Частотность стимулов не являлась критерием отбора. Для сбора данных использовались письменное анкетирование (84 испытуемых) и онлайн-программа «Google Формы» (22 испытуемых). Всего было получено 1177 ответов. Для их обработки применялись различные статистические методы.

3. Языковая категоризация

С когнитивной точки зрения процесс семантической адаптации является категоризацией, то есть языковым осмыслением явлений действительности и их отнесением в определенные категории (Cruse, Croft, 2004). Результатом категоризации становится деление понятий действительности на категории, «включение в те или иные группы, классы, категории аналогичных предметов и явлений» (Шарандин, 2013, с. 75). Субкатегоризацией называется «процесс членения категорий на частные категориальные области» (Дзюба, 2013, с. 34). Примерами субкатегорий могут быть семантическое поле, синонимический ряд, гипогиперонимические отношения и др.

Логоцентрический подход к категоризации, предполагающий четкое упорядочивание понятий языка, вызывает серьезную критику в современной науке. Во-первых, одно и то же понятие можно отнести к разным категориям (Rogers, McClelland, 2003); так, например, слово *бульдозер* одновременно относится к двум категориям: транспортное средство и строительное оборудование. Во-вторых, актуализируемые признаки, определяющие отнесенность к категории, часто устанавливаются контекстом и общим смыслом высказывания (Cruse, Croft, 2004): например, в одном контексте важна способность бульдозера ездить, а в другом – участвовать в строительстве. В-третьих, у носителей языка часто возникают проблемы с отнесением понятия к определенным категориям (Murphy, Medin, 1985). Носители языка относят одно и то же понятие к разным категориям в зависимости от контекста и других условий (см. одну из ранних экспериментальных работ об этом: (Labov, 1978)). В-четвертых, в действительности границы между категориями оказываются нечеткими (Rogers, McClelland, 2003). Возможен подход, который предусматривает отсутствие границ между категориями (Langacker, 1991).

Таким образом, в наивной картине мира возможны фрагменты неупорядоченности, где нарушается четкая логическая систематизация и используется нелогический принцип организаций понятий (напротив, в научной картине мира всегда сохраняется иерархическая упорядоченность понятий).

4. Анализ результатов исследования

Анализ результатов исследования разделили на три части в соответствии с группами заимствований.

4.1. Заимствования первой группы

В первую группу вошли заимствования, которые обозначают новое явление. Ее особенности проанализируем на примере слова *роуминг*. Данная единица является частотной в современной речи. Частотность

лексемы в газетном подкорпусе – 4491 вхождение, а количество ежемесячных запросов с этим словом в системе «Яндекс» составляет около 140 тысяч. Толкование этого слова дано в высказывании (1).

(1) *Внутрисетевым роумингом называется предоставление услуг связи абоненту за пределами его «родного» региона за дополнительную плату (НКРЯ: «Коммерсант», 2018).*

В эксперименте представлены различные реакции на этот стимул, в том числе толкования с такими гиперонимами, как *плата* (11 реакций, 11 %), *ограничение* (9 реакций, 9 %), *тариф* (7 реакций, 7 %), *связь* (7 реакций, 7 %) и другими. Примеры таких толкований испытуемых даны в (2–4):

(2) *Ограничение связи в другой области.*

(3) *Дополнительная плата за услуги связи вне своей области, страны.*

(4) *Тариф на мобильный, когда ты находишься не в домашней сети.*

Испытуемые не использовали синонимические реакции для толкования. Основываясь на корпусных данных, также отмечаем отсутствие полноценных синонимов этого заимствования. Для контекстуальной замен используется повтор этого же слова (см. пример (5)) или гипероним (например, *услуга, плата*) (см. пример (6)).

(5) *Ранее операторы «большой четверки» назвали сроки отмены роуминга в России. Отмечалось, что «Вымпелком» начнет отмену роуминга 20 августа, МТС – 30 августа, а «Мегафон» – 1 сентября. В компании Tele2 заявили, что выполняют все мероприятия по отмене внутрисетевого роуминга в установленный срок – до 31 августа (НКРЯ: gazeta.ru, 2018).*

(6) *В ФАС бороться с внутрироссийским роумингом начали еще в 2010 году, когда выяснили, что эта услуга технически не обоснована в современных условиях (НКРЯ: «Московский комсомолец», 2018).*

Можно сказать, что анализируемое слово вошло в семантическую сеть русского языка, при этом заимствование не смогло выстроить синонимические отношения с существующими словами, а только сформировало гиперонимические отношения. Заимствование *роуминг* занимает субдоминантное положение в семантической сети, являясь гипонимом слов *услуга, плата, тариф*. Семантическая связь между заимствованием и его гиперонимом несильная, это показывает, что заимствование недостаточно плотно встроено в семантическую сеть лексикона.

Подобная семантическая адаптация характерна для достаточного большего класса слов (в него входит много названий техники, предметов научно-технического прогресса): например, *картридж, сиквел, паркур, лайк, роутер, принтер, файл* и др. В процессе семантической адаптации у таких заимствований прежде всего развиваются гиперонимические (то есть вертикальные) связи. Заимствования могут быть «привязаны» к разным гиперонимам, что показывает слабую семантическую

близость между заимствованием и гиперонимом: так, слово *картридж* соотносится с гиперонимами *краска, блок, устройство, штука, емкость, контейнер*, что показывает принадлежность к разным семантическим категориям (например, очевидна различная категориальная принадлежность понятий *краска, емкость, устройство*). У некоторых заимствований, входящих в эту группу, могут развиваться отдельные синонимические отношения (например, пары *картридж – тонер; принтер – копир, сканер*), хотя подобная связь остается слабой.

Основным мотивом появления таких заимствований является реакция носителей языка на появление новых объектов действительности: чаще всего заимствования первой группы вызывают позитивную общественную реакцию.

4.2. Заимствования второй группы

Во вторую группу заимствований вошли единицы, которые заменили существующие в русском языке словосочетания. Например *шопинг* заменяет обороты *посещение магазинов, поход по магазинам*. Подобные сочетания являются наиболее частотными реакциями для толкования: *поход по магазинам* (19 реакций, 18 %), *поход за покупками* (10 реакций, 9 %), *покупки в магазинах* (4 реакции, 4 %). Среди ответов также отмечаются синонимические реакции: *покупки* (8 реакций, 8 %), *закупка* (3 реакции, 3 %).

Шопинг – посещение магазинов с целью покупки вещей или продуктов (обычно за границей и в больших количествах) (Ефремова, 2000).

Как показывает анализ, эти единицы более тесно интегрированы в существующие семантические отношения. У заимствований сформированы гиперонимические и синонимические связи. Это проявляется как в реакциях испытуемых, так и в примерах из корпуса. Так, в высказывании (7) допустимы контекстуальные замены при сохранении смысла предложения.

(7) Немаловажно также и упрощение самого процесса *шопинга* [покупки] – в идеале потребитель должен иметь возможность сделать *покупку* [совершить шопинг]³, не покидая приложения (НКРЯ: lenta.ru, 2017).

Однако шопинг в современном понимании представляет собой многоаспектный процесс, который включает наряду с покупкой товаров посещение торговых центров, кафе, кинотеатров. В то же время покупка – однократный акт, который лишен дополнительных процессов. Также шопингом называют онлайн-покупки без физического посещения магазина (см. предложение (8)).

³ С сочетаемостной точки зрения более уместна фраза *совершить шопинг*, при этом сочетание *сделать шопинг* нечасто фиксируется в речи.

(8) Мы уверены, что запуск новой масштабной площадки для **интернет-шопинга** будет способствовать развитию рынка электронной коммерции в России», – заявил Лев Хасис, первый заместитель председателя правления Сбербанка (НКРЯ: «Коммерсант», 2018).

К заимствованиям подобного типа относятся такие лексемы, как *селфи*, *принт*, *фронтмен*, *понты*, *хейтер*, *троллинг*, *ритейлер*, *хедлайнер*, *постер* и др. Среди этой группы заимствований часто встречаются слова, относимые к модным.

Заимствования этой группы плотно встроены в семантическую сеть: они активно развивают синонимические, гиперо- и гипонимические отношения. Во-первых, это подтверждается экспериментом, где наиболее частотными реакциями являются сочетания, заменяющие заимствования. Например, реакция на стимул *шопинг* – *посещение магазинов*. Во-вторых, среди реакций представлены синонимы. Наконец, в-третьих, эти заимствования можно заменять в контексте без потери смысла. Причиной подобных заимствований становится потребность в дополнительной детализации: так, *селфи* – определенный вид фотографии, распространенный в современной жизни. Однако некоторые заимствования второй группы вызывают неоднозначную общественную реакцию.

4.3. Заимствования третьей группы

Более выраженные эмотивные компоненты значения оказываются у заимствований третьей группы, дублирующих существующие в языке слова. Подобные единицы иногда называют эквивалентными: «Неологизм пристраивается к уже существующему слову, выступая по отношению к нему либо в роли абсолютного синонима (дублета), либо в роли относительного синонима» (Маринова, 2008: 132). В ходе исследования удалось установить, что дублетность проявляется в трех моментах. Во-первых, исконное слово – самая частая реакция на заимствованную лексему. Во-вторых, такие заимствования в корпусе с регулярностью заменяются на существующее слово. В-третьих, в высказываниях данные лексемы можно искусственно заменить исконным словом без потери смысла.

Например, лексема *мани*, которая денотативно тождественна исконному слову *деньги*. Эти слова являются синонимами, но различаются коннотативными, эмотивными компонентами значения. Носитель языка может использовать это заимствование для выражения отрицательных эмоций (отвращения, презрения или зависти в зависимости от ситуации).

В эксперименте на стимул *мани* чаще всего представлена реакция *деньги* (100 реакций, 94 %). Также в примерах из НКРЯ заимствование заменяется на слово *деньги* (см. высказывание (9)). Односторонние замены (*мани* → *деньги*) допустимы практически в любых контекстах употребления анализируемого неологизма.

(9) Пары, у которых достаточно «мани» в кармане, ездят за рубеж, в России берут уроки в элитных клубах; у кого денег нет – учатся в клубах попроце (НКРЯ: «Комсомольская правда», 2001).

Данные заимствования отличает преобладание одной реакции в эксперименте. Например, на стимул *фиш* наиболее частотной реакцией является реакция *рыба* (73 реакции, 69 %); на стимул *френд* – реакция *друг* (93 реакции, 88 %); на стимул *пруф* – реакция *доказательство* (71 реакция, 67 %); на стимул *лузер* – реакция *неудачник* (79 реакций, 75 %); на стимул *пил* – слова *люди* (76 реакций, 72 %) и *человек* (10 реакций, 9 %). При этом у этих заимствований ослаблены семантические связи с другими словами, в том числе с гиперонимами и гипонимами. Также в эту группу можно отнести заимствования *бюти*, *боди*, *пати*, *герла*, *гудбай*, *бесиситтер*, *трабл*, *мессидж*, *шुзы* и др.

4.4. Смежные типы заимствований

Однако возможны сложные, переходные случаи. Например, слово *сейл* обладает меньшей степенью дублетности и в эксперименте оказывается связано со словами – *скидки* (35 реакций, 33 %) и *распродажа* (34 реакции, 32 %), а также с гиперонимом *продажа* (8 реакций, 8 %). В высказываниях возможны контекстуальные замены на слова *скидка* (см. пример (10)) и *распродажа* (см. предложение (11)); в этих же предложениях возможны синонимические замены. Любопытным оказывается высказывание (12), где слово *сейл* соотносится с двумя синонимами одновременно. У слова *сейл* снижается степень дублетности и формируются самостоятельное значение и широкие семантические связи.

(10) В спортивных магазинах цены снижают пока не очень охотно – пик *сейлов* [скидок] в них традиционно приходится на февраль, именно тогда будут самые выгодные скидки [сейлы] в 50–70 % (НКРЯ: «Комсомольская правда», 2007).

(11) Например, распродажи [сейлы] в преддверии Пасхи или дня святого Валентина. В США крупные *сейлы* [распродажи] приходятся на день подписания Декларации независимости 4 июля или большой праздник американского футбола Super Bowl (НКРЯ: gazeta.ru, 2018).

(12) При этом Рыженко отмечает, что при покупке повседневной одежды женщины склонны дожидаться распродаж и скидок [сейла]. «Если женщине нужен зимний пуховик, она, конечно, купит его, как только станет холодно, не дожидаясь *сейла* [распродаж и скидок]» (НКРЯ: lenta.ru, 2017).

Заимствования третьего типа, как правило, имеют ограниченные семантические связи, так как они оказываются привязаны к синонимическому слову. Характер таких односторонних семантических связей объясняется отсутствием семантических отличий от существующих слов.

К третьей группе можно отнести большинство так называемых модных слов, которые обладают такими признаками, как современность, универсальность (частотность употребления), демонстратив-

ность (внешняя привлекательность) и игровой характер (Мустайоки, Вепрева, 2015), а также стремление к моде (Чэнь Хуань, 2017). Подобные заимствования, мотивированные потребностью выразить эмоции и отношение к содержанию речи (см. подробно далее), чаще всего вызывают общественную реакцию.

Давая характеристику разных типов заимствований, важно учитывать наличие пограничных случаев. Вместе с тем можно сделать некоторые выводы о свойствах заимствований каждой группы. Члены первой группы, обозначающие новый феномен, обладают гиперонимическими отношениями. При этом гиперонимические связи формируются с несколькими словами: в соотносимых категориях (часто достаточно обобщенных) новое заимствование становится субдоминантным по отношению к существующим словам в семантической сети. Отметим недостаточно крепкие семантической связи между заимствованием и существующими слова и значительные семантические различия заимствований. Заимствования из второй группы наиболее тесно встроены в семантическую сеть, так как они обладают устойчивыми гиперонимическими и синонимическими отношениями. Заимствования третьей группы связаны синонимическими (односторонними) отношениями только с одним словом. Односторонность отношений проявляется в том, что любом контексте допустима синонимическая замена заимствования на исконное слово, однако обратные замены невозможны. Заимствования этой группы не обладают значительными семантическими отличиями от синонимов, их различия касаются эмотивных, коннотативных характеристик. Семантические свойства разных типов заимствований обобщены на рисунке 1.

Рис. 1. Семантические свойства разных типов заимствований

4.5. Типы заимствований и общественная реакция

Испытуемые выбирают способ толкования заимствований прежде всего в зависимости от отнесенности к типу заимствований. Для первого и второго типов заимствований наиболее частотным способом толкования является логический (под ним мы понимаем последовательное разложение значения лексемы на компоненты: отнесение слова к

иерархическому понятию более высокого ранга с последующим определением отличительных и общих признаков) (см. подробнее о способах толкования на основе семантической общности слов: (Белов, 2018)). Однако для заимствований третьей группы преимущественно применяется синонимический способ, предполагается использование синонимов для толкования значения стимула. Подробные результаты см. на рисунке 2.

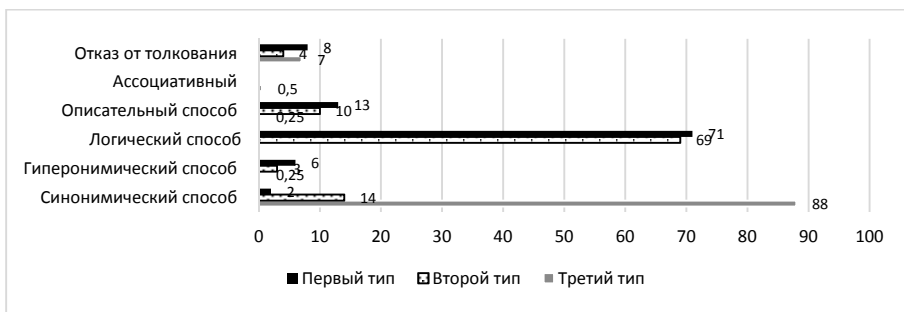

Рис. 2. Использование способов толкования значения стимулов для разных типов заимствований (в процентном соотношении)

Носители языка по-разному воспринимают заимствования этих трех групп. Участники проведенного опроса, целью которого было выяснение отношения к неологизмам и заимствованиям, терпимо относятся к словам, не имеющим русских аналогов и обладающим семантическими различиями. Однако носители языка негативно воспринимают дублетные заимствования (Козырев, Черняк, 2012). Употребление заимствований, относящихся к последней группе, вызывает наибольшую негативную общественную реакцию: «Такое дублирование признается коммуникативно нецелесообразным. Они не приносят никакой новой информации» (Котцова, 2019, с. 142). Подобное отношение связано с тем, что они с общественной точки зрения не несут новой (важной для жизни, логической) информации и чаще всего выражают отрицательные эмоции, которые табуируются в языке и социальной жизни (Вольф, 2006).

Заимствования второй группы мотивированы стремлением детализировать действительность. В этом случае важно учитывать позицию языковой личности: дополнительная дифференциация позволит передать точную информацию, необходимую с точки зрения носителя языка и коммуникативной ситуации. Так, лексема *ритейлер* (большая компания, которая занимается розничной торговлей) первоначально была актуальна для лексикона профессионалов, позднее она стала употребляться в публицистических текстах. В НКРЯ это слово впервые отмечается единичными употреблениями с 2002 года, однако с 2011 года частотность возрастает. Негативная общественная реакция, как правило, в подобных случаях отмечается в момент расширения сферы употребления.

5. Обсуждение результатов

5.1. Логическая категоризация

В основе семантической адаптации заимствований лежат два когнитивных механизма, которые определяют восприятие и обработку информации. Первый из них — логическая категоризация — предполагает рациональное упорядочивание понятий в языковой картине мира. В результате развиваются семантические отличия заимствований от существующих слов и формируются гиперонимические и гипонимические связи. Логическая категоризация приводит к распределению слов на категории (группы), где каждое заимствование должно быть прикреплено к определенной категории. Также важно, что логическая категоризация обуславливает дифференциацию слов (то есть развитие семантических различий).

Логическая категоризация определяет семантическую адаптацию заимствований первой и второй групп. Для адаптации заимствований второй группы характерна комбинация логической и нелогической категоризации. Для заимствований третьей группы, дублирующих существующие понятия, логические механизмы ослаблены, так как дублирование понятий избыточно с логической точки зрения.

5.2. Нелогическая категоризация

К нелогической категоризации мы относим когнитивные механизмы эмоционально-образного восприятия и оценки понятий. Подобные процессы прежде всего характерны для третьей группы заимствований. Нелогическая категоризация предполагает стремление носителя выразить свое отношение к понятиям, передать эмоции и оценить происходящее. При этом имеющиеся в языке синонимические ресурсы недостаточны для адекватной передачи эмотивного содержания (с точки зрения носителя языка и его коммуникативной задачи).

Нелогическая категоризация предполагает упорядочивание информации по эмоционально-оценочной шкале. Однако в современной психологии и лингвистике проблема выражения эмоций дискуссионна. В языке эмоции эксплицируются сложным, опосредованным способом (Russell, 2003). Эмоции являются результатом недифференцированных психологических процессов, которые по природе нелогичны.

Анализ результатов настоящего исследования позволил сделать некоторые выводы. Первый вывод касается того, что при семантической адаптации происходит шкалирование (оценивание) слова с эмоционально-оценочной точки зрения⁴. Нелогическая категоризация заим-

⁴ Подобные механизмы в общих чертах описаны М. В. Никитиным как оценочная категоризация, которая осуществляется после восприятия объектов и до его логической обработки: «По своему методу и уровню (характеру) знания мира наше мышление является по преимуществу оценочным» (Никитин, 2003, с. 67).

ствования приводит к тому, что словам «приписывается» выражение той или иной эмоции. Покажем это на примере заимствования *лузер*, которое выражает эмоции презрения и/или отвращения, что отражается в примере из корпуса (13).

(13) *Мы струсили, честно скажу, ретировались, и нам вслед летело: «Слабаки! Лузеры!»* (НКРЯ: lenta.ru, 2018).

В эксперименте наиболее частотным толкованием становится *неудачник* (79 ответов, 75 %). Такая реакция не только указывает на денотативное значение, но выражает эмоции и степень оценки. Среди реакций испытуемых, которые выражают оценку, можно назвать следующие: *аутсайдер* (3 реакции, 3 %), *дурачок* (1 реакция, 1 %), *лох* (1 реакция, 1 %), *отстойник* (1 реакция, 1 %). Важно, что подобный эффект сохраняется во всех контекстах употребления слова; это указывает на то, что коннотация является обязательной частью семантики слова, а не проекцией контекста и ситуации.

Второй вывод связан с тем, что заимствование постепенно утрачивает эмоционально-оценочную составляющую. Параллельно у заимствования развивается логическая упорядоченность. Так, лексема *френд* первоначально связана с отрицательными эмоциями презрения и/или отвращения: при употреблении подчеркивается «ненастоящий» характер дружбы; см. текст 1994 года (14). Однако по мере употребления слово развивает семантические отличия от синонимов: сегодня это слово прежде всего используется для обозначения «друзей» в социальных сетях и Интернете (см. пример (15)).

(14) *Дружба в те годы не взвешивалась заранее, дружить было нормой, все, кроме считанных недрузей, были друзья (как во взвешенной-перевешенной, но до седых волос инфантильной Америке, где каждый знакомый – май френд)* (НКРЯ: А. Найман, 1994).

(15) *В семье знакомых сыну 15 лет, а у него ни настоящего друга, ни любимой девушки. Только френды и подписчики* (НКРЯ: А. Дроботов, «Комсомольская правда», 2013).

Как правило, заимствования-дублеты не сохраняют эмоционально-оценочное содержание в течение длительного времени. В обобщенном виде у заимствований третьей группы два пути развития: либо развитие семантических различий под влиянием логической категоризации, либо постепенный выход из употребления.

Логическая категоризация занимает в лексиконе носителя языка доминирующее положение, в то время как нелогическая категоризация актуальна лишь для ограниченной части лексики и для определенных носителей языка. Однако, несмотря на ограниченность, заимствования-дублеты прежде всего оказываются в центре общественного обсуждения.

5. Заключение

В задачи настоящей работы входило изучение семантической адаптации разных типов новых заимствований. Анализ полученных результатов позволил подтвердить гипотезу: логическая и нелогическая категоризация определяет семантическую адаптацию новых заимствований и формирование их семантических связей. Эти категоризации предполагают различные механизмы адаптации заимствований.

Выше описаны три типа заимствований с точки зрения организации семантических связей. Заимствования первого и второго типа чаще всего становятся гипонимами или субдоминантными синонимами для существующих слов. Заимствования чаще занимают определенную «нишу» в уже существующих синонимических рядах (см. схожие выводы в работе (Володарская, 2002)).

Логическая категоризация приводит к тому, что новое заимствование оказывается встроено в существующую семантическую сеть с помощью иерархических связей и семантических различий. Нелогическая категоризация, связанная с эмоционально-образным восприятием мира, нацелена на отображение эмоций и выражение отношения говорящего к сообщаемому. Заимствования третьего типа, мотивированные нелогической категоризацией, способны выражать определенные эмоции, при этом характер выражения эмоций мало зависит от контекста. Отметим, что нелогическая категоризация также важна для языковой личности: заимствования третьей группы расширяют ресурсы языка и позволяют более точно выразить свои эмоции.

Логические и нелогические когнитивные механизмы могут комбинироваться в лексиконе носителя языка. Выделенные логические и нелогические механизмы характерны прежде всего для семантической адаптации, а в диахронии для заимствований, как правило, усиливаются логические механизмы адаптации.

Исследования заимствований с семантической точки зрения позволяют разрешить другие проблемы, имеющие общественное значение. Во-первых, негативная общественная реакция связана с отдельной, весьма ограниченной группой заимствований, мотивированных не логическими причинами, а стремлением говорящего выразить эмоции. Во-вторых, показателем семантической адаптированности может стать наличие семантических (синонимических и гиперонимических) связей, что формально проявляется в языковой частотности. Наконец, настоящее исследование показывает связь причин заимствований, включенности в семантическую сеть и общественной реакции. Заимствования, обозначающие новые понятия и/или детализирующие существующую картину мира, интегрированные в лексикон носителями неединичными синонимическими и гиперонимическими связями, вызывают, как правило, благоприятную общественную реакцию, и, напротив, заимствования, обладающие ограниченными семантическими связями, подвергаются общественному порицанию.

Список литературы

Белов В. А. Способы наивного толкования лексического значения существительных // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №4. С. 83–91. doi: 10.24411/2499-9679-2018-10201.

Борисова О. С. Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятия носителей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014.

Будагов Р. А. Введение в науку о языке : учеб. пособие. М., 1965.

Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. №4. С. 96–118.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2006.

Гончарова Е. А. Динамические процессы в лексиконе языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009.

Дзюба Е. В. Субкатегоризация как когнитивный феномен: овощи, фрукты, ягоды, орехи в русском языковом сознании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 7, №2. С. 33–45.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 05.02.2021).

Заботкина В. И. Изменения в концептуальной картине мира в аспекте когнитивно-прагматического подхода // Категоризация мира: пространство и время : матер. науч. конф. М., 1997. С. 55–59.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Заимствованное слово в восприятии молодежи // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, №9. С. 78–82.

Котцова Е. Е. Семантическая адаптация англицизмов-агнотимов в лексике русского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. №2. С. 139–146. doi: 10.20916/1812-3228-2019-2-139-146.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М., 2004.

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Левецкий А. Э. Горизонты развития неологии XXI века // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М., 2009. С. 350–364.

Максимова Т. В. Заимствования в контексте лингвокультур: англо-русские параллели // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2004. №1. С. 100–111.

Маринова Е. В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в. // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст. Н. Новгород, 2009. С. 65–149.

Мустайоки А., Вепрева И. Т. Метаязыковой портрет модных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по матер. ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2015. Вып. 14/21. Т. 1. С. 453–467.

Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003.

Новиков В. И. Словарь модных слов. М., 2016.

Тавабилова Л. И. К вопросу о влиянии заимствованных слов на формирование детской речи // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., 9 февраля 2011 г., г. Стерлитамак / отв. ред. А. Л. Фатыхова. Стерлитамак, 2011. С. 161–164.

Чэнь Хуань Модные слова в современном русском и китайском газетном тексте: происхождение, семантика, функции // Russian Journal of Linguistics. 2017. Т. 21, №4. С. 749–766. doi: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-749-766.

Шарандин А. Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1 (34). С. 75–81.

Cruse A., Croft W. Cognitive linguistics. Cambridge, 2004. doi: 10.1017/CBO9780511803864.

Haspelmath M. Lexical borrowing: concepts and issues // Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / ed. by M. Haspelmath, U. Tadmor. Berlin, 2009. P. 35–54. doi: 10.1515/9783110218442.

Kang Y. Loanword phonology // Companion to phonology / ed. by M. Oostendorp, C. Ewen, E. Hume, K. Rice. Boston ; Leiden, 2011. P. 624–629. doi: 10.1002/9781444335262.wbctp0095.

Labov W. Notational structure // Parasession on the lexicon / ed. by D. Farkas, W. Jacobsen, K. Todrys. Chicago, 1978. P. 220–260.

Langacker R. Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammars. Berlin ; Paris, 1991.

Matras Y. Language contact. Cambridge, 2009. doi: 10.1017/CBO9780511809873.

Murphy G., Medin D. The role of theories in conceptual coherence // Psychological Review. 1985. Vol. 92. P. 289–316.

Myers-Scotton C. Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford, 2002. doi: 10.1093/acprof:oso/9780198299530.001.0001.

Repetti L. The emergence of marked structures in the integration of loans in Italian // Historical romance linguistics: Retrospective and perspectives / ed. by G. Randall, D. Arteaga. Amsterdam ; Philadelphia, 2006. P. 209–239. doi: 10.1075/cilt.274.13rep.

Rogers T., McClelland J. Semantic cognition: A parallel distributed processing approach. Cambridge, 2003.

Russell J. Core affect and the psychological construction of emotion // Psychological Review. 2003. Vol. 11, №1. P. 145–172. doi: 10.1037/0033-295X.110.1.145.

Stolz Ch. A different kind of gender problem: Maltese loan-word gender from a typological perspective // Introducing Maltese linguistics / ed. by B. Comrie, R. Fabri, E. Hume, M. Mifsud, Th. Stolz, M. Vanhove. Amsterdam, 2009. P. 321–353. doi: 10.1075/slcs.113.22sto.

Thomason S., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley, 1988.

Thomason S., Kaufman T. Language contact. Edinburgh, 2001.

Weinreich U. Languages in contact: Findings and problems. P. ; N. Y., 1968.

Winford D. An introduction to contact linguistics. Oxford, 2003.

Об авторах

Вадим Алексеевич Белов, доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-4173-2000

E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Валентина Михайловна Белова, кандидат филологических наук, менеджер, АО «Силловые машины», Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-6057-1580

E-mail: belova.valentina.m@gmail.com

Для цитирования:

Белов В. А., Белова В. М. Когнитивные механизмы семантической адаптации заимствований в русском языке // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 39–58. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-3.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

COGNITIVE MECHANISMS OF SEMANTIC ADAPTATION OF BORROWINGS IN RUSSIAN

Vadim A. Belov¹, Valentina M. Belova²

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29 Politekhnicheskaya St., St. Petersburg, 195251, Russia

² Power Machines Joint Stock Company,
Lit. A, 3 Vatutina St., Saint Petersburg, 195009, Russia

Submitted on 10.05.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-3

This paper investigates the semantic adaptation of new borrowings in Russian, addressing a gap in research on this topic. The relevance of the study stems from the ambiguous and often negative public perception of the increasing number of borrowings in the Russian language. The study aims to classify these borrowings and identify the underlying causes of the borrowing process. The central hypothesis is that the semantic adaptation of borrowings is determined by the types of cognitive categorization employed. Two types of categorization are described: logical categorization and non-logical categorization. Logical categorization involves the rational structuring of phenomena within a native speaker's worldview, while non-logical categorization reflects an emotional-evaluative perception of reality, expressing various emotions through borrowings. The research draws on several sources, including the National Corpus of the Russian Language, media publications, Russian dictionaries, statistical data from the Yandex search engine, and the results of a psycholinguistic experiment involving 106 native speakers. In the experiment, participants were tasked with interpreting stimulus words, providing insights into how borrowings are understood and categorized. The study's primary outcome is a typology of borrowings, differentiated by the organization of their semantic relationships. The typology includes borrowings that denote new phenomena in reality, borrowings used as substitutes for synonymous native phrases, and borrowing-doublets. Logical categorization establishes hierarchical semantic connections for borrowings, while non-logical categorization conveys emotional and evaluative attitudes. The findings indicate that logical categorization is predominant for most borrowings, whereas non-logical categorization applies to a smaller subset. In some cases, these types of categorization can co-occur. The study concludes that cognitive categorization plays a crucial role in the semantic adaptation of borrowings, offering new insights into their integration into the Russian language.

Keywords: lexical meaning, lexical change, borrowing, semantic adaptation, categorization, synonymy, semantic relations

References

Belov, V. A., 2018. Ways of Naive Interpretation of the Lexical Meaning of Nouns. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhski philological bulletin], 4, pp. 83–91, <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10201> (in Russ.).

Borisova, O.S., 2014. *Adaptatsiya inoyazychnoi leksiki v sisteme yazyka i vospriyatii nositelei* [Adaptation of foreign language vocabulary in the system of language and the perception of native speakers]. PhD thesis. Kemerovo (in Russ.).

Budagov, R.A., 1965. *Vvedenie v nauku o yazyke: uchebnoe posobie* [Introduction to the science of language: a textbook]. Moscow (in Russ.).

Chen Huan, 2017. Buzzwords in Modern Russian and Chinese Newspapers: Origin, Semantics, Functions. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), pp. 749–766, <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-4-749-766> (in Russ.).

Cruse, A. and Croft, W., 2004. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803864>.

Dzuba, E.V., 2013. Subcategorization as cognitive phenomenon: VEGETABLES, FRUIT, BERRIES, NUTS in the Russian linguistic consciousness. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 7 (2), pp. 33–45 (in Russ.).

Efremova, T.F., 2000. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Moscow. Available at: <https://www.efremova.info/> [Accessed 05 February 2021] (in Russ.).

Goncharova, Ye.A., 2009. *Dinamicheskie protsessy v leksikone yazykovoi lichnosti* [Dynamic processes in the lexicon of a linguistic human]. PhD thesis. Novosibirsk (in Russ.).

Haspelmath, M., 2009. Lexical borrowing: concepts and issues. In: M. Haspelmath and U. Tadmor, eds. *Loanwords in the World's Languages: a comparative handbook*. Berlin, pp. 35–54, <https://doi.org/10.1515/9783110218442>.

Kang, Y., 2011. Loanword phonology. In: M. van Oostendorp, C. Ewen, E. Hume, and K. Rice, eds. *Companion to Phonology*. Boston; Leiden, pp. 624–629, <https://doi.org/10.1002/9781444335262.wbctp0095>.

Kotsova, E.E., 2019. Semantic adaptation of English loan words-agnonyms in Russian lexis. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2, pp. 139–146, <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-2-139-146> (in Russ.).

Kozyrev, V.A. and Chernyak, V.D., 2012. Borrowed word in the perception of youth. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 11 (9), pp. 78–82 (in Russ.).

Krysin, L.P., 2004. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe* [The Russian word, his and others]. Moscow (in Russ.).

Krysin, L.P., 2008. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: Oчерки o russkoi leksike i leksikografii* [Word in modern texts and dictionaries: Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow (in Russ.).

Kubryakova, Ye.S., 2004. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the path of acquiring knowledge of language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow (in Russ.).

Labov, W., 1978. Denotational structure. In: D. Farkas, W. Jacobsen and K. Todrys, eds. *Parasession on the Lexicon*. Chicago, pp. 220–260.

Langacker, R., 1991. *Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammars*. Berlin; Paris.

Levitsky, A.E., 2009. Development horizons of neology of the XXI century. In: *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: Traditsii i novatorstvo* [Horizons of modern linguistics: Traditions and innovation]. Moscow, pp. 350–364 (in Russ.).

Maksimova, T.V., 2009. Borrowing in the context of linguistic cultures: Anglo-Russian parallels. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvистического университета* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], 1, 100–111 (in Russ.).

Marinova, Ye. V., 2014. Mastering new borrowings and related processes in the Russian language at the beginning of the XXI century. In: *Russkii yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* [Russian language of the early 21st century: vocabulary, word formation, grammar, text]. Nizhny Novgorod, pp. 65–149 (in Russ.).

Matras, Y., 2009. *Language Contact*. Cambridge, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511809873>.

Murphy, G. and Medin, D., 1985. The role of theories in conceptual coherence. *Psychological Review*, 92, pp. 289–316.

Mustayoki, A. and Vepreva, I. T., 2015. Metalanguage portrait of fashionable people. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Computer linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the annual International Conference “Dialog”]. Vol. 1 (14/21). Moscow, pp. 453–467 (in Russ.).

Myers-Scotton, C., 2002. *Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford, <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198299530.001.0001>.

Nikitin, M. V., 2003. *Osnovaniya kognitivnoi semantiki* [Foundations of cognitive semantics]. St. Petersburg (in Russ.).

Novikov, V. I., 2016. *Slovar' modnykh slov* [Fashion words dictionary]. Moscow (in Russ.).

Repetti, L., 2006. The emergence of marked structures in the integration of loans in Italian. In: G. Randall and D. Arteaga, eds. *Historical romance linguistics: Retrospective and perspectives*. Amsterdam; Philadelphia, pp. 209–235, <https://doi.org/10.1075/cilt.274.13rep>.

Rogers, T. and McClelland, J., 2003. *Semantic Cognition: A Parallel Distributed Processing Approach*. Cambridge.

Russell, J., 2003. Core affect and the psychological construction of emotion. *Psychological review*, 11 (1), pp. 145–172, <https://doi.org/10.1037/0033-295X.110.1.145>.

Sharandin, A. L., 2013. Dynamic nature of conceptualization and categorization as the basis of human speech activity. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1 (34), pp. 75–81 (in Russ.).

Stolz, C., 2009. A different kind of gender problem: Maltese loan-word gender from a typological perspective. In: B. Comrie, R. Fabri, E. Hume, M. Mifsud, T. Stolz, and M. Vanhove, eds. *Introducing Maltese Linguistics*. Amsterdam, pp. 321–353, <https://doi.org/10.1075/slcs.113.22sto>.

Tavabilova, L. I., 2011. To the question about the influence of loanwords on the formation of children's speech. In: *Sovremennaya filologiya v kontekste vzaimodeistviya yazykov i kul'tur : sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern philology in the context of the interaction of languages and cultures. Collection of articles : materials of the international scientific and practical conference]. 9 February 2011. Sterlitamak, pp. 161–164 (in Russ.).

Thomason, S. and Kaufman, T., 1988. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley.

Thomason, S., 2001. *Language contact*. Edinburgh.

Vol'f, Ye. M., 2006. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow (in Russ.).

Volodarskaya, E. F., 2002. Lexical loans as a reflection of Russian and English contacts. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 4, pp. 96–118 (in Russ.).

Weinreich, U., 1968. *Languages in Contact: Findings and Problems*. Paris; New York.

Winford, D., 2003. *An Introduction to Contact Linguistics*. Oxford.

Zabotkina, V.I., 1997. Changes in the conceptual picture of the world in the aspect of the cognitive-pragmatic approach. In: *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya: materialy nauchnoi konferentsii* [Categorization of the world: space and time. Proceedings of the scientific conference]. Moscow, pp. 55–59 (in Russ.).

The authors

Prof. Vadim A. Belov, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

ORCID: 0000-0002-4173-2000

E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Dr. Valentina M. Belova, manager, Power Machines Joint Stock Company, St. Petersburg, Russia.

ORCID: 0000-0002-6057-1580

E-mail: belova.valentina.m@gmail.com

To cite this article:

Belov, V.A., Belova, V.M., 2025, Cognitive mechanisms of semantic adaptation of borrowings in Russian, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 39–58. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-3.

**ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ
В РУССКИХ РАССКАЗАХ XX—XXI ВЕКОВ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Т. Г. Скребцова¹, А. О. Гребенников^{1, 2}, Н. М. Марусенко¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

² Университет ИТМО
Россия, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский просп., 49 лит. А
Поступила в редакцию 12.01.2024 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-4

Представлены результаты сравнительного анализа частоты употребления прилагательных цвета в русских рассказах начала XX и XXI веков. Исследование базируется на выборке из Корпуса русского рассказа 1900–1930, частотных словарях рассказов отдельных авторов (И. А. Бунина, А. И. Куприна, А. П. Чехова и Л. Н. Андреева), а также материалах Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В качестве параметров сравнения используются статистические метрики: относительная частота встречаемости (*irm*) и ранговое распределение. Объектом исследования являются наиболее частотные прилагательные цвета. Сопоставление осуществляется в нескольких направлениях, связанных с творческой индивидуальностью автора, влиянием исторического контекста и спецификой формы художественного произведения.

В результате исследования обнаружено, что индивидуально-авторская вариативность в использовании цветообозначений достаточно высока по обоим статистическим параметрам. Эти различия, однако, полностью нивелируются в выборке из Корпуса русского рассказа, включающей произведения нескольких сотен писателей. Драматичные события начала XX века не сказались на внутригрупповом ранговом распределении прилагательных, но привели к существенному росту параметра *irm*. Предложено объяснение этому феномену, основанное на результатах предшествующего исследования. Анализ современных произведений базируется на выборке из НКРЯ, включающей рассказы, написанные в 2000–2023 годах. При сравнении выборок выявлено, что наиболее частотные прилагательные цвета спустя столетие сохранили свои позиции во внутригрупповом ранговом распределении. Параметр *irm* за редким исключением демонстрирует существенное снижение. В связи с этим выдвинута гипотеза, аналогичная той, что ранее объясняла рост *irm* в 1900–1930 годах. Дополнительное сопоставление, предпринятое на материале рассказов и поэзии И. А. Бунина, свидетельствует о влиянии формы художественного произведения на статистику использования прилагательных цвета.

Ключевые слова: цветообозначения, русский рассказ, лингвостатистика, Корпус русского рассказа 1900–1930, частотные словари, ранговое распределение

1. Введение

Цветообозначения, или цветоименования, — это названия цветов и оттенков. В каждом языке это особая семантическая группа, отличающаяся от подобных групп в других языках с количественной и каче-

ственной точек зрения. Исследования, проводившиеся лингвистами и антропологами в 1960–1970-е годы, позволили выявить степень универсальности / вариативности в различных системах цветообозначений. Было обнаружено, что, несмотря на широкое разнообразие цветových категорий, выделяемых в разных языках, можно говорить о едином инвентаре «базовых» цветообозначений, а также сформулировать правила, касающиеся их иерархии как в сопоставительном, так и диахроническом аспекте (Berlin, Kay, 1969).

В отечественном языкознании интерес к цветообозначениям проявляется не только в лингвокультурологии и этнолингвистике, но и в исследованиях, связанных с историей возникновения тех или иных названий цвета (Бахилина, 1975), экспериментальным изучением их семантики (Фрумкина, 1984), лексикографическим описанием (Харченко, 2009), прикладным аспектом использования (Василевич и др., 2005), коннотациями прилагательных цвета (Чернейко, Ли, 2019) и пр. Разнообразие теоретических подходов и научных интересов наглядно демонстрируют материалы круглого стола, посвященного цветообозначениям (Проблемы цвета..., 2004).

В настоящем исследовании цветоименования рассматриваются с точки зрения их функционирования в художественной речи (в качестве материала преимущественно используются русские рассказы начала XX и XXI века – подробнее см. ниже). Опираясь на статистические методы обработки материалов электронных корпусов текстов, мы анализируем сравнительную частоту употребления тех или иных названий цвета у различных авторов и в разные эпохи.

Объектом рассмотрения являются восемь прилагательных, обозначающих пять цветов спектра (*красный, желтый, зеленый, голубой, синий*) и три ахроматических цвета (*белый, черный, серый*). Они были отобраны по принципу частотности: в нашем материале данные цветообозначения встречаются чаще прочих. Примечательно, что все они относятся к базовым цветам (единственным исключением, возможно, является *голубой*, чей статус вызывает вопросы, ср. (Перехвальская, 2015, с. 157). Для проверки тех или иных гипотез в статье также используются дополнительные данные по другим цветообозначениям.

2. Материал и метод исследования

2.1. Корпус русского рассказа 1900–1930

Сегодня очевидно, что оценку изменений в рамках любой лексической группы следует проводить с опорой на корпусные и статистические методы. С этой целью исследователями СПбГУ и НИУ ВШЭ уже много лет создается представительный Корпус рассказов русских писателей, который включает произведения максимально широкого круга авторов, написанные на русском языке с 1900 по 1930 год и опубликованные в периодических изданиях¹. Художественная проза чутко реа-

¹ URL: <https://russian-short-stories.ru>

гирует на события в социальной и политической жизни, особенно в эпоху бурных исторических перемен. Рассказ, будучи коротким и наиболее распространенным жанром художественной прозы, быстро улавливает изменения в индивидуальном сознании и сознании социума и, таким образом, может быть использован для отслеживания изменений в лексическом составе. На настоящий момент Корпус содержит несколько тысяч единиц.

Историческим центром периода, охватываемого Корпусом, очевидно является Октябрьская революция. Все остальные события и процессы рассматриваются или как преддверие перелома, или как его последствия. В связи с этим Корпус разделен на три хронологически последовательных периода: 1) рассказы начала XX века (1900–1913); 2) рассказы эпохи острых социальных потрясений – Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции и последующая за ними Гражданская война (1914–1922); 3) рассказы послереволюционной эпохи – раннего советского периода (1923–1930).

На материале Корпуса была сформирована тестовая выборка, включающая 310 рассказов (приблизительно по 100 из каждого периода) без каких-либо ограничений по длине, тематике и т. п. Каждый автор может быть представлен не более чем одним произведением за период. Кроме того, необходимо, чтобы рассказ был написан и опубликован в России (или СССР), а не за рубежом. Выборка включает как рассказы признанных мастеров русской литературы, так и (даже в большей степени) произведения авторов, практически неизвестных современному читателю.

При компьютерной обработке тексты рассказов в подкорпусах для каждого периода (а также для выборки в целом) последовательно объединялись, и для этих кумулятивных образований были составлены ранговые частотные словари лексем, которые и служат «полигоном» для нашего исследования:

- 24316 лексем, 376513 словоформ для первого периода;
- 24617 лексем, 303588 словоформ для второго периода;
- 30560 лексем; 383430 словоформ для третьего периода;
- 124081 лексема, 1077970 словоформ для выборки в целом.

2.2. Частотные словари писателей

Кроме того, за прошедшие годы были созданы и изданы частотные словари рассказов выдающихся русских писателей, признанных мастеров жанра (А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, А. И. Куприна, И. А. Бунина) (Частотный словарь..., 1999; 2003; 2006; 2011). Эти словари основываются на случайных, но репрезентативных выборках из произведений указанных авторов. Их материалы позволяют многоаспектно исследовать особенности языка писателя, выявлять лексемы, соответствующие ключевым темам его творчества, анализировать наполнение отдельных семантических областей. В настоящем исследовании словари используются для сравнительного анализа цветообозначений.

2.3. Национальный корпус русского языка: рассказы XXI века

Сегодня лингвистам при решении широкого спектра задач предоставляется возможность пользоваться инструментарием Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Мы обратились к НКРЯ для того, чтобы получить статистические данные по употреблению прилагательных цвета в XXI веке, а затем сравнить их с соответствующими показателями для начала XX столетия.

С этой целью мы задали аналогичный нашему подкорпус русских рассказов, написанных с 2000 по 2023 год. Он насчитывает 1233 рассказа общим объемом 5 178 237 словоупотреблений; таким образом, его репрезентативность не вызывает сомнений. Как и тестовая выборка из Корпуса русского рассказа, он включает произведения нескольких сотен как известных, так и молодых, совсем недавно заявивших о себе авторов.

Помимо этого материалы НКРЯ были использованы для выявления статистики использования прилагательных цвета в поэзии И. А. Бунина. Это частный аспект настоящего исследования, связанный с влиянием вида художественной литературы на частотное распределение слов.

2.4. Методика

В настоящей статье для количественной оценки употребления цветообозначений мы используем параметр относительной частоты встречаемости слова *ipm* — число употреблений на миллион слов. Такой подход традиционно применяется в условиях, когда объемы выборок существенно различаются.

Вторым параметром, к которому мы прибегаем для наглядности, является ранг. Однако речь идет не о рангах прилагательных цвета в общем ранговом распределении всех лексем, а о ранге того или иного прилагательного относительно других. Иными словами, из общего рангового распределения цветообозначения извлекаются, сравниваются по параметру *ipm* и снабжаются новыми, внутригрупповыми рангами: самому частотному из них присваивается ранг 1, следующему — 2 и т. д. Как правило, в речь идет о рангах от 1 до 8 (в соответствии с объектом нашего исследования), но если привлекаются дополнительные цветообозначения, то и до 13.

Следует подчеркнуть, что из-за невозможности автоматического анализа полисемии каждое цветообозначение рассматривается в качестве единой лексемы, включающей все ее лексико-семантические варианты. Таким образом, хотя на протяжении всей статьи мы говорим о *цвете* (ср. *цветообозначения, цветоименования, прилагательные цвета*), на самом деле в тексте может реализоваться не только основное, «цветовое», значение, но и разнообразные переносные значения, а также окказиональные, индивидуально-авторские употребления. Прилагательное также может подвергаться субстантивации (ср. *красные, белые, зеленые* и т. п.). Подобные формы, однако, автоматически распознаются как прилагательные цвета. Это неизбежное, по крайней мере на сегодняшний день, ограничение.

3. Ранговое распределение цветообозначений в рассказах отдельных писателей

Сопоставление частотных списков, представленных в (Частотный словарь..., 1999; 2003; 2006; 2011), обнаруживает довольно большую вариативность в писательском предпочтении цвета (табл. 1). Примечательно, что верхний ранг делят пополам прилагательные *белый* и *черный*. Как будет показано в следующем разделе, прилагательное *белый* в среднем более частотно для рассказов начала XX века. Однако, когда речь идет о творчестве отдельных авторов, его лидерство не является безусловным. Третье место стабильно занимает прилагательное *красный*; четвертое поделено между *серым* и *зеленым*. Забегая вперед, заметим, что в подкорпусе русских рассказов *серый* имеет 4-й ранг на протяжении всех периодов, а также в целом по выборке (табл. 2).

Таблица 1

Ирм и ранговое распределение цветообозначений в рассказах Чехова, Андреева, Куприна и Бунина

Цвет	А. П. Чехов		Л. Н. Андреев		А. И. Куприн		И. А. Бунин	
	ранг	ирм	ранг	ирм	ранг	ирм	ранг	ирм
<i>белый</i>	1	515,0	2	852,1	1	1085,8	2	1800,1
<i>черный</i>	2	348,4	1	1146,3	2	1065,0	1	1994,7
<i>красный</i>	3	343,3	3	674,6	3	645,3	3	1131,2
<i>серый</i>	5	166,6	4	365,2	5	239,4	4	656,8
<i>синий</i>	7	136,3	6	157,2	8	225,5	7	279,7
<i>желтый</i>	9 ²	70,7	5	223,2	6/7	235,9	6	437,9
<i>зеленый</i>	4	247,4	7	131,9	4	319,2	5	535,2
<i>голубой</i>	8	90,9	8	126,8	6/7	235,9	8	255,4

Таблица 2

Ирм и ранговое распределение цветообозначений в Корпусе русского рассказа 1900 – 1930

Цвет	1900 – 1913		1914 – 1922		1923 – 1930		1900 – 1930	
	ранг	ирм	ранг	ирм	ранг	ирм	ранг	ирм
<i>белый</i>	1	934,9	1	892,7	1	1006,7	1	953,6
<i>черный</i>	2	905,7	2	807,0	2	978,0	2	942,5
<i>красный</i>	3	406,4	3	504,0	3	751,1	3	574,2
<i>серый</i>	4	363,9	4	336,0	4	508,6	4	427,6
<i>синий</i>	5	355,9	5	306,3	5	461,6	5	390,5
<i>желтый</i>	6	252,3	6	204,2	6/7	313,0	6	266,2
<i>зеленый</i>	7/8	177,9	7	174,6	6/7	313,0	7	234,7
<i>голубой</i>	7/8	177,9	8	161,4	8	247,8	8	204,1

² У Чехова прилагательное *желтый* не входит в круг восьми наиболее частотных цветообозначений (это единственный случай такого рода в рассматриваемом материале). Зато туда вошло прилагательное *рыжий*, занявшее 6-ю позицию.

Важны и ранг прилагательного, и степень его отрыва от ближайшего «соперника». Если обратиться к показателям частотности, нетрудно заметить, что дистанция, разделяющая первую и вторую строчки, весьма значительна у Андреева и Чехова, а у Бунина и Куприна она относительно невелика. Прослеживая показатели частотности по всей таблице, можно также обнаружить, что Чехов в целом гораздо реже использует цветообозначения, чем другие писатели.

Вариативность рангового распределения прилагательных цвета можно считать одним из проявлений творческой индивидуальности писателя, его особенного взгляда на мир. Предпринятое ранее исследование 50 наиболее частотных знаменательных слов в рассказах рассматриваемых авторов продемонстрировало существенные отличия в авторском мировосприятии. Так, было установлено, что творчество Бунина отмечено большим числом лексических единиц, относящихся к миру природы (*ветер, небо, поле, сад, море, лес, солнце, дорога*), в то время как в произведениях Чехова, напротив, основное внимание уделяется миру людей (*жена, муж, должный, нужный, доктор, слово*). Трагическое мироощущение Л. Н. Андреева выражается в высоких рангах слов *смерть, черный, темный, плакать* (Гребенников, Скребцова, 2019).

4. Ранговое распределение цветообозначений в Корпусе русского рассказа

Обращаясь к частотным словарям, созданным на материале выборки из Корпуса русского рассказа 1900–1930, мы видим практически одинаковое ранговое распределение по всем периодам и выборке в целом (табл. 2). Это может показаться удивительным, если принять во внимание радикальные преобразования, происходившие в стране на протяжении указанных трех десятилетий и существенно повлиявшие на лексику рассказов, в том числе на позиции многих слов в ранговом распределении (Скребцова, 2021; Скребцова, Гребенников, Шерстинова, 2021).

Примечательно, что прилагательное *белый* стабильно занимает первую строчку, хотя его отрыв от прилагательного *черный* относительно невелик во все периоды, а по выборке в целом сводится к минимуму. Пять верхних рангов полностью совпадают: незначительные колебания наблюдаются лишь внизу таблицы. Прилагательное *синий* поднялось до пятого ранга, чего не наблюдалось ни у одного из четырех писателей (см. выше).

На фоне единообразного рангового распределения обращает на себя внимание то, что частотность всех восьми прилагательных в третий период заметно выросла по сравнению с их частотностью в первый период. Это замечание справедливо и в отношении других, менее частотных цветообозначений, занимающих ранги с 9 по 13 (табл. 3).

Таблица 3

**Ирм дополнительных цветообозначений
в Корпусе русского рассказа 1900 – 1930**

Цвет	1900 – 1913, ирм	1914 – 1922, ирм	1923 – 1930, ирм
<i>рыжий</i>	85,0	92,2	229,5
<i>бурый</i>	21,2	52,7	54,8
<i>коричневый</i>	13,3	95,5	73,0
<i>лиловый</i>	13,3	42,8	41,7
<i>оранжевый</i>	2,7	9,9	26,1

Тенденция столь очевидна, что нуждается в объяснении. Мы предполагаем, что значительное увеличение частотности прилагательных цвета может быть связано с изменениями в тематике рассказов, произошедшими под влиянием исторического контекста. Как было показано ранее, во второй и третий периоды появилось много рассказов, посвященных войне (Первой мировой, Гражданской); кроме того, в третий (советский) период на фоне масштабных аграрных преобразований актуализировались темы, связанные с сельской жизнью, крестьянским бытом (Skrebtsova, 2021). Следовательно, действие повествования чаще происходит на открытом воздухе (в поле, лесу и пр.), на природе с ее многоцветьем. Коричневый, бурый, рыжий – цвет земли или окрас животных; зеленый – цвет травы, растений, листвы; голубой и синий – цвет ясного неба и т. д. (красный тоже встречается в природе, но это также и цвет крови и революционных знамен).

В подтверждение нашей гипотезы заметим, что целый ряд существительных, обозначающих домашних животных и природные объекты, в свою очередь демонстрирует движение вверх в общем ранговом распределении. Наиболее яркие примеры приведены ниже (табл. 4.).

Таблица 4

Ирм некоторых существительных в Корпусе русского рассказа 1900 – 1930

Существительное	1900 – 1913, ирм	1914 – 1922, ирм	1923 – 1930, ирм
<i>лошадь</i>	393,1	431,5	565,9
<i>конь</i>	37,2	128,5	331,2
<i>корова</i>	63,7	95,5	216,5
<i>собака</i>	201,9	247,0	391,2
<i>лес</i>	58,4	59,3	75,6
<i>поле</i>	146,1	194,3	297,3
<i>куст</i>	162,0	207,5	284,3
<i>травя</i>	201,9	266,8	294,7
<i>земля</i>	1035,8	872,9	1098,0
<i>грязь</i>	53,1	46,1	125,2

5. Ранговое распределение прилагательных цвета в прозе и поэзии И. А. Бунина

Как было показано выше, общественно-политический контекст, хотя и опосредованно, может влиять на частоту употребления цветообозначений. В этом разделе нас интересует, может ли в качестве значимого фактора выступать форма литературного произведения. На основании частотного словаря рассказов И. А. Бунина, с одной стороны, и собрания его стихотворений в поэтическом корпусе НКРЯ – с другой, можно получить статистические данные по прилагательным цвета (табл. 5).

Таблица 5

Ирм и ранговое распределение цветообозначений в рассказах и стихотворениях И. А. Бунина

Цвет	Рассказы		Стихи	
	ранг	ирм	ранг	ирм
<i>белый</i>	2	1800,1	1	2503,9
<i>черный</i>	1	1994,7	2	1930,8
<i>красный</i>	3	1131,2	5	921,8
<i>серый</i>	4	656,8	7	585,5
<i>синий</i>	7	279,7	3	1382,7
<i>желтый</i>	6	437,9	8	535,6
<i>зеленый</i>	5	535,2	4	1295,5
<i>голубой</i>	8	255,4	6	859,5

К сожалению, ввиду отсутствия материала у нас нет возможности распространить сравнение на других авторов, оставивших солидное наследие в обоих видах художественной литературы, – к примеру, В. Набокова, М. Кузмина, А. Белого. Поэтому то, что представлено ниже, вынужденно носит характер кейс-стади.

Приведенные данные демонстрируют значительные расхождения по обоим параметрам. Первые ранги по-прежнему распределены между прилагательными *белый* и *черный*, хотя и в обратной последовательности; у прочих прилагательных ранги сильно отличаются. Обращает на себя внимание значительно более высокая частотность прилагательных *синий*, *зеленый* и *голубой* в поэзии Бунина по сравнению с его рассказами.

Причина различий, по-видимому, кроется в разнице форм художественной речи. Очевидно, что на выбор слова в поэзии сильно влияют фонетические факторы (рифма, ритм, аллитерация, слоговая структура слова и пр.); в прозе их действие по меньшей мере не столь заметно. Можно также предположить, что в целом поэзия характеризуется употреблением слов в фигуральных значениях и индивидуально-авторских окружениях. Напротив, рассказ как нарративный жанр, с присущими ему краткостью и связью с актуальными событиями, скорее описывает конкретную действительность, чем ее художественно пере-

осмысляет и обобщает. Соответственно, в рассказах слова будут чаще выступать в своих прямых, конкретно-предметных значениях. Отсюда следует, что «средний баланс» между прямыми и переносными значениями, а также конвенциональными и новаторскими употреблениями в стихах и рассказах будет различаться. В поэзии он будет склоняться в пользу фигуральных и индивидуально-авторских употреблений (ср.: Масевич, Захаров 2019, с. 47). А поскольку возможности для расширения и сдвига значений являются особенными, специфичными для каждого слова, этот баланс нарушается индивидуально, по-своему у каждого из рассматриваемых прилагательных. Впрочем, эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке.

Вообще, как свидетельствуют множественные статистические сопоставления, предпринятые на материале русской поэзии от XVIII до XXI века (Марголис, 2022), авторская вариативность в использовании цветообозначений в поэзии весьма высока. В частности, в творчестве поэтов Серебряного века не всегда доминирует *белый* или *черный* цвет: так у В. Маяковского наиболее частотным является *красный*, а у С. Есенина — *синий*. В то же время среднее ранговое распределение цветообозначений в поэзии начала XX века схоже с тем, что представлено в таблице 2; в порядке убывания частоты следуют *белый* – *черный* – *красный* – *синий* (прилагательное *серый* в цитируемой монографии не учитывалось, поэтому его позиция в иерархии неизвестна) (Там же, с. 192–195).

6. Ранговое распределение цветообозначений в подкорпусе НКРЯ (2000–2023)

В данном разделе мы обращаемся к современному нам материалу – рассказам, написанным в начале XXI века (табл. 6). Для наглядности в таблицу также включены данные по ранговому распределению и относительной частоте прилагательных цвета из таблицы 2. Таким образом, можно сравнить статистические характеристики совокупностей текстов, разделенных почти столетием.

Таблица 6

Ирм и ранговое распределение цветообозначений в рассказах начала XX и начала XXI века

Цвет	Рассказы 1900–1930		Рассказы 2000–2023	
	ранг	ирм	ранг	ирм
<i>белый</i>	1	953,6	1	628,0
<i>черный</i>	2	942,5	2	601,8
<i>красный</i>	3	574,2	3	342,2
<i>серый</i>	4	427,6	4	228,5
<i>синий</i>	5	390,5	6	177,3
<i>желтый</i>	6	266,2	7	172,8
<i>зеленый</i>	7	234,7	5	230,0
<i>голубой</i>	8	204,1	8	123,4

Нетрудно заметить, что перераспределение рангов прилагательных имеет место в нижней половине таблицы, в то время как иерархия *белый – черный – красный – серый* остается неизменной. Интересным выглядит сопоставление цветообозначений по параметру относительной частоты употребления. Можно видеть, что почти все они демонстрируют резкое (в полтора-два раза) падение частотности; единственное исключение составляет прилагательное *зеленый*, сохранившее свою относительную частоту употребления и за счет этого поднявшееся в ранге.

Размышляя о причинах этого феномена, можно вновь предположить влияние внешних факторов — на этот раз характерной для последнего столетия тенденции урбанизации. Массовый отток сельского населения в город не может не влиять на тематику рассказов, на их место действия. Впрочем, в данном случае у нас нет специальных исследований, подтверждающих эту гипотезу.

Для более широкой проверки обнаруженной тенденции мы, как и ранее, обратились к статистике по менее частотным цветообозначениям (табл. 7). Однако здесь картина получилась не столь единообразной, ср. почти пятикратное падение частотности прилагательного *бурый*, но трехкратный рост *оранжевого*.

Таблица 7

**ipm и ранговое распределение дополнительных цветообозначений
в рассказах начала XX и начала XXI века**

Цвет	Рассказы 1900–1930		Рассказы 2000–2023	
	ранг	ipm	ранг	ipm
<i>рыжий</i>	9	148,43	9	96,6
<i>бурый</i>	10	121,52	12	26,5
<i>коричневый</i>	11	59,37	10	56,4
<i>лиловый</i>	12	32,47	13	18,7
<i>оранжевый</i>	13	12,99	11	37,1

Таким образом, сравнивая данные по рассказам начала XX века и начала XXI века, можно констатировать, что ядро описываемой группы (наиболее частотные цветообозначения) демонстрирует схожую динамику употребления в том, что касается рангового распределения и относительной частоты этих цветообозначений. Что касается менее центральных членов группы, заметную роль в статистике их встречаемости, по-видимому, играют индивидуальные факторы, влияющие на жизнь слова в языке.

7. Выводы

В настоящем исследовании были проанализированы частотные характеристики прилагательных цвета в русских рассказах начала XX и XXI веков. В центре внимания были такие параметры, как динамика относительной частоты и внутригрупповое ранговое распределение.

Было обнаружено, что различия в индивидуально-авторском предпочтении цвета могут быть довольно значительными, но они нивелируются при опоре на репрезентативную выборку, включающую произведения сотен писателей. Внутригрупповое распределение рангов прилагательных цвета остается стабильным на протяжении первой трети XX века. При сравнении его с соответствующим распределением в рассказах начала XXI века можно видеть, что четыре наиболее частотных цвета (*белый, черный, красный и серый*) сохраняют свои позиции, а менее частотные демонстрируют некоторую перегруппировку.

Относительная частота встречаемости цветообозначений в тексте оказалась более вариативным параметром: она демонстрирует заметный рост от первого, дореволюционного, периода (1900–1913) к третьему, советскому (1923–1930). Напротив, при сравнении периодов 1900–1930 и 2000–2023 наблюдается, за редким исключением, существенное снижение. В качестве объяснения отмеченных тенденций было выдвинуто предположение о влиянии внешних факторов (войны, революции, отмены частной собственности на землю, коллективизации, урбанизации) на тематику рассказов и, соответственно, на их лексику.

Отдельное пилотное исследование было посвящено сопоставлению рассказов и стихотворений И. А. Бунина с точки зрения использования прилагательных цвета. Оно выявило существенные различия по обоим используемым параметрам. Это дает основания предположить, что форма художественного произведения является значимым фактором, влияющим на частоту употребления цветообозначений в тексте.

Список литературы

- Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2005.
- Гребенников А. О., Скребцова Т. Г.* Языковая картина мира в русском рассказе начала XX века // Седьмая научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»: тез. докл. : в 2 ч. СПб, 2019. Ч. 2. С. 141–143.
- Марголис Я.* От Пушкина до поэтов XXI века. Сопоставительный анализ поэтического языка в цифровую эпоху. М., 2022.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П.* Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, №1. С. 21–48. doi: 10.25205/1818-7935-2019-17-1-21-48.
- Перехвальская Е. В.* Этнолингвистика : учеб. пособие. М., 2016.
- Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии : круглый стол / отв. ред. А. П. Василевич.* М., 2004.
- Скребцова Т. Г.* Новые реалии общественно-политической жизни 1920-х гг. и их отражение в русской литературе и лексикографии (на примере сложносокращенных слов) // Политическая лингвистика. 2021. №2. С. 146–154. doi: 10.12345/1999-2629_2021_02_14.
- Скребцова Т. Г., Гребенников А. О., Шерстинова Т. Ю.* Динамика лексического состава русской художественной прозы (на материале частотных словарей кор-

пуca русских рассказов 1900–1930) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: матер. ежегодной науч. конф. «Диалог». М., 2021. Вып. 20. С. 646–659.

Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.

Харченко В. К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. М., 2009.

Частотный словарь рассказов А. И. Куприна / авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб., 2006.

Частотный словарь рассказов А. П. Чехова / авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб., 1999.

Частотный словарь рассказов И. А. Бунина / авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб., 2011.

Частотный словарь рассказов Л. Н. Андреева / авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб., 2003.

Чернейко Л. О., Ли Я. Коннотации непроеизводных прилагательных цвета в аспекте когнитивного анализа их сочетаемости с абстрактными именами существительными // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2019. №5. С. 144–161.

Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969.

Skrebtsova T. Thematic tagging of literary fiction: the case of early 20th century Russian short stories. // Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17–20 June, 2020). CEUR Workshop Proceedings. St. Petersburg, 2021. Vol. 2813. P. 265–276.

Об авторах

Татьяна Георгиевна Скребцова, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-7825-1120

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

Александр Олегович Гребенников, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; доцент, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-2856-5049

E-mail: a.grebennikov@spbu.ru

Наталья Михайловна Марусенко, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-3347-1373

E-mail: n.marusenko@spbu.ru

Для цитирования:

Скребцова Т. Г., Гребенников А. О., Марусенко Н. М. Цветообозначения в русских рассказах XX–XXI веков: корпусное исследование // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 1. С. 59–73. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-4.

COLOUR TERMS IN THE RUSSIAN SHORT STORIES
OF THE EARLY XX AND XXI CENTURIES: A CORPUS STUDY

Tatiana G. Skrebtsova¹, Alexander O. Grebennikov^{1, 2}
Natalya M. Marusenko¹

¹ St. Petersburg State University
11 Universitetskaya Nab., St. Petersburg, 199034, Russia

² ITMO University
49 Lit. A, Kronverksky Ave., St. Petersburg, 197101, Russia

Submitted on 12.01.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-4

The paper presents a comparative analysis of colour terms frequencies in the Russian short stories of the early 20th and 21st centuries. The study draws on the Russian Short Stories Corpus 1900 – 1930, word frequency lists compiled from the stories by particular authors (Ivan Bunin, Alexander Kuprin, Anton Chekhov, Leonid Andreev), and the Russian National Corpus. Two major statistic parameters are used, i. e. relative frequency (ipm) and rank distribution. The study focusses on the most common colour terms. A multifold comparison has revealed differences due to the author's personality, historical context, and literary form. Thus, considerable divergence is shown to exist in the individual writers' preferences for the particular colour terms. However, the differences come down to a unified rank distribution in a sample from the Russian Short Story Corpus 1900 – 1930, containing stories by a few hundred authors. While not affecting the intra-group rankings of colour terms, the turbulent historical events seem to have spurred their ipm index. A hypothesis is put forward to account for this, based on an earlier paper. The analysis of the 21st century material draws on a sample from the Russian National Corpus, containing short stories produced in 2000 – 2023. A comparison between the two samples has shown that the most frequent adjectives have retained their intra-group rankings while the ipm index has largely dropped. Included in the paper is also a comparison between Ivan Bunin's short stories and poetry, exemplifying the impact of literary form on the colour terms' frequencies.

Keywords: colour terms, Russian short stories, linguistic statistics, Russian Short Stories Corpus 1900 – 1930, frequency wordlists, rank distribution

References

Bakhilina, N.B., 1975. *Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke* [The history of color terms in the Russian language]. Moscow (in Russ.).

Berlin, B. and Kay, P., 1969. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley.

Frumkina, R.M., 1984. *Tsvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psikholingvisticheskogo analiza* [Color, Meaning, Similarity: the Aspects of Psycholinguistic Analysis]. Moscow (in Russ.).

Grebennikov, A.O. and Skrebtsova, T.G., 2019. Linguistic picture of the world in the Russian story of the early XX century. In: *Sed'maya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Filosofiya i kul'tura informatsionnogo obshchestva» : tezisy dokladov* [Proceedings of the 7th Scientific and Practical Conference "Philosophy and Humanities in the Information Society"]. Vol. 2. St. Petersburg, pp. 141 – 143 (in Russ.).

Grebennikov, A.O., ed., 1999. *Chastotnyi slovar' rasskazov A.P. Chekhova* [Frequency dictionary of short stories by Anton Chekhov]. St. Petersburg (in Russ.).

Grebennikov, A.O., ed., 2003. *Chastotnyi slovar' rasskazov L.N. Andreeva* [Frequency dictionary of short stories by Leonid Andreev]. St. Petersburg (in Russ.).

Grebennikov, A.O., ed., 2006. *Chastotnyi slovar' rasskazov A.I. Kuprina* [Frequency dictionary of short stories by Alexander Kuprin]. St. Petersburg (in Russ.).

Grebennikov, A.O., ed., 2011. *Chastotnyi slovar' rasskazov I.A. Bunina* [Frequency dictionary of short stories by Ivan Bunin]. St. Petersburg (in Russ.).

Kharchenko, V.K., 2009. *Slovar' tsveta: real'noe, potentsial'noe, avtorskoe* [The Dictionary of Colour: Actual, Potential, Author's]. Moscow (in Russ.).

Margolis, Ya., 2022. *Ot Pushkina do poetov XXI veka. Sopostavitel'nyi analiz poeticheskogo yazyka v tsifrovuyu epokhu* [From Pushkin to 21st Century Poets: A Comparative Analysis of Poetic Language in the Digital Era]. Moscow (in Russ.).

Masevich, A.Ts. and Zakharov, V.P., 2019. Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 17, pp. 21–48, <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-1-21-48> (in Russ.).

Perekhval'skaya, E.V., 2016. *Etnolingvistika : uchebnoe posobie* [Ethnolinguistics: a Textbook]. Moscow (in Russ.).

Skrebtsova, T., 2021a. Thematic tagging of literary fiction: the case of early 20th century Russian short stories. In: *Proceedings of the International Conference "Internet and Modern Society"*. St. Petersburg, 17–20 June, 2020. Vol. 281, pp. 265–276.

Skrebtsova, T.G., 2021b. New Sociopolitical Realities of the 1920s as Reflected in Russian Literature and Lexicography (on the Basis of Syllabic Acronyms). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2, pp. 146–154, https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_02_14 (in Russ.).

Skrebtsova, T.G., Grebennikov, A.O. and Sherstinova, T.Yu., 2021. The dynamics of vocabulary in Russian prose (based on frequency dictionaries of the Corpus of Russian short stories 1900–1930). In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii «Dialog»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Vol. 20, pp. 646–659 (in Russ.).

Vasilevich, A.P., 2004. *Problemy tsveta v etnolingvistike, istorii i psikhologii : kruglyi stol* [Problems of Color in Ethnolinguistics, History and Psychology. Panel Discussion]. Moscow (in Russ.).

Vasilevich, A.P., Kuznetsova, S.N. and Mishchenko, S.S., 2005. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and color terms in Russian]. Moscow (in Russ.).

Cherneyko, L. and Li, Y., 2019. Connotations of Non-Derivative Color Adjectives in the Aspect of Cognitive Analysis of Their Compatibility with Abstract Nouns. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology], 5, pp 114–161 (in Russ.).

The authors

Dr Tatiana G. Skrebtsova, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-7825-1120

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

Dr Alexander O. Grebennikov, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Associate Professor, ITMO University, St. Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0003-2856-5049

E-mail: a.grebennikov@spbu.ru

Dr Natalya M. Marusenko, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

ORCID: 0000-0002-3347-1373

E-mail: n.marusenko@spbu.ru

To cite this article:

Skrebtsova, T.G., Grebennikov, A.O., Marusenko, N.M., 2025, Colour terms in the Russian short stories of the early XX and XXI centuries: a corpus study, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 59–73. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ГИБРИДИЗАЦИЯ ЖАНРА В ПЕРСУАЗИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В. Е. Чернявская^{1, 2}, Н. Э. Горшкова³

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая 19

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14

³ Московский городской педагогический университет, Россия, 105064, Москва, пер. Малый Казенный, 56

Поступила в редакцию 04.07.2024 г.

Принята к публикации 10.11.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-5

Проанализированы гибридные жанры как особая разновидность текстовой гибридации и гетерогенности. Рассмотрены тексты, которые в своей структуре, в содержательном наполнении, по форме обнаруживают признаки двух и более текстовых жанров, при этом сохраняют узнаваемую жанровую принадлежность. Проявлением подобной жанровой гибридации можно считать рекламный текст, который может быть построен как чат в Интернете, повседневный разговор друзей, рецепт, энциклопедическая статья и сохраняет функциональное назначение рекламного текста по продвижению товара, услуги, социально значимой акции. Материалом для анализа стали тексты коммерческой и социальной рекламы в российском дискурсе. Анализ основывается на понимании рекламной коммуникации как персуазивной коммуникации, доминирующей функцией которой является воздействующая. Персуазивная интенция текста реализуется через выбор языковых и неязыковых средств, семантика которых позволяет воздействовать на адресата, его мнения, оценки, изменять и направлять поведение адресата. Теоретические основания анализа определены с позиции лингвистики текста, типологии текста, теории речевых жанров, теории речевого воздействия. Определены ключевые тенденции в изучении жанров текста и терминологический аппарат, используемый для описания текстовой гибридности. Показано, что гибридикация жанра становится инструментом в коммуникативно-речевой стратегии субъекта речи, которая позволяет осуществить воздействие на адресата, сформировать его оценки и побудить к совершению посткоммуникативных действий.

Ключевые слова: жанр текста, функция текста, гибридикация, гибридный жанр, рекламный текст, персуазивность

1. Введение

Понятие *гибридикация* выдвинулось как центральное во многих исследовательских направлениях и используется специалистами в разных научных традициях и объяснительных подходах. Гибридикация становится интегративным понятием, своего рода зонтичным термином, объединяющим аналитический инструментарий для описания процессов диалогизации, полифонии, интертекстуальности, смешения и переклочения кода, трансязыковых и транскультурных явлений в создании и выражении смыслов. Предмет рассмотрения настоящей статьи — гибридикация текстовых жанров.

Гибридный жанр — термин, существующий в одном ряду с другими для описания различных проявлений текстовой гетерогенности: *смешение типов текста, монтаж текстовых типов, гетерогенный жанр*. В англоязычных публикациях для объяснения этого явления используются термины *genre blending, genre switching, genre combination, hybrid genre, mixed genre*. Гибридизация и монтаж, смешение текстов могут анализироваться в нескольких разновекторных направлениях — как включение текста одной жанровой принадлежности в структуру другого самостоятельного жанра, например использование в учебниках фрагментов научных текстов или в мемуарах фрагментов литературных произведений (Bhatia, 1997; Mäntynen, Shore, 2014; Sarangi, 2000); как языковая игра текстов, например поэтического и научного, переносящая признаки лирической поэзии в жанр логико-философского трактата (Фещенко, 2024); как интертекстуальность и интердискурсивность; как взаимодействие первичных и вторичных текстов — рецензий, критических эссе и их предтекстов (Catenaccio, 2007). Гибридизация жанра изучается как проявление общей тенденции к коммодификации и маркизации — приобретение результатами и видами человеческой деятельности статуса товара, нуждающегося в продвижении. Как следствие, гетерогенность в содержании и форме одного текста наблюдается через слияние признаков нескольких жанров: например, пресс-релиз соединяет характеристики новостного сообщения и рекламы (Catenaccio, 2008), текст университетского сайта — объявления и рекламы (Fairclough, 1993). Формирование новых понятий «продвигающая коммуникация», «продвигающие тексты» также находится в связи с гибридизацией, прослеживаемой на уровне текстовой функции. Для обозначения соотношенных по своей функциональной направленности жанров В. Бхатия (Bhatia, 2004) использует термин «жанровые колонии» (*genre colony*). Например, рекламные тексты, продвигающие коммерческие услуги или продукты, представлены взаимосвязанными жанрами, идентифицирующие признаки которых сходятся, накладываются друг на друга — *рекламное объявление, рекламный ролик, аннотация (к книге), синопсис, блюрб* (информация на обороте обложки), *рецензия* и др.

В настоящем исследовании избран особый вид жанровой гибридизации, а именно тексты, которые в своей структуре, в содержательном наполнении, по форме обнаруживают признаки двух и более текстовых жанров, сохраняя при этом свою узнаваемую жанровую принадлежность. Проявлением подобной гибридизации можно считать среди прочего рекламный текст, построенный как чат в Интернете (повседневный разговор друзей, рецепт, анонс и т. п.) и сохраняющий функциональное назначение рекламного текста по продвижению товара, услуги, социально значимой акции.

Логика рассуждений строится следующим образом. Во-первых, представляется обзор существующих подходов в типологии жанровых форм и определяются ключевые тенденции и аспекты в типологизации жанров; во-вторых, анализируется функционирование гибридных текстовых жанров в современной социокультурной практике. Материалом для анализа стали тексты коммерческой и социальной рекламы в рос-

сийском дискурсе. Выводы основаны на выборке, включающей 24 текста, использованных в рекламном дискурсе. Анализ опирается на понимание *рекламной коммуникации* как *персуазивной* коммуникации, доминирующей функцией которой является воздействующая. Персуазивность (персуазивная интенция) текста реализуется через выбор семиотических средств (языковых и неязыковых), семантика которых позволяет воздействовать на адресата, его мнения, оценки, изменять и направлять поведение адресата. Теоретико-методологические основания анализа определены с позиции современной лингвистики текста, типологии текста, теории речевых жанров, теории речевого воздействия.

2. Типологические дилеммы: как описать жанровый стандарт

Жанры речи рассматриваются как форма упорядочивания и формализации коммуникации в социуме. По М. М. Бахтину, речевые жанры «для говорящего индивидуума... имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» (Бахтин, 1979, с. 260). Сложившиеся модели построения и восприятия текстов закрепляют через социальный опыт способ выражения замысла автора, взаимодействующего с адресатом. Жанры выступают инструментом соотнесения коммуникативно-речевой деятельности автора сообщения и его адресата в том смысле, что речевой замысел (коммуникативная интенция автора) воплощается типичными, повторяющимися способами и, значит, направляет понимание со стороны адресата.

В современном исследовательском пространстве в России, как и в западноевропейской и американской традиции, существует несколько влиятельных подходов и теорий речевых жанров и, соответственно, жанроведческих школ, обзор представлен в работах (Молодыхенко, 2019; Duff, 2020; Hyland, 2002). Различие и разнообразие подходов обусловлено теми коммуникативными основаниями, которые исследователи берут за основу в определении жанра. В российской традиции, идущей вслед за М. М. Бахтиным, используется несколько терминов для обозначения единицы членения текстового пространства: *жанр текста*, *речевой жанр*, *жанр речи*, *жанровая форма*. В англоязычных разработках применяются термины жанр (*genre*) и тип текста (*text type*).

Первоначальные попытки установления типичных, повторяющихся характеристик текстов происходили внутри лингвистики текста, складывавшейся в западноевропейском и американском пространстве в 1970–1980-е годы¹. Первые текстовые типологии имели «дотеоретический статус»: выделение разновидностей текста происходило на основе их лексического обозначения. В этой связи примечательно, что основные классификации текстов, предлагаемые исследователями на мате-

¹ Следует отметить, что лингвистика текста складывалась как самостоятельная лингвистическая дисциплина хронологически позже функционально-ориентированных разработок в отечественной функциональной стилистике и функциональной грамматике.

риале англоязычных или немецких коммуникативно-речевых практик, касались текстов сферы повседневного общения, с которыми человек имел дело в своей каждодневной практической деятельности. Для выделения различных типов текста ключевое значение имела эмпирическая наглядность. Классифицирующие подходы опирались на очевидно наблюдаемые признаки – монологичный, диалогичный текст; устный, письменный текст; спонтанный, подготовленный текст. Эмпирическое понимание, лежащее в основе первоначального выделения самостоятельных типов текста, обусловило следующее понимание типа текста в рамках лингвистики текста. Тип текста – это исторически сложившаяся модель текстового построения, образец построения и восприятия аналогичных текстов, определяющий функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием. Каждый тип текста имеет систему закреплённых за ним специфических инвариантных признаков, на основании которых к данному типу могут быть отнесены отдельные тексты. С таких объяснительных позиций типы текста имеют индуктивно-эмпирический статус, то есть они обеспечиваются минимумом конкретных наблюдаемых языковых и неязыковых признаков. Типы текста могут и должны спонтанно распознаваться как таковые носителями языка. Наименования типов текста совпадают с их обиходными названиями (*объявление, некролог, инструкция, кулинарный рецепт, извещение, рецензия, интервью, аннотация, реклама, газетная статья* и т.д.) и являются собственно лексическими обозначениями (подробнее см.: Vazerman, 2012; Brinker, 1992; Heinemann, Vieweger, 1991).

В российской традиции, которая оперирует терминами «жанр» и «жанровая форма», сосуществуют два теоретико-методологических направления изучения жанров. Первое направление, генристика, опирается на разработанную методологию и терминологию теории речевых актов на основе интенции отправителя сообщения. Соответственно речевой жанр – это *просьба, инструкция, шутка, научная рецензия* и т.д. Генристика, по мнению В.В. Дементьева, заимствует и продолжает зарубежные разработки в теории речевых актов применительно к речевым разновидностям в русскоязычном социуме (Дементьев, 2020, с. 173). Изучение речевых жанров базируется на лингвистической интерпретации содержания отдельных жанров как устойчивых типов высказываний. Распространено изучение речевых жанров в связи с лексическими обозначениями, существительными и глаголами, которые номинируют речевые действия, соотносимые с жанром, например *просьба, гарантия, донос, объявление, инструкция*. Дискуссионные вопросы и методологические разногласия среди исследователей спроецированы на то, сколько вообще существует жанров и какие типичные речевые формы следует считать или не считать жанрами. Составление конечного перечня или инвентаря жаровых форм не представляется реалистичной задачей. Как это сформулировал В.В. Дементьев, «даже если представить, что кем-то будет составлен полный список речевых жанров, при любой попытке применить его к рече-жанровому многообразию на практике такой список будет немедленно сведен на нет громадным

числом незначительных и очень значительных отклонений от “стандарта”, авторской и слушательской непредсказуемостью, личностной окраской» (Там же, с. 187).

Другое направление отечественных разработок, «жанроведение», исходит из социальной природы жанра, продолжая концепцию М. М. Бахтина. Это направление сложилось и развивалось в советской и затем российской лингвистике, в функциональной стилистике и прагматически ориентированных концепциях жанра, которые не сводят понимание жанра только к теории речевых актов, но описывают жанр в связи с речевыми особенностями текстов в типичных ситуациях социального взаимодействия (для обзора см.: Чернявская, 2014; 2023а; Chernyavskaya, Nefedov, 2021). Жанровая форма предстает как типизированная модель речевого взаимодействия коммуникативных партнеров.

Главным основанием для определения жанра, по мнению большинства исследователей, является коммуникативная функция, которую жанр выполняет в коммуникации или, точнее, коммуникативные функции, поскольку монофункциональных текстов не бывает, каждый текст выражает целый ряд коммуникативных установок. Функция текста, или его коммуникативное назначение, — один из ключевых критериев типологизации текстов и одновременно это тот параметр, наблюдая за которым можно описывать структуру текста на уровне модели и выделять способы и аспекты, участвующие в гибридизации и порождающие ее.

Говоря о функции текста, исследователи имеют в виду доминирующую функцию, вместе с которой в тексте, как правило, реализуются и другие функции — вторичные, сопутствующие доминирующей. Типология функций текста и на этой основе типология текстов в самом распространенном варианте опирается на классификацию речевых актов. В такой перспективе первичным, базовым разделением может быть представление об информативной функции и, соответственно, информативной речи и фатической речи, нацеленной на поддержание общения с разными модальностями, тональностью, разными прагматическими установками коммуникантов (см., например: Винокур, 1993). Такая дихотомия, конечно, возможна, но не способна в двух разновидностях отразить все многообразие и дифференциацию коммуникативных и прагматических целеустановок коммуникантов. Дифференцированная типология функций текста и, соответственно, жанров текста возможна на основе классификации речевых актов, по Дж. Серлю.

Это 1) информативная функция и информативные тексты (сообщение, статья, объявление, инструкция); 2) апеллятивная функция и апеллятивные тексты (приказ, распоряжение, рекомендация); 3) облигаторная функция (возложения обязательств) и облигаторные тексты (договор, соглашение, гарантия, должностная инструкция, клятва); 4) контактоустанавливающие тексты (приветствия, прощания, выражения благодарности, соболезнование); 5) декларативные тексты (завещание, доверенность, приговор, обвинение) (см.: Brinker, 1992). Такую классификацию иллюкутивных типов высказываний и, соответственно,

жанров можно признать широким очерком наиболее общих, распространенных целеустановок, регулирующих коммуникацию между людьми. Анализ коммуникативных процессов, происходящих в обществе, предоставляет более детальную картину и возможность дифференцированного представления о коммуникативных установках субъекта и функциях текстов. Так, в исследованиях 1990–2000-х годов предстала более сложная картина того, что представляет собой речевое воздействие. Представления об аппеллятивной функции и побудительности дополнены детальными научными положениями о персуазивной коммуникации, персуазивной функции текстов.

Для персуазивной коммуникации и, соответственно, персуазивной интенции определяющее значение имеет объединение двух коммуникативно-прагматических установок субъекта: воздействовать на адресата, его мнения, оценки и побудить к совершению определенных действий, изменить и направить поведение адресата. Персуазивная интенция реализуется с опорой на рациональное обоснование и учитывает эмоционально-оценочные средства воздействия, такие как классические риторические средства и фигуры (метафора, метонимия, аллегоризация, сравнение, эпитеты, генерализация и др.). Персуазивная функция характерна для ряда дискурсов — для политического (реализуется в таких жанрах, как политическое выступление, обращение к нации), рекламного (реализуется в рекламной статье, рекламном объявлении), религиозного (прослеживается в жанре проповеди), судебного (реализуется в обвинительной речи прокурора, защитительной речи адвоката и др.) дискурсов (см.: Persuasion..., 2005).

Персуазивность также несводима к аргументативной функции и аргументативным текстам. Под аргументацией в общем смысле понимается комплексный речевой акт, состоящий из взаимосвязанных утверждений, предназначенный доказать или опровергнуть выраженное мнение и убедить адресата в правильности отстаиваемой позиции. Аргументация предполагает логическую корректность рассуждений, соблюдение социальных норм и конвенций дискуссии. В аргументативной коммуникации намерение адресанта скорее сводится к убеждению в правильности излагаемого им мнения / позиции. Персуазивность не может быть сведена только к аргументированию и логической (рациональной) строгости суждений, но понимается как слияние рационального и эмоционально-чувственного воздействия.

Итак, коммуникативные интенции, которые субъект речи реализует в общении с коммуникативным партнером, не представляются как монолит, они выражают тонкие прагматические настройки и специфические установки человека. Объединяя жанры таким образом, можно наблюдать отношения на уровне модели и выделять способы и аспекты, которые участвуют в гибридизации и порождают ее.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что дифференциация коммуникативных намерений человека и, соответственно, текстов с той или иной центральной функцией, создает особую исследовательскую оптику в изучении жанровой гибридизации. В этом смысле развитие типологии текстов показывает, что «языковые элемен-

ты открыты для креативной речемыслительной деятельности пользователей языка и обладают значительным запасом функциональной гибкости и приспособляемости к целям общения» (Нефедов, 2022, с. 260). Действительно, жанр текста складывается и распознается на основе его включенности в *типичные, повторяющиеся* коммуникативные ситуации, и сложившиеся типологии жанров основаны на выделении типичных инвариантных характеристик текстов. При этом для анализа жанровой специфики представляет интерес использование текста в *нетипичных* для него коммуникативных условиях. Это анализируется в рамках статьи как гибридизация текстовых жанров. Речь идет о функционировании текстов, которые в своем языковом оформлении – в структуре, в содержательном наполнении, по форме обнаруживают признаки нескольких текстовых моделей. Описание подобных гетерогенных образований отражает одну из ведущих тенденций современной коммуникации, а именно «работу с жанрами как явлениями гибридными и мультимодальными» (Молодыхченко, 2022, с. 69; см. также обзор в: Чернявская, 2021; 2023б).

3. Материал и интерпретация

Реклама и рекламный дискурс является характерной сферой, вовлеченной в создание и использование гибридных жанров. Показательной иллюстрацией жанровой гибридности служит следующий пример.

Откуда название Атлантический?

«Море со столбами Геракла называется Атлантика», – так писал в V веке до н.э. древнегреческий ученый Геродот. Название происходит от мифа об Атланте – титане, держащем на плечах небесный свод. Athlantica Seafood – популярный ресторан на Кутузовском проспекте..., который прославился своей концепцией: премиальные морские деликатесы предлагаются по себестоимости. Магаданские креветки и сахалинские гребешки, камчатский краб и индонезийский осьминог – безупречное качество и демократические цены. На завтрак подают внушительного размера морские сетки из 7 позиций. Рекомендуем посетить!

У этого текста две функции, распознаваемые как таковые, – информативная и персуазивная. Жанр текста – рекламное объявление о товаре или услуге, в данном случае реклама ресторана как услуги в индустрии гостеприимства. Воспроизводится коммуникативная ситуация, типичная для рекламной (продвигающей) коммуникации: «Адресант (производитель, продавец) информирует адресата о чем-либо (продукте, услуге) с целью привлечь внимание и побудить к совершению действий в интересах адресанта». Одновременно этот текст имитирует другой жанр – научную энциклопедическую статью. Стилизация достигается использованием языковых выражений, характерных для научно-популярных и энциклопедических жанров, разъясняющих материал для адресата. Доминирующей является персуазивная функция

привлечения внимания и побуждения адресата к определенным посткоммуникативным действиям. Персуазивность сочетается с информативной направленностью текста и реализуется как положительно оценочное информирование о рекламируемом продукте за счет использования лексем с семантикой положительной оценки, гиперболизации оценки: *прославиться, деликатес, популярный, безупречный, премиальные, внушительный*.

Следующие примеры показывают гибридизацию рекламного текста, наблюдаемую в социальных акциях благотворительной организации «Ночлежка». Общественная организация «Ночлежка» действует с 1990 года в Петербурге и оказывает помощь людям, оставшимся без жилья². Общественный резонанс вызывают акции, организуемые для сбора средств в помощь бездомным и социально незащищенным людям. Первый пример — использование текстов в рамках акции «Дома бездомных». Волонтеры этой организации разместили на домах таблички, рассказывающие о ставших бездомными людях, которые в разное время жили на улицах Санкт-Петербурга. Предстает узнаваемый образ городской среды с характерными мемориальными (памятными) табличками на стене здания, обычно из долговечного камня (мрамора) или сплава, чтобы увековечить память о знаменитом человеке, организации, событии. В акции «Дома бездомных» применены стилизованные таблички из картона, которые ассоциируются с жизнью бездомных людей³. Используются реальные истории людей, которые в разные годы обращались за помощью в благотворительную организацию (рис. 1, 2).

Рис. 1. Акция благотворительной организации «Ночлежка» «Дома бездомных».

Источник: <https://homeless.ru/about/akcii/7746/> (дата обращения: 10.06.2024).

² URL: <https://homeless.ru/about/>

³ На сайте организации отмечено, что таблички закреплены безопасным скотчем и не повредят поверхности зданий. URL: <https://homeless.ru/about/akcii/7746/> (дата обращения: 10.06.2024).

Рис. 2. Акция благотворительной организации «Ночлежка» «Дома бездомных»

Источник: <https://homeless.ru/about/akcii/7746/> (дата обращения: 10.06.2024).

Распознавание посыла акции и понимание коммуникативно-речевой ситуации в целом предполагает опору на жанровую компетенцию человека, на сложившиеся в социальной практике модели текстопостроения и -восприятия. Мемориальная табличка — особый текстовый жанр, для которого характерны лаконичный текст, информация об имени и годах жизни человека, его деятельности и значимых результатах. Мемориальные таблички институционально закрепляют социальную роль человека как героя, спортивного или культурного деятеля. Жанровая гибридизация возникает здесь через взаимодействие двух жанров — мемориальная табличка и рекламный текст, привлекающий внимание к сбору пожертвований в пользу бездомных людей. Одновременно примечательно очевидное нарушение жанровой формы «мемориальная табличка» и использование нехарактерных для таких текстов составляющих — и по содержанию и по форме. Во-первых, дается информация об обыкновенном, неособенном, обездоленном человеке, непримечательном в городском пространстве. Во-вторых, табличка сделана не из дорогостоящего гранита или мрамора, но из нестойкого картона. Нарушение жанрового стандарта и нарушение ожиданий относительно канона мемориальной таблички создает здесь сильный эмоциональный эффект: привлекается внимание к современной ситу-

ации, когда обычный человек среди наших знакомых, соседей, коллег может потерять все и оказаться на улице. Рядом с благополучным миром квартир существует мир чердаков и подвалов, ставших жилищем для бездомных людей. Акция нацелена на то, чтобы сделать эту часть жизни и людей зримыми.

Другая кампания социальной рекламы в ряду организованных благотворительной организацией — «Проверка зрения». Стилизованные под офтальмологическую таблицу плакаты рассказывают истории бездомных людей (рис. 3, 4). Сохранены типичные признаки оптометрической таблицы для проверки остроты зрения, которую мы обычно видим в кабинете окулиста. В канонической таблице на 12 строках в разном порядке расположены символы, от верхнего к нижнему ряду они уменьшаются. В таблице «Проверка зрения» крупным шрифтом напечатаны содержащие стереотипные представления о бездомных тексты. Мелким кеглем даны истории реальных людей, например «старуха, мешается под ногами, никому не нужна, пережила войну, блокадница» (рис. 4). Ярлыки «алкаш», «пьяница», «старуха» могут автоматически навешиваться на бездомных людей. Акция «Проверка зрения» продвигает представление, что за каждым случаем стоит реальный человек со своей историей и своей судьбой. Увидеть за стереотипом человека, который попал в беду, означает справиться с социально значимой проблемой.

Рис. 3. Акция «Проверка зрения» благотворительной организации «Ночлежка»

Источник: <https://homeless.ru/about/akcii/45669/> (дата обращения: 10.06.2024).

Рис. 4. Акция «Проверка зрения» благотворительной организации «Ночлежка»

Источник: <https://homeless.ru/about/akcii/45669/> (дата обращения: 10.06.2024).

4. Выводы

Жанр отражает сложившиеся в социальной практике модели построения и восприятия текста и выступает как инструмент согласования коммуникативно-речевой деятельности автора сообщения и его адресата. При этом в реальной коммуникативной практике наблюдаемо нарушение культурно и исторически сложившихся стандартов текстового построения. Нарушение текстообразующей модели на том или ином уровне может быть результатом осознанной интенции создателя текста, может становиться особой стратегией создания текста. Подобная стратегия, очевидно, заключается в придании большей привлекательности, заметности сообщения, в его прагматическом фокусировании для адресата. Таким образом, в центр внимания выходит персуазивное намерение автора заставить получателя сообщения сосредоточить когнитивные и коммуникативные усилия на выделении этого текста в массе других, на его идентификации и понимании. Гибридизация жанра становится особым инструментом для воздействия на адресата, на его оценки и побуждения к (не)совершению определенных посткоммуникативных действий. Количество текстов, нарушающих схемы, возрастает и можно констатировать, что гибридации, смешению, нарушению жанровой модели удалось завоевать коммуникацию. Нарушение канона происходит в том случае, когда целью является достижение наибольшего воздействия. Одновременно с этим следует учитывать, что гибридизация на уровне жанра имеет знаковый характер

только на фоне и в присутствии существующих канонов, правил и ожиданий жанровых норм. Именно в этом случае перешагивание через жанрообразующие границы приобретает стилеобразующую значимость. Дальнейшее поступательное развитие самой типологии текста связывается с проблемой изучения взаимодействия текстовых стандартов, функционирования текста в нетипичных для него пограничных коммуникативных условиях.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» № 22-18-00591, в БФУ им И. Канта.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 250–296.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.

Дементьев В.В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. №3 (27). С. 172–194. doi: 10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194.

Молодыхенко Е.Н. Коммуникативно-прагматические особенности «лайф-стайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2019. №57. С. 79–102. doi: 10.17223/19986645/57/5.

Молодыхенко Е.Н. Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2022. №75. С. 67–93. doi: 10.17223/19986645/75/4.

Нефедов С.Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Синтаксис. Текст. СПб., 2022.

Фещенко В.В. Трактат в обличье поэмы: пограничный жанр и особенности его языковой организации // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №2. С. 144–159. doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-9.

Чернявская В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №1. С. 54–61.

Чернявская В.Е. Визуальность в социокультурной проекции // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. №2. С. 96–109. doi: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109.

Чернявская В.Е. «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово.ру: балтийский акцент. 2023а. Т. 14, №1. С. 72–85. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-5.

Чернявская В.Е. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2023б. №2 (36). С. 50–73. doi: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73.

Bazerman C. Genre as social action // The Routledge handbook of discourse analysis / ed. by J.P. Gee, M. Handford. L. ; N. Y., 2012. P. 226–238.

Bhatia V.K. Genre-mixing in academic introductions // English for Specific Purposes. 1997. Vol. 16, №3. P. 181–195. doi: 10.1016/S0889-4906(96)00039-7.

Bhatia V.K. Worlds of written discourse: A genre-based view. L., 2004.

Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin, 1992.

Catenaccio P. New(s) genre and discursive identity. The changing face of the press release in the age of the Internet // *Multimodality in corporate communication. Web genres and discursive identity* / ed. by G. Garzone, G. Poncini and P. Catenaccio. Milano, 2007. P. 55–72.

Catenaccio P. Press releases as a hybrid genre: Addressing the informative / promotional conundrum // *Pragmatics*. 2008. Vol. 18, №1. P. 9–31. doi: 10.1075/prag.18.1.02cat.

Chernyavskaya V. E., Nefedov S. T. Towards social indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus pandemic? // *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur*. 2021. №46. S. 1–21. doi: 10.26650/sdsl2021-990815.

Duff D. *Modern genre theory*. L.; N. Y., 2000.

Fairclough N. Critical Discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4, №2. P. 133–168. doi: 10.1177/0957926593004002.

Heinemann W., Viehweger D. *Textlinguistik. Eine Einführung*. Tübingen, 1991.

Hyland K. Genre: Language, context, and literacy // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2002. Vol. 2. P. 113–135. doi: 10.1017/S0267190502000065.

Mäntynen A., Shore S. What is meant by hybridity? An investigation of hybridity and related terms in genre studies // *Text & Talk*. 2014. Vol. 34, №6. P. 737–758. doi: 10.1515/text-2014-0022.

Persuasion across genres. A linguistic approach / ed. by H. Halmari, T. Virtanen. Amsterdam; Philadelphia, 2005.

Sarangi S. Activity types, discourse types and interaction hybridity: The case of genetic counselling // *Discourse and social life* / ed. by S. Sarangi, M. Coulthard. L., 2000. P. 1–27. doi: 10.4324/9781315838502-1.

Об авторах

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-6039-6305

E-mail: Chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Наталья Эдуардовна Горшкова, кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

ORCID ID: 0009-0004-1283-099X

E-mail: GorshkovaNE@mgpu.ru

Для цитирования:

Чернявская В. Е., Горшкова Н. Э. Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2025. Т. 16, №1. С. 74–89. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-5.

HYBRID GENRE IN PERSUASIVE COMMUNICATION

Valeria E. Chernyavskaya^{1, 2}, Natalia E. Gorschkova³

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
19 Politechnicheskaya St., St. Petersburg, 196135, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

³ Moscow City Pedagogical University,
5B Malyi Kazennyi Pereulok, Moscow, 105064, Russia

Submitted on 04.07.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-5

This paper discusses the notion of hybridity as related to text genres. The study pinpoints a particular kind of hybrid genres referring to texts that mix and combine in their structure the features of two or more different genres but maintain their primary genre identity. This kind of genre mixing results inter alia in an advertisement that is shaped as a chat in internet, private talk or recipe but sustains its genre status as an advertisement. The analysis is based on advertisement texts functioning as hybrid genres in modern Russian socio-cultural practice. The theoretical framework of the study is in line with modern investigations in text linguistics, text typology, theory of speech genres, persuasion conceptions. The paper discusses the central issues and trends in the study of text genres and indicates related terms that have mainly been used in research on text hybridity and genre blending. It is shown that hybridization of the genre becomes a communicative tool in the persuasion strategy of the communicative agent, which aims at influencing a person's or group's attitude or behaviour towards some idea and encouraging to perform post-communicative actions.

Keywords: text genre, text function, hybridity, hybrid genre, advertisement text, persuasion

Acknowledgment. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No 22-18-00591 "Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning production" at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

References

- Bakhtin, M.M., 1979. The problem of speech genres. In: M.M. Bakhtin, ed. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, pp. 250–296 (in Russ.).
- Bazerman, C., 2012. Genre as Social Action. In: J.P. Gee and M. Handford, eds. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London; New York, pp. 226–238.
- Bhatia, V.K., 1997. Genre-mixing in academic introductions. *English for Specific Purposes*, 16 (3), pp. 181–195, [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(96\)00039-7](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(96)00039-7).
- Bhatia, V.K., 2004. *Worlds of written discourse: A genre-based view*. London.
- Brinker, K., 1992. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin.
- Catenaccio, P., 2007. New(s) genre and discursive identity. The changing face of the press release in the age of the Internet. In: G. Garzone, G. Poncini and P. Catenaccio, eds. *Multimodality in corporate Communication. Web genres and discursive identity*. Milano, pp. 55–72.

Catenaccio, P., 2008. Press releases as a hybrid genre: Addressing the informative / promotional conundrum. *Pragmatics*, 18 (1), pp. 9–31, <https://doi.org/10.1075/prag.18.1.02cat>.

Chernyavskaya, V. E. and Nefedov, S. T., 2021. Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic? *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur*, 46, pp. 1–21, <http://doi.org/10.26650/sdsl2021-990815>.

Chernyavskaya, V. E., 2021. Image and Visuality in Sociocultural Dimension. *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 2, pp. 96–109, <http://doi.org/10.23951/2312-7899-2021-2-96-109> (in Russ.).

Chernyavskaya, V. E., 2023a. “They call the main entrance a porch”: social meaning in semantics and metapramatics. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (1), pp. 72–85, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-5> (in Russ.).

Chernyavskaya, V. E., 2023b. Typography as social index: soviet landscape in the modern Russian discourse. *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 2 (36), pp. 50–73, <http://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-2-50-73> (in Russ.).

Demyentev, V. V., 2020. What have genre studies given to modern linguistics? *Zhanyri rechi* [Speech genres], 3 (27), pp. 172–194, <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194> (in Russ.).

Duff, D., 2000. *Modern Genre Theory*. London; New York.

Fairclough, N., 1993. Critical Discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities. *Discourse and Society*, 4 (2), pp. 133–168, <http://doi.org/10.1177/0957926593004002>.

Feshchenko, V. V., 2024. Treatise disguised as poem: the border-line genre and its linguistic features. *Slovo.ru: Baltic accent*, 15 (2), pp. 144–159, <http://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-2-9> (in Russ.).

Halmari, H. and Virtanen, T., eds., 2005. *Persuasion across genres. A linguistic approach*. Amsterdam; Philadelphia.

Heinemann, W. and Viehweger, D., 2002. *Textlinguistik. Eine Einführung*. Tübingen.

Hyland, K., 2002. Genre: Language, Context, and Literacy. *Annual Review of Applied Linguistics*, 2, pp. 11–135, <https://doi.org/10.1017/S0267190502000065>.

Mäntynen, A. and Shore, S., 2014. What is meant by hybridity? An investigation of hybridity and related terms in genre studies. *Text & Talk*, 34 (6), pp. 737–758, <https://doi.org/10.1515/text-2014-0022>.

Molodychenko, E. N., 2019. “Lifestyle Instruction” as an Internet Genre in Consumer Culture: A Communicative Pragmatic Perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 57, pp. 79–102, <https://doi.org/10.17223/19986645/57/5> (in Russ.).

Molodychenko, E. N., 2022. Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo niversiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 75, pp. 67–93, <https://doi.org/10.17223/19986645/75/4> (in Russ.).

Nefedov, S. T., 2022. *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Sintaksis. Tekst* [Theoretical grammar of German. Syntax. Text]. St. Petersburg (in Russ.).

Sarangi, S., 2000. Activity types, discourse types and interaction hybridity: The case of genetic counselling. In: S. Sarangi and M. Coulthard, eds. *Discourse and social life*. London, pp. 1–27, <https://doi.org/10.4324/9781315838502-1>.

Tcherniavskaia, V. E., 2014. Discourse paradigm: phantom objects and syndromes. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, pp. 54–61 (in Russ.).

Vinokur, T. G., 1993. *Govoryashchii i slushayushchii: Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and listener: Variants of speech behavior]. Moscow (in Russ.).

The authors

Prof. Valeria E. Chernyavskaya, Professor, Higher School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia; Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID: 0000-0002-6039-6305

E-mail: Chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Dr Natalia E. Gorschkova, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia.

ORCID: 0009-0004-1283-099X

E-mail: GorshkovaNE@mgpu.ru

To cite this article:

Chernyavskaya, V.E., Gorschkova N.E., 2025, Hybrid genre in persuasive communication, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 74–89. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-5.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ОТРИЦАНИЯ СМЕРТИ В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. И. Бочкарев, М. Н. Гордеева

Новосибирский государственный технический университет,
Россия, 630073, Новосибирск, просп. Карла Маркса, 20
Поступила в редакцию 04.03.2024 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-6

Рассмотрено отрицание смерти как важнейшая составляющая концепта *'denial of grief'*. Цель работы состоит в изучении особенностей актуализации отрицания смерти в сфере комического дискурса. Материалом исследования послужили скрипты и записи 50 стендап-концертов и 20 комедийных фильмов. Актуальность работы определяется увеличением в последние годы количества комических работ, в которых актуализируется тема смерти, а также недостаточным освещением в научных исследованиях ценностных характеристик и комической объективации концепта «смерть». В ходе работы выявлено, что отрицание смерти выражается через проявление хитрости, трусости и веры. В комическом дискурсе хитрость предполагает намерение обмануть смерть посредством такого этического антиценностного решения, как обретение вечной жизни. Бессмертие приобретает либо с помощью волшебных снадобий и ритуалов, либо необъяснимым случайным образом. Отмечается, что случайно приобретенное бессмертие обычно тягостно для персонажа и приводит к попыткам избавиться от него. В комическом дискурсе вера через интерпретацию смерти в качестве промежуточного этапа зачастую получает отрицательную оценку. Так, высмеивается либо сама возможность загробной жизни, либо вера людей в перспективу рая для них самих или их родственников. В случае актуализации трусости через бегство от смерти единственным популярным комическим сюжетом становится придание покойному сходства с живым с целью выдать мертвого за живого.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, комический дискурс, смерть, отрицание, вера, трусость, хитрость

1. Введение

В современной культуре горе аксиологически воспринимается через модель «Пять стадий горя», которая включает следующие этапы: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие (Кюблер-Росс, 2001). Соответственно, крайними членами в представленной оппозиции являются отрицание и принятие. При этом только с внедрением данной модели концепт *'acceptance of grief'* стал выделяться в современной англоязычной культуре в качестве полноценного аксиологического концепта (Бочкарев, Гордеева, 2023).

Концепт *'denial of grief'* имеет идентичную с концептом *'acceptance of grief'* историю становления в качестве аксиологического концепта. Так, аксиологически значимое определение слова *denial* не представлено в таких словарях, как двадцатитомный *The Oxford English Dictionary*

(1989), *The Oxford Dictionary of Current English* (1993), *The Oxford American Dictionary of Current English* (1999). При этом в современных англоязычных словарях можно найти значения, в которых отражается отрицание неприятных для человека вещей: *The act of refusing to accept that something unpleasant or painful is true* (Oxford Advanced Learner's Dictionary); *A condition in which you refuse to admit or believe that something bad exists or has happened* (Longman Dictionary of Contemporary English); *When a person cannot or will not accept an unpleasant truth* (Collins Online Dictionary). На основании этих определений можно выделить следующие основные характеристики отрицания горя: наличие неприятной / болезненной ситуации; нежелание / неспособность признать существование данной ситуации. Наиболее тяжелым и неизбежным событием в жизни любого человека, с которым непосредственно связано проявление горя, является смерть, то есть отрицание смерти – это важнейшая составляющая концепта 'denial of grief'.

Цель нашей работы состоит в изучении особенностей актуализации отрицания смерти в сфере комического дискурса. Актуальность исследования определяется несколькими факторами: во-первых, в последние годы возрастает число комических работ, в которых затрагивается тема смерти; во-вторых, несмотря на многообразие исследований, посвященных концепту «смерть» и смежным с ним явлениям, его ценностные характеристики и комическая объективация в настоящее время освещены недостаточно подробно.

Исследуя особенности актуализации концепта 'death' в комическом дискурсе, мы выделили три основных отношения к смерти: принятие, цинизм и отрицание. При этом в комическом ключе циничное отношение к смерти встречается в 63 % от общего количества случаев, принятие смерти – в 31 %, отрицание смерти – в 6 %.

В рамках комического дискурса циничное отношение к смерти преимущественно актуализируется через насмешку над смертью и умершими, десакрализацию похоронных обрядов, высмеивание различных убеждений людей относительно смерти, проявление разных антиценностных состояний вместо сострадания умершему и его близким. По сути, цинизм по отношению к смерти направлен на минимизацию ее роли в жизни человека, за счет чего возможно достижение временного отсутствия страха перед ней.

В свою очередь принятие смерти реализуется через нахождение положительного аспекта в собственной смерти, преодоление состояния депрессии, осознание неизбежности смерти, отношение к смерти как к обыденному событию (Бочкарев, Гордеева, 2023, с. 7). Соответственно, принятие смерти связано с осознанием ее неизбежности и приобретением стабильного отсутствия страха перед ней.

2. Методология

Применяемый нами лингвоаксиологический подход к исследованию ценностных и антиценностных явлений в комическом дискурсе предполагает четыре основных этапа.

Во-первых, следует выявить на основе реакции реципиентов комическую значимость такого явления, как отрицание смерти. В эмоциях аудитории отражается ее отношение к воспринимаемому явлению: наличие смеха или улыбок говорит о комичности; демонстрация более ярких реакций, таких как аплодисменты и возгласы, — об отрицательном или положительном отношении. Во-вторых, необходимо определить характеристики отрицания смерти на основе словарных дефиниций и комических текстов, в которых оно актуализируется. Третий шаг заключается в анализе языковых средств выражения отрицания смерти в комическом дискурсе. На четвертом шаге выявляется оценка ситуации отрицания смерти героем или автором непосредственно.

Практический материал представляет собой видеозаписи и тексты таких популярных жанров комического дискурса массовой культуры, как стендап-выступления (50 выпусков) и комедии (20 фильмов). Выбор указанных жанров комического дискурса обусловлен их популярностью. Кроме того, важное преимущество исследуемого материала перед большинством других комических жанров состоит в том, что он позволяет непосредственно оценить реакцию зрителей на анализируемые фрагменты: в стендап-выступлениях — по сиюминутной реакции аудитории; в комедийных фильмах — по реакции зрителей, зафиксированной в видео формате *First time watching*. Также на отбор конкретного материала повлияли количество просмотров в момент их премьеры и рейтинг. Для нашей статьи выбраны фрагменты, вызвавшие наиболее яркую реакцию со стороны зрителей. Фразы, сопровождаемые реакцией зрителей в виде смеха, отмечены полужирным шрифтом.

3. Теоретическое основание

Если проблема отрицания горя в целом вошла в контекст современной науки относительно недавно, то феномен отрицания смерти изучается довольно давно. Так, среди реальных и воображаемых угроз смерть и ее страх стали главными компонентами повседневной жизни еще со времен Средневековья (Разумовская, 2019, с. 13). На наш взгляд, это обусловлено прежде всего тем, что массовая ранняя смертность была проблемой человечества на протяжении долгих веков, и другие аспекты горя воспринимались как незначительные явления. Кроме того, в связи с отсутствием развитой медицины смертельные заболевания очень быстро переходили в смерть, то есть практически не существовало такого явления, как длительное смертельное заболевание.

Феномен отрицания смерти коренится в явлении страха перед смертью, который пришел на замену традиционному, идущему из глубоким древности чувству привычной близости со смертью (Аръес, 1992). Отмечается универсальная природа данного страха, который сказывается на повседневной деятельности человека и присутствует в человеческом сознании, обеспечивая индивида силами для самосохранения (Беккер, 2023; Zilboorg, 1943). С позиции психоанализа страх смерти есть априорный антропологический экзистенциал (Фрейд, 1994), и именно Фобос, а не Танатос, является противоположностью Эроса

(Юнг, 2021). Страх перед смертью порождает разнообразные формы противодействия. Так, он либо подавляется постоянными сознательными усилиями (Беккер, 2023), либо подлежит осмеянию (Бахтин, 1990).

В отличие от принятия смерти, обладающего собственными характеристиками, отрицание смерти представляет собой сложное явление, реализующееся через бегство от смерти (трусость), обман смерти (хитрость) и превращение смерти в промежуточный этап (вера).

В аксиологическом плане бегство от смерти относится к проявлению трусости и традиционно воспринимается в качестве этической антиценности (Бочкарев, 2021). При этом положительное философское отношение к бегству от смерти было представлено еще Эпикуром, который советовал воспринимать смерть как нечто не имеющее отношения к человеку, так как «когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем» (Материалисты..., 1955, с. 209–210). Подобное отношение к смерти является ценностным в гедонистической области бытования ценностей, поскольку позволяет избежать страданий, связанных с переживаниями предстоящей смерти. В свою очередь страдание относится к одной из основных гедонистических антиценностей (Ильин, Калинин, 1985). Так как в современном обществе на первый план выходит гедонистическая система ценностей (Липовецки, 2001, с. 25), логично предположить, что именно бегство от смерти становится основной стратегией восприятия смерти. Таким образом, бегство от смерти воспринимается как этическая антиценность (поскольку представляет собой пример проявления трусости) и гедонистическая ценность (поскольку помогает избежать страданий, связанных с переживаниями предстоящей смерти). Следует отметить, что бегство от смерти прослеживается в похоронном обряде, где отрицаются сами слова «покойник», «похороны», «смерть», и вместо них используется система метафорических замен (Рюмина, 2010, с. 143). Кроме того, бегство от смерти также находит выражение в избегании мыслей и разговоров о смерти (Гаврилова, 2018), в придании покойному максимально возможного сходства с живым (Арьес, 1992).

Древний мотив обмана смерти имеет фольклорные корни и прослеживается в оберегающих инсценировках, ритуальных играх и танцах, смене имени, заговорных песнях (Еремина, 1991, с. 70). Так, известны ритуалы защиты новорожденных, основанные на мотиве обмана: обряд имитации похорон, песня-заговор над колыбелью, призванные отогнать от ребенка злых существ путем ложного призыва смерти (Там же, с. 72). Кроме того, одним из приемов обмана смерти является поиск источника вечной жизни. Данная идея положена в сюжет многих произведений искусства. Как отмечает Д. Хапаева (2020), в современном обществе один из приемов навязчивого отрицания смерти – это идеализация молодости путем косметической и хирургической маскировки процесса старения. Следует отметить, что сюжет жестокого наказания человека, которому временно удалось обмануть смерть, также достаточно популярен в культуре и восходит к мифу о царе Сизифе (ему дважды удалось обмануть смерть, за что он был жестоко наказан

Аидом). Одним из наиболее популярных комических приемов обмана смерти является оживление скелета. Как отмечает О. В. Разумовская, скелет, праздно проводящий время, представляет собой попытку преодоления страха смерти через его комическое воплощение в качестве части обыденной жизни (2019, с. 15).

Превращение смерти в промежуточный этап прежде всего соотносится с религиозными убеждениями человека (при их наличии) и касается бессмертия души. В философском плане идея бессмертия души восходит к Платону, согласно которому праведная жизнь на земле приводит к счастливой жизни после смерти в пространственно-временном континууме «царство Аид» (Платон, 1993, с. 8). Идея о разделении пространственно-временного континуума «загробный мир» на две составляющие (рай и ад) формируется в рамках иудаизма и становится одной из основных догм христианства. При этом вера в бессмертие души также сопровождается страхом страшного суда и ада. По этой причине вера в загробную жизнь становится не только утешительной, но и добавляет безмерной ответственности человеку при жизни (Бердяев, 1993, с. 228). Более того, именно ад, а не смерть становится основным предметом страха: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28), в то время как смерть для праведного человека становится скорее желанным событием: «Но особенно приятна смерть для избранных Божиих, которые презирая сию жизнь, полную стольких бедствий, всю надежду возлагают на небесную жизнь, неподвластную скорбям и тлению» (Башкиров, 2014, с. 47).

4. Результаты и обсуждение

В комическом дискурсе отрицание смерти реализуется при помощи следующих аксиологических концептов: хитрость, вера и трусость. Следует отметить, что в подобных контекстах актуализируется преимущественно хитрость (84 % случаев), в то время как вера проявляется в 11 %, а трусость – в 5 %.

Хитрость имеет дуальный характер, то есть обман относится к негативным явлениям, а «живой ум» – к позитивным (Raskin, 1985, p. 181–191). Отмечается, что ценностный концепт ‘cunning’ в комических текстах обладает следующими когнитивными признаками: уход от решения проблемы, вариативное толкование событий, нахождение очевидного / выгодного этически антиценностного решения, отвлечение внимания, притворная глупость (Бочкарев, 2022, с. 985).

Намерение перехитрить смерть обычно приводит к нахождению такого этического антиценностного решения, как продление жизни при помощи колдовства, в первую очередь через употребление эликсира бессмертия:

(1) *Helen: Look at me, Ernest, just look at me! I'm soaking wet! Ernest: And there seems to be something wrong with your, uh, blouse. Helen: I have a hole in my stomach! Ernest: Yeah, and you're still alive (Death Becomes Her).*

Реакция: смех зрителей. В представленной комедии героиня, которая не готова была принять смерть, выпила волшебный эликсир, возвращающий молодость и дающий бессмертие. В результате даже после полученных травм, несовместимых с жизнью (*I have a hole in my stomach!*), она продолжает существовать. Комический эффект основан на литоте: факт отсутствия неизбежной смерти отходит на второй план по сравнению с промокшей и порванной одеждой (*I'm soaking wet! – And there seems to be something wrong with your, uh, blouse*).

Следует также отметить, что бессмертие, полученное подобным способом, обычно приводит к негативному результату, для героев желающих сохранить его до конца. Вышеприведенный фильм не является исключением:

(2) *Priest: I, for one, honestly believe this teacher, this benefactor, this man, had in his own way... learned the secret of eternal life. And it's here, among us, in the hearts of his friends. And the secret of eternal youth right here... in the lives of his children and his grandchildren. It is my opinion that our beloved Ernest... is one man who will indeed... live forever... Helen: That's because you crack... Help me! My legs aren't working! [Helen and Madeleine fall down the stairs and break into pieces] Do you remember where you parked the car?* (Death Becomes Her).

Реакция: бурный смех зрителей. В следующем фрагменте героини, принявшие эликсир бессмертия, выживают после разнообразных травм, но их тела постоянно требуют реставрации. Даже упав с лестницы и разлетевшись на части, героини продолжают вести обыденный разговор (*Do you remember where you parked the car?*). Ситуация комична из-за своей абсурдности, поскольку в данном состоянии невозможно добраться до автомобиля. Подобное бессмертие оценивается отрицательно через речь священника на похоронах бывшего возлюбленного героини. Так, с точки зрения священника, именно Эрнест обрел настоящее бессмертие в своих детях и внуках (*learned the secret of eternal life; live forever*). Кроме того, главному герою была предоставлена возможность стать бессмертным, но он пренебрег ею, в результате чего прожил насыщенную жизнь, которая оценивается исключительно положительно окружающими (*met his lovely wife; had two sons and four daughters; spread his message of hope to his adopted children; brilliant academic as well as a rugged outdoorsman; a delightful adventure; etc.*).

Таким образом, в данном произведении принятие смерти главным героем получает положительную оценку, в то время как отрицание смерти героинями оценивается отрицательно.

В современных комедийных фильмах место живых скелетов в качестве символа обмана смерти занимают разумные живые мертвецы. При этом герои, получившие бессмертие подобным образом, продолжают оставаться частью социума. Более того, они могут отказываться от возвращения к нормальной жизни, даже несмотря на очевидные недостатки подобного существования:

(3) *Konrad: I don't want to be normal. I like myself this way. The chicks dig me. I get respect. Philip: Konrad, you're a walking corpse. Look at yourself! Konrad: Never mind! I've got a stapler that'll fix it. They keep a large blood supply. Vintage '79, nice bouquet and goes down quite smoothly* (Night of the Living Dorks).

Реакция: смех зрителей. Несмотря на потерю различных частей тела, герой желает продолжить свое существование в виде зомби ради внимания со стороны противоположного пола (*The chicks dig me. I get respect*). Комический эффект основан на парадоксе: скрепленный степлером живой мертвец вряд ли может представлять любовный интерес. Комизм ситуации также подчеркивается сравнением крови с вином (*Vintage '79, nice bouquet and goes down quite smoothly*). Данная ситуация оценивается положительно самим главным героем (*I don't want to be normal. I like myself this way*) и отрицательно — его друзьями, которые пытаются уговорить Конрада выпить лишающий бессмертия эликсир, для того чтобы он смог вернуться к обычной жизни (*drink... be a normal person*). В целом в этом фильме показывается бессмысленность вечной жизни в качестве зомби. Соответственно, принятие смерти преподается как более предпочтительный вариант по сравнению с ее отрицанием.

При получении бессмертия положительные персонажи, ставшие бессмертными случайно, обычно пресыщаются им и хотят прервать свою жизнь различными способами:

(4) *A body drops quickly past the window. It's Phil. Phil is sprawled there like a broken puppet, lifeless. Phil, dressed in pajamas and overcoat, leaps out in front of the speeding bus. The driver sees Phil but doesn't even have time to hit the brakes before he runs right over Phil. Mrs. Lancaster is watching TV in the parlor of the hotel. In the corridor behind her, Phil walks by, dressed in a robe, carrying an electric toaster and a towel, heading for the bathroom. A few moments pass. We hear the zap of an electrocution, the lights and TV flicker and dim for a moment, and then come back on again* (Groundhog Day).

Представленный фрагмент демонстрирует цепочку попыток самоубийства главного героя, который вынужден проживать один и тот же день. Отметим, что часть зрителей реагирует смехом, а часть, шокированная увиденным, — восклицаниями типа 'Oh my Gosh!'. Реакцией зрителей часто сопровождается тот момент, когда попытка самоубийства еще не совершена, но ее легко предугадать. Комический эффект основан на проявлении глупости объектом осмеяния. Главный герой причиняет себе бессмысленную боль, поскольку желаемый им результат является невозможным. Нечаянно полученное бессмертие оценивается в контексте данного фильма отрицательно, что неоднократно демонстрируется самим героем, уставшим от повторения одного дня. Кроме того, когда герою удается избавиться от бессмертия, он радуется этому событию (*— Yeah!!!!; Phil kisses the radio; He pounces on Rita again*). Таким образом, главный герой приходит к принятию смерти через осознание бессмысленности однообразной вечной жизни.

В современном комическом дискурсе вера в бессмертие души высмеивается преимущественно через отрицательную оценку субъектом комического различных особенностей превращения смерти в промежуточный этап.

Во многих подобных контекстах отрицается сама возможность существования смерти в качестве промежуточного этапа:

(5) *"You know, I think he's up there now smiling down at us, and I think he's pleased." Now, first of all, there is no "up there", no, no for people to be smiling down from. It's poetic. It's quaint. And I guess for superstitious people, it provides a little comfort, but it doesn't exist* (Carlin G. It's Bad for Ya! 2008).

По мнению комика, смерть является завершающим событием в жизни человека, а загробной жизни не существует. Фрагмент сопровождается смехом и аплодисментами зрителей. Комическому эффекту способствует антитеза двух идей (*I think he's up there now – there is no "up there"*). В то время как отрицание веры в загробную жизнь оценивается в общем положительно аудиторией через аплодисменты, вера в жизнь после смерти получает отрицательную истинностную оценку от стендап комика через оценочные суждения (*there is no "up there; it doesn't exist"*). При этом отрицательная истинностная оценка смягчается положительными эстетическими (*It's poetic*) и этическими (*provides a little comfort*) оценками. Таким образом, в представленном выступлении реализуется циничное отношение (насмешка над убеждениями людей) автора к отрицанию смерти через веру.

В тех случаях, когда актуализируется жизнь после смерти в рамках модели «рай – ад», обычно реализуется сценарий, при котором сам субъект веры или его близкие попадают в ад:

(6) *Some people say that they're going to Heaven... I don't know, do you guys think there's a Heaven? Clap your hands if you think you're going to Heaven. You think you're to Heaven? You are 21... and you're a lock for Heaven already* (Louis C.K. Monologue. March 29).

Высмеивается убежденность зрителей в том, что после смерти они отправятся на небеса. Аудитория реагирует бурным смехом и аплодисментами. Комический эффект основан на гиперболизации порочности людей, то есть все люди, достигшие 21 года, вследствие своей порочности не смогут попасть в рай. Такая перспектива оценивается зрителями положительно, что предположительно обусловлено их неверием в загробную жизнь в целом. Соответственно, стендап-комик вместо страха перед смертью актуализирует страх перед адом, чем, по сути, проявляет свое циничное отношение (насмешка над убеждениями людей) к отрицанию смерти через веру.

Следует отметить, что актуализация пространственно-временных континуумов *рай* и *ад* характерна прежде всего для такого комического жанра, как анекдот, который представляет многообразие аксиогенных ситуаций, реализующихся либо в раю, либо в аду.

Трусость как один из способов отрицания смерти теснее других связана со страхом. Так, высмеивание трусости происходит через состояния или результат, к которым приводит страх: бегство от опасности, бездействие, неразумное поведение (Бочкарев, 2021, с. 1017). В комическом плане трусость довольно редко актуализируется в рамках отрицания смерти. При этом некомическое проявление трусости (не вызывающее смех) в комических текстах встречается намного чаще. Един-

ственным более или менее распространенным комическим сюжетом бегства от смерти является придание покойному сходства с живым, для того чтобы выдать первого за второго:

(7) *Larry: My turn. Shooter now. Free parking. \$500 for me. Thank you. My turn. Here we go. One more you get out of jail free. All right. Your turn. I'll roll. Here we go. Richard: What are you doing? Larry: **Playing Monopoly. You want to play?** Richard: How did he get down here? Larry: He walked. Richard: **He walked?** ... Richard: Where's Bernie? Larry: **He went for more daiquiri mix** (Weekend at Bernie's).*

Реакция: смех зрителей. В данных фрагментах наблюдается подмена смерти жизнью — двое друзей выдают убитого начальника за живого, замаскировав глаза очками и передвигая тело разнообразными способами, поскольку боятся, что их обвинят в его смерти. Здесь проходит игра в монополию с трупом, и хотя ходы делают живые игроки, труп находится в позе отдыхающего под зонтиком. Смех зрителей вызывает тот факт, что покойник якобы выполняет действия, обычно свойственные живым (игра, перемещение в пространстве), что подтверждается глаголами движения (*went, walked, playing*), а герои спокойно используют тело, как им заблагорассудится. Данное поведение отрицательно оценивается одним из главных героев с этической точки зрения (*Incidentally you're a disgusting human being; you are just a sick man*). Таким образом, с одной стороны, осуществляется отрицание смерти через бегство от нее, с другой стороны, герои произведения ведут себя цинично по отношению к покойнику через глумление над ним.

5. Заключение

В представленной работе показано, что актуализация отрицания смерти происходит через проявление хитрости, трусости и веры, при этом в комическом дискурсе хитрость реализуется в 84 % случаев, вера — в 11 % и трусость — в 5 %.

В комических текстах хитрость актуализируется через намерение обмануть смерть посредством такого этического антиценностного решения, как обретение вечной жизни. При этом бессмертие обычно приводит персонажей, желающих сохранить его до конца, к негативному результату. Кроме того, в современных комедиях образ ожившего скелета заменен образом разумного живого мертвеца. Следует также отметить, что подобное проявление хитрости получает в целом отрицательную оценку от автора и / или различных героев соответствующего произведения и / или зрителей.

В то же время актуализация веры через превращение смерти в промежуточный этап высмеивается через отрицательную оценку субъектом комического либо данной возможности, либо веры людей в то, что они и / или их родственники попадут в рай. В комическом дискурсе вера в загробную жизнь получает преимущественно отрицательную оценку от автора и / или различных героев произведения и / или зрителей. В свою очередь отрицание веры вызывает положительную оценку зрителей.

В случае актуализации трусости через бегство от смерти единственным более или менее повторяющимся комическим сюжетом является придание покойному сходства с живым, для того чтобы выдать первого за второго. Этот вид отрицания смерти получает преимущественно отрицательную оценку от автора и / или героев произведения и / или зрителей.

К основным языковым средствам создания комического эффекта при высмеивании отрицания смерти относятся антитеза, парадокс, гипербола и литота. Зачастую различные проявления отрицания смерти сопровождаются неразумным поведением определенных участников коммуникации.

Дальнейшая перспектива настоящего исследования заключается в изучении ценностных особенностей актуализации отрицания смерти в различных типах дискурса.

Список литературы

- Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Башикиров В. Г. Смерть человека в истории религиозной мысли и в святоотеческом предании // Труды Минской духовной академии. 2014. № 11. С. 26–67.
- Беккер Э. Отрицание смерти. М., 2023.
- Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.
- Бочкарев А. И. Антиценностный концепт трусость в комическом дискурсе англосаксонской лингвокультуры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 4. С. 1016–1023. doi: 10.21603/2078-8975-2021-23-4-1016-1023.
- Бочкарев А. И. Когнитивные признаки ценностного концепта «cunning» в комическом дискурсе современной англосаксонской лингвокультуры // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32, № 5. С. 984–989. doi: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-984-989.
- Бочкарев А. И., Гордеева М. Н. Особенности актуализации ценностного концепта ‘acceptance of grief’ в рамках комического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/494/1.
- Гаврилова Т. А. Пять установок по отношению к смерти: половозрастные различия и кросскультурные сопоставления // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 3. С. 15–28. doi: 10.7868/S0205959218030029.
- Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
- Ильин В. В., Калинин В. Т. Природа науки: Гносеологический анализ. М., 1985.
- Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. М.; Киев, 2001.
- Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.
- Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955.
- Платон. Федон // Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 7–80.
- Разумовская О. В. По. Лавкрафт. Кинг: Четыре лекции о литературе ужасов. М., 2019.
- Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М., 2010.
- Фрейд З. Мы и смерть. СПб., 1994.
- Хапаева Д. Занимательная смерть: развлечения эпохи постгуманизма. М., 2020.

Юнг К. Г. О психологии бессознательного. М., 2021.

Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 07.03.2024).

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 07.03.2024).

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 07.03.2024).

Raskin V. Semantic mechanisms of humor. Boston, 1985.

The Oxford American Dictionary of Current English. Oxford, 1999.

The Oxford Dictionary of Current English. Oxford, 1993.

The Oxford English Dictionary. Oxford, 1989. Vol. 1 : A – Baz.

Zilboorg G. Fear of death // The Psychoanalytic Quarterly. 1943. Vol. 12, №4. P. 465 – 475.

Об авторах

Арсентий Игоревич Бочкарев, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков технических факультетов, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-3869-2797

E-mail: arsentiy_87@mail.ru

Мария Николаевна Гордеева, старший преподаватель, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-3765-4361

E-mail: aglie-svr@yandex.ru

Для цитирования:

Бочкарев А. И., Гордеева М. Н. Об особенностях аксиологической объективации отрицания смерти в комическом дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 90 – 102. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

AXIOLOGICAL OBJECTIFICATION OF DEATH DENIAL IN HUMOROUS DISCOURSE

A. I. Bochkarev, M. N. Gordeeva

Novosibirsk State Technical University,
20 Karl Marx St., Novosibirsk, 630073, Russia

Received on 04.03.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-6

The article considers death denial as the crucial constituent of the concept 'denial of grief'. The research aims at studying peculiarities of actualization of death denial in humorous discourse. The data comprise recordings and scripts of 50 stand-up specials and 20 comedies. The relevance of the research is supported by increasing number of humorous works in recent

years where death is actualized as well as by insufficient covering value characteristics and comic objectification of death. The article demonstrates that death denial is actualized through cunning, cowardice and faith. In humorous discourse cunning is expressed through intention to deceive death using such ethical anti-value solution as acquiring eternal life. Immortality is obtained with the help of magic potions and rituals or in some unexpected way. The study shows that unexpected immortality is oppressing the person and causes attempts to escape it. In humorous discourse faith as interpreting death as intermediate stage is usually assessed negatively. Thus, either the very possibility of life after death or people's certainty of being in heaven can be ridiculed. In case of actualizing cowardice through escaping death, the only popular comic plot is making the dead look alive in order to use him like the alive one.

Keywords: axiological linguistics, humorous discourse, death, denial, faith, cowardice, cunning

References

- Ariès, Ph., 1992. *Chelovek pered litsom smerti* [Man in Front of Death]. Moscow (in Russ.).
- Bakhtin, M. M., 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Works of Fransua Rable and Medieval and Renaissance Folk Culture]. Moscow (in Russ.).
- Bashkirov, V. G., 2014. Death of Man in the History of Religious Thought and Patristic Tradition. *Trudy Minskoj dukhovnoi akademii* [Proceedings of the Minsk Theological Academy], 11, pp. 26–67 (in Russ.).
- Becker, E., 2023. *Otritsanie smerti* [Death negation]. Moscow (in Russ.).
- Berdyayev, N. A., 1993. *O naznachanii cheloveka* [About human destination]. Moscow (in Russ.).
- Bochkarev, A. I., 2022. Cognitive Features of the Value Concept “Cunning” in Humorous Discourse of Modern Anglosaxon Linguistic Culture. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 32 (5), pp. 984–989, <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-5-984-989> (in Russ.).
- Bochkarev, A. I. and Gordееva, M. N., 2023. On actualizing the axiological concept “acceptance of grief” in humorous discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 494, pp. 5–12, <https://doi.org/10.17223/15617793/494/1> (in Russ.).
- Bochkarev, A. I., 2021. The Anti-Value Concept of Cowardice in Humorous Discourse of Anglo-Saxon Linguistic Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23 (4), pp. 1016–1023, <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1016-1023> (in Russ.).
- Collins Online Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com> [Accessed 7 March 2024].
- Eremina, V. I., 1991. *Ritual i fol'klor* [Ritual and Folklore]. Leningrad (in Russ.).
- Freud, S., 1994. *My i smert'* [We and death]. St. Petersburg (in Russ.).
- Gavrilova, T. A., 2018. Five Death Attitudes: Age-Sex Differences and Cross-Cultural Comparisons. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 39 (3), pp. 15–28, <https://doi.org/10.7868/S0205959218030029> (in Russ.).
- Ilyin, V. V. and Kalinkin, V. T., 1985. *Priroda nauki: Gnoseologicheskii analiz* [The Nature of Science: Epistemological Analysis]. Moscow (in Russ.).
- Jung, C. G., 2021. *O psikhologii bessoznatel'nogo* [About psychology of unconscious]. Moscow (in Russ.).
- Khapaeva, D., 2020. *Zanimatel'naya smert': razvlecheniya epokhi postgumanizma* [Entertaining death: entertainment of posthumanism epoch]. Moscow (in Russ.).
- Kübler-Ross, E., 2001. *O smerti i umiranii* [About death and dying]. Moscow; Kyiv (in Russ.).

Lipovetsky, G., 2001. *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [The Era of Emptiness. Essay on Modern Individualism]. St. Petersburg (in Russ.).

Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: <https://www.ldoceonline.com/> [Accessed 7 March 2024].

Materialisty Drevnei Gretsii. Sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura [Materialists of Ancient Greece. Collection of texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus], 1955. Moscow (in Russ.).

Oxford Advanced Learner's Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> [Accessed 7 March 2024].

Plato, 1993. *Phaedo*. In: *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [Collected works: in 4 volumes]. Vol. 2. Moscow, pp. 7–80 (in Russ.).

Raskin, V., 1985. *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston.

Razumovskaya, O., 2019. *Po. Lavkraft. King: Chetyre lektsii o literature uzhasov* [Poe. Lovecraft. King: four lectures on horror literature]. Moscow (in Russ.).

Ryumina, M. T., 2010. *Eстетика smekha: Smekh kak virtual'naya real'nost'* [Aesthetics of laughter: laughter as virtual reality]. Moscow (in Russ.).

The Oxford American Dictionary of Current English, 1999. Oxford.

The Oxford Dictionary of Current English, 1993. Oxford.

The Oxford English Dictionary. Vol. 1. A–Baz., 1989. Oxford.

Zilboorg, G., 1943. Fear of death. *The Psychoanalytic Quarterly*, 12 (4). pp. 465–475.

The authors

Dr Arsentiy I. Bochkarev, Head of the Department of Foreign Languages of the Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

ORCID: 0000-0003-3869-2797

E-mail: arsentiy_87@mail.ru

Maria N. Gordeeva, Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

ORCID: 0000-0002-3765-4361

E-mail: aglie-svr@yandex.ru

To cite this article:

Bochkarev, A.I., Gordeeva, M.N., 2025, Axiological objectification of death denial in humorous discourse, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 90–102. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-6.

МЕХАНИЗМЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО ОСЛАБЛЕНИЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

С. Г. Проскурин¹, Д. С. Лебедева^{1, 2}

¹ Новосибирский государственный технический университет,
Россия, 630073, Новосибирск, просп. Карла Маркса, 20

² Сибирский институт управления, филиал РАНХиГС,
Россия, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

Поступила в редакцию 12.02.2024 г.

Принята к публикации 10.11.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-7

Рассмотрена эволюция иероглифа через призму закона семиотического ослабления. Иероглифика формирует уникальное лингвокультурное пространство, в котором действуют собственные алгоритмы кодирования информации. Однако линейный принцип, функционирующий в индоевропейской семиотике, нехарактерен для семиотического пространства Китая, базовой единицей которого выступает иероглиф. Следовательно, проблема данного исследования заключается в необходимости изучения когнитивных процессов, лежащих в основе формирования иероглифических знаков. Цель исследования состоит в выявлении основных механизмов ослабления иероглифов. Теоретической базой выступают труды таких исследователей, как Ч.У. Моррис, Д. Льюиз, У. Эко, Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин, В.П. Васильев, Л.С. Выготский, С. Цзинь, Л. Фэн и др. На основе анализа иероглифических знаков, входящих в официальный список 214 ключей, были выявлены и описаны основные механизмы ослабления. В ходе анализа иероглифического материала использованы такие методы, как графемный анализ структурных составляющих иероглифа, семантико-комбинаторный анализ, направленный на изучение значения компонентов иероглифа, а также этимологический анализ, позволяющий рассмотреть эволюцию формы иероглифов, а также изучить их этимологическое значение. По полученным результатам можно говорить о существовании следующих механизмов ослабления формы иероглифического знака: упрощение, усложнение и сохранение формы. Было также обнаружено, что ослабление формы написания иероглифических знаков приводит к семантическим сдвигам, основанным на двух механизмах изменения значения – метафорическом и метонимическом ослаблении. Значимость исследования заключается в том, что изучение механизмов образования иероглифических знаков помогает решать различные проблемы и возможные конфликты в сфере межкультурной коммуникации. Исследование малоизученных когнитивных процессов, лежащих в основе формирования особого иероглифического кода, позволит понять глубинные принципы категоризации мира носителями китайского языка и культуры.

Ключевые слова: семиотическое ослабление, китайский язык, иероглиф, классификация иероглифов, метонимия, метафора

1. Введение

Исследование кодов и способов закрепления и передачи информации занимает одно из ведущих положений в современных лингвосомиотических исследованиях. Дальнейшее изучение механизмов и алго-

ритмов кодирования разных лингвокультурных пространств позволяет расширить имеющиеся представления о когнитивных процессах знакообразования. Китайская иероглифика представляет собой одну из немногих систем письменности, сохранивших свой изначальный идеографический облик. Поскольку имеющиеся классификации в основном нацелены на механическое описание структуры иероглифических знаков и составляющих их компонентов, то изучение данного строя письменности с точки зрения теории семиотического ослабления дает возможность описать когнитивные процессы, лежащие в основе формирования иероглифических знаков, расширив тем самым взгляд на идеографическую систему письма, что и определяет как теоретическую, так и практическую значимость настоящего исследования.

Свое теоретическое оформление данная теория получила относительно недавно на материалах индоевропейских языков в трудах исследователей, принадлежащих к Московско-новосибирскому семиологическому содружеству (Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин, А.Н. Комкова, Б.М. Клейман и др.). К сожалению, трудов по изучению особенностей китайской семиотики относительно мало, что обуславливает новизну данного исследования. Итак, актуальность исследования вызвана необходимостью выявления механизмов ослабления иероглифических знаков с целью определения и описания глубинных кодов, формирующих китайское лингвокультурное пространство. Объектом выступают иероглифические знаки в эволюционном развитии, а предметом исследования является семиотическое ослабление иероглифических знаков. Как следствие, цель исследования заключается в выявлении основных механизмов ослабления знаков иероглифической письменности. Далее перейдем к рассмотрению основных теоретических понятий.

2. Понятие семиотического ослабления

Под семиотическим ослаблением понимаются трансформации знака, сопровождающиеся постепенной утратой иконичности и переходом к условности. Так, процесс ослабления подразделяется на несколько этапов: «...от сильного символа к ослабленному субституту, и затем, — совсем слабому знаку» (Культурные трансферы, 2015, с. 19). Важно заметить, что проявление закона семиотического ослабления характерно не только для эволюции письменности, но также для многих явлений культуры. Так, например, изначально человеческие жертвоприношения (сильные знаки) замещаются жертвоприношениями животных (субституты), которые в последствии трансформируются в условные знаки, например чтение молитв (условные слабые знаки) (Там же).

Ярким примером проявления закона семиотического ослабления в сфере культуры является ритуал жертвоприношения в Египте. «Первоначально обряд, по-видимому, проходил следующим образом. Одному или нескольким людям перерезали горло, чтобы их жизнями откупить покойного у смерти. На ранних этапах и даже в начале династического периода практиковалось принесение в жертву человека, ко-

торый представлял врага Осириса Сета. В более поздние эпохи чаще всего во время обряда убивали чужеземцев, пленных нубийцев или азиатов» (Морэ, 2009, с. 30–31). Впоследствии зафиксировано смягчение ритуала — принесение в жертву животных с имитацией жертвоприношения человека или манекена. Есть свидетельства, что эту роль исполнял персонаж по имени Тикену. На третьем этапе ослабления роль Тикену берет на себя жрец, тем самым придавая ритуалу символический и условный характер (Культурные трансферы, 2015, с. 20).

Подобное явление можно проследить и в лингвистическом пространстве, например, в стирании, или ослаблении внутренней формы слова. Проявление данного закона также можно подкрепить словами Н. В. Крушевского: «Чем дальше слово употребляется, тем менее ему нужно сохранять следы своего происхождения и морфологического состава» (1883, с. 129–130).

О похожем явлении рассуждал китайский философ III века н. э. Ван Би (перевод А. А. Петрова): «В образе проявляется мысль. В слове объясняется образ. Для выражения мысли дан образ; для выражения образа дано слово. Слово — капкан для образа, а образ — верша для мысли. Так как слово объясняет образ то после того, как постигнут образ — можно забыть слово. Так как в образе сохраняется мысль, то после того, как постигнута мысль — можно забыть образ... Постижение мысли заключается в забвении образа; постижение же образа заключается в забвении слова» (Петров, 1936, с. 79).

В рамках теории семиотического ослабления к похожему выводу приходит Б. М. Клейман, основываясь на результатах анализа текста Библии: «в результате аберрации социальной памяти слово “забывает” свой смысл...» (Клейман, 2015, с. 98).

Итак, семиотическое ослабление представляет собой эволюционную закономерность развития различных знаковых систем, основным принципом которой выступает процесс трансформации знаков от высокообразительных сильных знаков к ослабленным знакам (субститутам) и к условным знакам (слабым).

Особый интерес представляют гетерогенные системы письменности, в которых сосуществуют знаки разных этапов развития, то есть сильные знаки, субституты и слабые (Комкова, 2017, с. 3). К одной из таких систем, например, относится китайская иероглифическая письменность, являющая собой компиляцию знаков разного порядка.

3. Понятие иероглифического знака

Иероглифический знак — это единица системы китайской иероглифической письменности, формирующая лингвокультурное пространство, а также специфическое мировидение китайского народа. «Являясь большей частью идеографическими, китайские письменные знаки своеобразно “рисуют” мир, создавая тем самым еще одну “картину мира”, отличную от иных» (Готлиб, 2020, с. 96). Вслед за О. М. Готлибом мы рассматриваем иероглиф как структурный знак-изображе-

ние, организованный по определенным правилам. Иероглиф обладает собственной структурой, состоящей из элементов, каждый из которых обладает своей функцией (Там же, с. 9). Исходя из этого положения, можно заключить, что иероглифическая система — это результат действия особого кода, шифрующего информацию по определенным алгоритмам или правилам.

Чарльз Моррис, один из основоположников семиотики, выделял три составляющие семиозиса (знакового процесса) — семантика, синтактика и прагматика (Morris, 1946, p. 217). Синтаксический аспект семиозиса выражается в наличии специфических для каждого лингвокультурного пространства кодов, то есть способов шифровки информации, которые опираются на правила той или иной системы. Так, Д. Льюиз отмечает, что синтактика «...устанавливает отношение репрезентирования между конкретными значениями и конкретными выражениями» (Льюиз, 1983, с. 272). Умберто Эко, в свою очередь, под кодом понимает систему, устанавливающую правила сочетания символов (Эко, 2006, с. 57).

Принимая во внимание вышеизложенное, можно заключить, что в письменности под кодом можно понимать систему определенных правил данного языка для организации и сочетания символов (знаков письменности). Так, в индоевропейских языках в основе кодирования лежит линейный принцип. Ю.С. Степанов и С.Г. Проскурин определяют его следующим образом: «Индоевропейская семиотика через своих носителей придает значение всей цепи звука или означает весь речевой континуум (линейный принцип)...» (Проскурин, 2023, с. 181; Степанов, 2004, с. 566). Для представителей индоевропейской семиотики письменные знаки являются единым зрительно-слуховым комплексом (Степанов, Проскурин, 1993, с. 72). Чжан Люлинь, исследуя отличия идеографической письменности от других систем письма, приводит следующие свойства алфавитных систем: письменность вторична по отношению к речи; основной функцией письма является точная фиксация речи; буквы нейтральны по смыслу, используются только для обозначения фонем (Zhang, 2024, p. 8). Обобщив данные точки зрения, можно выделить следующие свойства линейного принципа:

- знаки организуются в единый фонетический ряд;
- знак прежде всего представляет собой фонетическую единицу;
- алфавитные знаки отражают звучание и нейтральны по смыслу.

Однако для китайского лингвокультурного пространства линейный принцип кодирования не характерен. Здесь действуют иные правила закрепления и передачи информации. Чжан Люлинь также описывает черты идеографических систем письменности: общая идентичность рождается в письменности, в то время как речь не играет в этом процессе никакой роли; идеографические знаки оформляют базовые семантические компоненты языка; зафиксированное в литературе прошлого графемно-семантическое соответствие является стандартом для современного использования иероглифов (в плане лексических заимствований) (Ibid.).

Учитывая вышесказанное, мы можем сделать вывод, что в основе кода китайского лингвокультурного пространства лежит иероглифический принцип кодирования, минимальной единицей которого выступает иероглифический знак. По нашему мнению, данный принцип кодирования информации имеет свои проявления на прагматическом уровне, то есть в том пространстве, где человек взаимодействует с языком, а именно то, как носитель китайского языка использует иероглифы в речи и в культуре.

Данный тезис подтверждают слова Ю. Кристевой: «Нам, как субъектам, принадлежащим к культурной зоне, в которой письмо является фонетическим и буквально воспроизводит фонетический язык, трудно представить, что... все еще существует для многих людей тип языковой письменности, который функционирует независимо от речевой цепи. Такой тип, следовательно, является не линейным..., а пространственным...» (цит. по: Проскурин, 2023, с. 15).

Из данных характеристик иероглифического принципа следует, что мельчайшей единицей китайского лингвокультурного пространства является иероглиф, представляющий собой минимальную смысловую единицу. С семиотической позиции иероглиф есть знак, который, согласно основному положению Фердинанда де Соссюра, обладает двусторонней сущностью, основанной на конвенциональной связи между означающим и означаемым (Соссюр, 1977, с. 99). Под первым компонентом понимается акустический или визуальный образ, под вторым — понятие (Jin, 2021, p. 64). Итак, знаки в данной лингвистической теории обладают двучленной структурой, которая затрагивает лингвистический и когнитивный уровни соответственно.

Однако при интерпретации знаков необходимо также учитывать культурно-исторический контекст, то есть условия, в которых появилось и развилось значение знака. Поэтому знак представляет собой не просто двустороннюю сущность, это единство трех уровней: 1) лингвистический уровень (означающее) — *language layer*; 2) когнитивный уровень (означаемое) — *cognitive layer*; 3) культурный уровень — *cultural layer* (Feng, 2023, p. 5).

Все вышесказанное свидетельствует о том, что не только иероглиф обладает структурой, но и вся иероглифическая система представляет собой иерархию взаимосвязанных уровней и разных категорий знаков. Обратимся к анализу некоторых классификаций иероглифической системы.

4. Классификации иероглифических знаков

Одной из самых распространенных и общепризнанных классификаций иероглифов считается классификация Сюй Шэня, описанная им в своем монументальном труде 說文解字 (*Шовэнь цзецзы*) (II в. н.э.). В названии автор указывает основное разделение иероглифов на две группы, а именно — 文 *вэнь* и 字 *цзы*. К первой группе относятся про-

стые изобразительные знаки, а ко второй — составные сложные (刘, 2001, 页. 889). Обратимся к описанию шести категорий классификации Сюй Шэня, известной также как 六书 *лю шу*:

1) 象形 — *сянсин* — пиктографические изобразительные знаки. Например, 水 *шуй* (вода), 日 *жи* (солнце), 月 *юэ* (луна), 鳥 *няо* (птица);

2) 指事 — *чжиши* — указательные иероглифы. Данная категория представляет собой относительно простые по написанию знаки, состоящие из знака-основы и знака-маркера или указателя. Например, иероглиф 刃 *жэнь* (лезвие, острое) образован с помощью двух элементов — 刀 *дао* (нож) и 丶 (точка), которая пишется в левой части иероглифа, указывающая на острую часть ножа;

3) 会意 — *хуэйи* — идеографические знаки, включающие в структуру два или более знаков и в своей сумме направленные на выражение понятия. Например, иероглиф 东 *дун* (восток) состоит из двух пиктографических знаков — 木 *му* (дерево) и 日 *жи* (солнце);

4) 形声 — *синшэн* — фонетические иероглифы. Для иллюстрации данного типа можно привести такие иероглифы как 妈 */mā/* (мама), 吗 */mā/* (вопросительная частица), 码 */mǎ/* (код), 骂 */mà/* (ругать). Все они объединены общей фонетической частью 马 */mǎ/*. Или, например, ряд иероглифов — 请 */qǐng/* (просить), 清 */qīng/* (чистый), 情 */qíng/* (чувства), 晴 */qíng/* (ясный) с общим фонетиком 青 */qīng/*;

5) 转注 — *чжуаньчжу* — видоизмененная категория иероглифов, самая малочисленная по составу. Примером могут послужить иероглифы 老 *лао* (старый) и 考 *као* (пожилой, покойный). Согласно словарю Сюй Шэня, второй иероглиф появился на основе изменения формы первого знака. По этой причине изначальные значения двух иероглифов обладают семантической связью;

6) 假借 — *цзяцзе* — заимствованные иероглифические знаки. К данной категории относятся иероглифы, изначально не имевшие иероглифического обозначения. Сюда же причисляют множество служебных слов. Например, 其 *ци* (служебное слово для замещения подлежащего с местоименным значением) изначально был пиктограммой, изображавшей «сито». Другой пример, 而 *эр* (служебное наречие, а также союз, выражающий разные типы связей в предложении), изначально — пиктограмма, передающая форму «усов».

Несмотря на то что данная классификация традиционна и общепризнанна, она не лишена некоторых неоднозначных моментов «в связи с отсутствием единства основания, и в связи с неясностью разграничений между разными категориями» (Готлиб, 2020, с. 45). В свете данного возражения интересно рассмотреть подход отечественного востоковеда В.П. Васильева к анализу традиционной классификации *лю шу*.

Исследуя словарь «Шовэнь цзецзы», В.П. Васильев вводит собственные термины для обозначения основных категорий иероглифической системы: 文 *вэнь* (форма) — простые иероглифы, состоящие только из черт, а 字 *цзы* (группа) — иероглифы, состоящие из нескольких форм

(Васильев, 1898, с. 13). Исследователь выделяет три категории, каждая из которых делится на две группы. В группах также определяется множество подгрупп или классов:

Первая категория:

1. Пиктографические иероглифы (象形 *сянсин*) — простые формы: изображения предметов небесных, изображения предметов земных, предметов ботанических, предметов человеческих, животных и орудий.
2. Указательные иероглифы — простые формы (指事 *чжиши*): формы, положения, числа, черты.

Вторая категория:

1. Идеографические иероглифы (会意 *хуэйи*):
 - умножение одной и той же формы: а) без изменения внешнего вида удвоенной формы — 多 *до* (много), 磊 *лэй* (груда камней); б) с изменением в изображении — 从 *цун* (следовать), 北 *бэй* (север);
 - указательные группы (指事 *чжиши*) — 旦 *дань* (рассвет).
2. Видоизмененные иероглифы (转注 *чжуаньчжу*) — 老 *лао* (старый) и 考 (покойный) *као*; 東 *дун* (восток), 果 *гао* (светлый), 杳 *яо* (темный).

Третья категория:

1. Фонетические иероглифы (形声 *синшэн*). Например, 里 *ли* (губный), где 里 *ли* — фонетическая часть и 人 *жэнь* (человек) — смысловая.
2. Заимствованные иероглифы (假借 *цзяцзе*). Например, иероглиф 尔 *эр*, который изначально имел значение «цветущий», стал замещать местоимение «ты» на основе созвучия.

Важно отметить, что В.П. Васильев придерживается традиционной китайской классификации из 6 категорий (*лю шу*), однако привносит в нее новое видение. Так, он не соглашается с категориальной принадлежностью некоторых иероглифов. По его мнению, 東 *дун* (восток), 果 *гао* (светлый), 杳 *яо* (темный) — это видоизмененные иероглифы, однако, у Сюй Шэня эти иероглифы являются идеограммами; у Васильева 本 *бэнь* (корень), 末 *мо* (верхушка), 朱 *чжу* (сердцевина дерева) — это также видоизмененные иероглифы, а у Сюй Шэня — указательные (Там же, с. 35).

Весьма показательно, что иероглиф 本 *бэнь* (корень), принадлежащий, по мнению В.П. Васильева, к видоизмененным иероглифам, также относится им в категорию заимствованных иероглифов: «本 — корень дерева — корень основание» (Там же, с. 107). Данное противоречие подтверждает тезис некоторых исследователей иероглифики о том, что заимствование и видоизменение — это не категории иероглифики — а способы образования новых иероглифов (Готлиб, 2020, с. 45; 刘, 2001, 页. 889).

Итак, В.П. Васильев, возможно, одним из первых исследователей иероглифической письменности указал на проблему искусственности традиционной классификации *лю шу*. Так, он высказывает сомнение относительно ключевого принципа расположения иероглифики, поскольку ключ имеет смысл только для одной категории — фонетической: «Простых знаков больше, чем принятых ключей. Пришлось размещать иероглифы, не принадлежащие к фонетической категории как

попало. Так, например, 丁 *дин солдат*, 七 *ци семь*, 丈 *чжан сажень*, 上 *шан верхний*, 下 *ся нижний* помещены под чертой 一, хотя эта черта здесь вообще не настоящий ключ, и мы видим ее здесь то вверху, то в середине, то внизу. Следовательно, нет никакой системы» (Васильев, 1898, с. 49).

Классификация *лю шу*, по сути, создана для того, чтобы упорядочить имеющийся иероглифический массив в словарях. Однако данный подход не дает ответа на то, какие интерпретационные и когнитивные процессы лежат в основе образования иероглифических знаков. Лан Фэн указывает, что теоретические достижения в области таких гуманитарных наук, как когнитивная лингвистика, когнитивная психология, семиотика, лингвистическая семиотика, культурная семиотика, могут послужить основой для решения многих проблем, связанных с изучением природы иероглифических знаков, а именно ответить на вопрос, какова связь между формой и смыслом иероглифа (Feng, 2023, p. 2).

Обратимся к рассмотрению классификации иероглифов, которую предлагает Лан Фэн, — это пять моделей образования составных иероглифических знаков (Ibid.).

1. Концептологическая модель (conceptual model): категория + характеристика (category + feature). В качестве примера исследователь приводит иероглиф 桃 *тао (персик)*. Категорией выступает иероглиф 木 (*дерево*), характеристикой — иероглиф 兆 (*симптом*). Иероглиф 桃 *тао (персик)* — это «дерево с симптомами весны». Автор дает такую интерпретацию исходя из того факта, что весной персиковое дерево начинает цвести одним из первых.

2. Метафорическая модель (metaphorical model): источник + цель (source domain + target domain). В качестве иллюстрации данной модели Лан Фэн рассматривает иероглиф 花 *хуа (цветок)*, который в глагольной функции меняет свое значение на «тратить». По мнению исследователя, образование данного значения основано на метафоре. Так, быстрота увядания цветов является источником для описания процесса траты — например, времени или денег. Лан Фэн, однако, не проводит различия между второй и первой моделью и указывает на то, что обе часто используется совместно. Все же данный пример скорее демонстрирует развитие значения иероглифа, а не его образование. Возможно, автор считает, что слово «цветок» и «тратить» являются разными иероглифами, несмотря на одинаковое звучание и написание.

3. Гештальт-модель (gestalt model): характеристика + характеристика (feature + feature). Под гештальтом в лингвистическом смысле понимается «то целое, которое человеческие существа считают более базовым, чем составляющее его части» (Лакофф, Джонсон, 2004, с. 105). В данной классификации гештальт представляет собой набор нескольких характеристик, направленных на выражение целого. В качестве примера автор приводит иероглиф 爲 (*самка обезьяны*), который состоит из следующих знаков-характеристик: 爪 (*когти — claw*), 尸 (*тело — body*), 勺 (*обхватить / ручка — the handle of a hand-held object*), 灬 (*огонь / динамика — dynamic movement*). Все эти составляющие вместе представляют собой изображение двух обезьян, очищающих друг у друга шерсть.

4. Модель-схема-сценарий (schematic script model): действие + контекст (action + background). Действие, совершаемое в определенном историко-культурном контексте, представляет собой схему. Исследователь приводит в качестве примера иероглиф 知 *чжи* (*знать*) и связывает его этимологию со *свистящими стрелами* хана Моду (响箭 *сянцзянь*). Иероглиф состоит из компонентов 矢 (*стрела*) и 口 (*рот*). Свистящие стрелы *сянцзянь* служили сигналом для действий войск хана. Как отмечает Лан Фэн, образование данного иероглифа происходило в рамках схемы, имеющей культурную специфику.

5. Изменение формы имеющегося иероглифа (declension model). Данная модель совпадает с категорией видоизмененной иероглифики (转注字 *чжуанчжу-цзы*).

Лан Фэн предлагает классификацию, которая основывается на когнитивном подходе к объяснению организации сложных составных иероглифов и в целом учитывает взгляды Дж. Лакоффа. Исследователем, однако, не рассматривается проблема образования изобразительных знаков (пиктограмм). Таким образом, данная классификация в целом затрагивает только сложные иероглифы (идеограммы и фонограммы) и близка по смыслу к классификациям словообразовательных моделей.

О. М. Готлиб также разработал похожую классификацию логограмм (составных иероглифов) в соответствии со структурным аспектом. Так, он выделяет четыре модели, которые схожи с вышеизложенной теорией Лан Фэна: 1) «имя + имя»; 2) «имя + признак»; 3) «признак + признак»; 4) «модальный признак + признак» (Готлиб, 2020, с. 70).

5. Обсуждение и результаты исследования

Основываясь на вышеизложенных подходах, мы предлагаем свое видение образования иероглифических знаков в соответствии с теорией семиотического ослабления. Следует напомнить, что закон семиотического ослабления представляет собой описание значения знака в диахронии. Ослабление иероглифических знаков можно рассмотреть в двух аспектах: ослабление формы знака и ослабление значения знака.

Ослабление формы иероглифического знака. Данный аспект ослабления подразумевает процесс графических трансформаций формы написания иероглифов. Рассматривая знаки в эволюционном развитии, невозможно не заметить происходящих изменений в форме их написания.

В исследованиях китайской письменности выделяются четыре этапа исторического развития («стили письма»): 1) от надписей на гадательных костях *цзягувэнь* к надписям на бронзовых сосудах *цзиньвэнь* (oracle bone inscriptions to bronze inscriptions); 2) от *цзиньвэнь* к письму малой и большой печати *чжуаньшю* (bronze inscriptions to seal script); 3) от *чжуаньшю* к конторскому стилю письма *лишю* (from seal script to official script); 4) от *лишю* к стандартному современному стилю *кайшю* (from official script to regular script) (Wang et al., 2022, p. 14).

Эти этапы представляют собой основные эволюционные исторические вехи развития письменности в Китае. Все же вопрос о процессах, вызывающих изменения в форме написания иероглифов, остается без однозначного ответа. Благодаря семиотической теории ослабления возможно описать эти эволюционные механизмы изменения иероглифических знаков.

В ходе исследования было проанализировано 214 основных иероглифов из официального списка графем с целью выявления основных механизмов ослабления и изменения формы. Мы определили три механизма семиотического ослабления иероглифического знака в формальном аспекте – упрощение формы, усложнение формы и сохранение формы. На этой основе получили следующие статистические данные (табл.).

**Процентное соотношение механизмов семиотического ослабления
на основе анализа 214 графем**

Механизм семиотического ослабления	Процентное соотношение, %
Упрощение формы	40
Усложнение формы	10
Сохранение формы	50

Рассмотрим подробно каждый механизм ослабления.

Упрощение формы. Знаки, ослабленные данным механизмом, в основном обозначают имена вещей (существительные). Например, 马 (лошадь), 鸟 (птица), 鱼 (рыба), 豕 (свинья), 犬 (собака), 矢 (стрела), 女 (женщина), 土 (земля) и др. В процессе упрощения изменяется структура иероглифа, большинство черт трансформируются и меняют расположение, некоторые элементы исчезают. На рисунке 1 представлен пример иероглифа, ослабленного механизмом упрощения¹.

Рис. 1. Эволюция написания иероглифа 犬 (собака)

Усложнение формы. Несмотря на то что на первый взгляд в процессе ослабления должно происходить упрощение формы, в ходе анализа мы выявили ряд иероглифических единиц, чье написание усложнилось в процессе исторического развития. В данном процессе знаки меняют свою структуру, некоторые элементы меняют положение, также появляются дополнительные элементы. К таким иероглифам, например,

¹ 字形演变 // 国学大师古典图书集成。 URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/5872px/> (дата обращения: 22.05.2024).

можно отнести 弋 (стрелять из лука), 十 (десять), 尸 (труп) и др. На рисунке 2 представлен пример ослабления иероглифа на основе механизма усложнения².

Рис. 2. Эволюция написания иероглифа 十 (десять)

Сохранение формы. С точки зрения когнитивных процессов, лежащих в основе образования данного класса единиц, можно говорить об интериоризации. Согласно Л. С. Выготскому, под данным процессом понимается превращение внешнего социального действия в высшие психические функции (Выготский, 2023, с. 141). Этот механизм можно применить к знакообразованию, когда внешние действия и вещи реального мира обретают свою знаковую форму. К основной характеристике данного механизма можно отнести стабильность написания формы знака.

Есть ряд иероглифов, которые на протяжении своего эволюционного развития практически не претерпели изменений в форме написания, в отличие от первых двух типов. Трансформации в основном носят геометрический характер: например, ломаные черты становятся прямыми, длинные черты сокращаются до точек, округлые формы приобретают квадратную форму, также возможны небольшие ориентационные сдвиги элементов.

Иероглифы, сохранившие свою форму, представляют собой абсолютные интериоризованные знаки письменности. Например, 片 (карточка), 卜 (гадать), 辶 (ходить с остановками), 田 (поле), 言 (речь), 舌 (язык), 大 (большой), 口 (рот), 人 (человек), 士 (воин) и др. На рисунке 3 представлен пример ослабления иероглифа на основе механизма сохранения формы³.

Рис. 3. Эволюция написания иероглифа 田 (поле)

² 字形演变 // 国学大师古典图书集成。URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/1984tg/> (дата обращения: 22.05.2024).

³ 字形演变 // 国学大师古典图书集成。URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/6161rq/> (дата обращения: 22.05.2024).

Далее перейдем к рассмотрению механизмов ослабления значения иероглифов. Ослабление значения иероглифического знака, по нашему мнению, также основывается на разных механизмах, что, по сути, проявляется в порождении новых смыслов и, как следствие, в дистанцировании от первичного буквального значения, то есть в его стирании и «затуманивании».

Обратимся к анализу примеров, иллюстрирующих развитие значения на основе трех типов ослабленных знаков: упрощенных, усложненных и сохранных.

Рассмотрим механизмы ослабления значения упрощенного знака 女 нюй (женщина)⁴ (рис. 4).

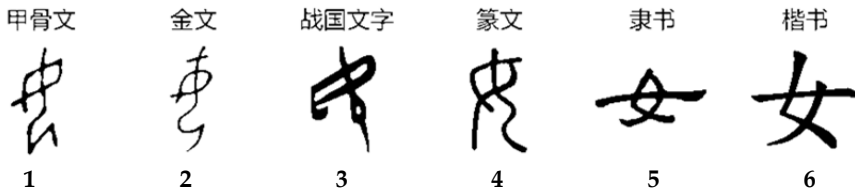

Рис. 4. Эволюция написания иероглифа 女 нюй (женщина)

Форма данного иероглифа изначально изображала совершающую поклон женщину в традиционном одеянии. Если рассмотреть формы написания 1 (гадательные надписи), 2 (надписи на бронзе), 3 (надписи периода Чжаньго) и 4 (письмо чжуаньшу), они в целом наследуют друг друга, однако начиная с 5-го этапа (конторское письмо *лишу*) форма стандартизируется и упрощается, становясь знаком письменности, а не изображением. Данный знак обозначает субъект реальности – женщину, а в языковой системе относится соответственно к классу «имен».

Помимо незначительных смысловых оттенков совершенно иного значения данный иероглиф не приобретает. Ниже представлены примеры, найденные в Большом китайско-русском словаре⁵.

В роли существительного иероглиф обладает следующими значениями:

- 1) Женщина: 贵女贱男 *высоко ставит женщин и презирает мужчин.*
- 2) Девушка: 女大十八变 *прежде, чем девушка вырастет, она восемнадцать раз изменится.*
- 3) Дочь: 他们两儿跟前有一儿一女 *у них [в семье] один сын и одна дочь.*
- 4) Самка: 女猫 *кошка.* Стоит отметить, что это устаревшее значение иероглифа, поскольку в словаре приведены примеры только из древних источников. Так, например, данное сочетание взято из трактата Гу Янью «Жичжилу» (середина XVII в.).

⁴ 字形演变 // 国学大师古典图书集成. URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/2691kz/> (дата обращения: 22.05.2024).

⁵ Большой китайско-русский словарь (онлайн версия). URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=女> (дата обращения: 22.05.2024).

В словаре также зафиксированы частеречные переходы, с порождением новых значений на основе метонимии, то есть вычленением характеристик, свойственных женщинам. Так, иероглиф 女 используется в роли прилагательного со значением:

1) «изящный, гибкий»: 其身女好 *тело у него гибко и нежно*. Заметим, что это также устаревшее значение иероглифа. Согласно одноязычному толковому китайскому словарю Zdic данное выражение употребляется в одном из рифмованных произведений Сюнь-цзы, относящихся к IV—III вв. до н. э.⁶

2) «маленький»: 女桑 *низкорослый сорт тутового дерева*, 女隤 *небольшой откос (склон)*.

В роли глагола иероглиф приобретает значение «выдавать дочь за кого-то»: 女子时, 观厥刑于二女 *я женю его на дочерях во благовремени и посмотрю, как он будет обращаться с моими двумя дочерьми*.

В данном примере также наблюдается метонимический сдвиг значения по модели: женщина — ее характеристики, функции, предназначение.

Также рассмотрим примеры функционирования данного иероглифа в качестве компонента слова:

少女 — девушка

子女 — сыновья и дочери, дети

妇女 — женщина; женский

女红 — рукоделие

女排 — женская волейбольная команда

女鞋 — женские [дамские] туфли

В этих словах иероглиф 女 используется в своем основном значении «женщина» и имеет отношение к женщине — к ее внешним физиологическим признакам, основным характеристикам поведения и (в некоторых случаях) к роду деятельности. Также ввиду того, что данный знак (*женщина*) обладает сильным семантическим потенциалом, он способен образовывать не только существительные, но и прилагательные и глаголы.

Далее рассмотрим примеры, в которых иероглиф 女 *ной* (*женщина*) используется в качестве смыслообразующего компонента.

妈 /mā/ *мать*: 女 — *женщина* — смысловой компонент, 马 /mǎ/ — фонетический компонент.

В этом иероглифе смысловой элемент 女 *ной* употребляется не в своем прямом значении — «женщина», за основу берется лишь характеристика женщины, а именно ее предназначение быть матерью. Возможно предположить, что здесь ослабление основного значения происходит на основе метонимии. Метонимия — это «когнитивная операция, при которой содержательная область источника обеспечивает доступ к содержательной области цели в пределах одного когнитивного домена, или идеализированной когнитивной модели» (Рунова, 2007,

⁶ Zdic.net (漢典). Одноязычный толковый словарь китайского языка. URL: <http://www.zdic.net/hans/女好> (дата обращения: 26.09.2024).

с. 7). Такая интерпретация позволяет заключить, что в данном случае иероглиф 女 *нюй* употребляется в значении, ослабленном по метонимическому механизму.

嬰 /yīng/ *ожерелье*: 女 — *женщина*, 嬰 — *украшение из ракушек*.

В этом иероглифическом знаке компонент 女 (*женщина*) также употребляется не в полноценном значении; за основу берется восприятие украшений как неотъемлемого атрибута женского наряда. Таким образом, и здесь иероглиф 女 (*женщина*) используется в ослабленном значении на основе метонимии.

Стоит отметить, что данное значение уже забылось в иероглифе, и в современном языке этот знак используется в значении *младенец*. Однако в глагольной функции в словаре зафиксированы значения, напрямую связанные с этимологией иероглифа 嬰 — «носить на шею; окружать, обвивать, опутывать».

Обратимся к другим примерам, где ослабление знака 女 *нюй* (*женщина*) происходит на основе иного механизма. Рассмотрим иероглифы 好 *хао* (*хороший; благо, милость*) и 安 *ань* (*спокойствие, безопасность*). Мы можем предположить, что в этом случае возможно выделение оценочных метафор с использованием иероглифа *женщина* в сочетании с другими элементами. Так, 女 (*женщина*) и 子 (*ребенок*) переосмысливается как *благо*, а 女 (*женщина*) и 宀 (*крыша*) видится как *спокойствие*. Ослабление на основе механизма метафоры представляет собой процесс сложения двух конкретных элементов, направленный на выражение абстрактного понятия.

Следовательно, иероглифические знаки, выражающие абстрактные понятия по своей сути обладают непосредственным референтом, в качестве которого выступает ситуация: *женщина держит ребенка* — ситуация, описывающая понятие *блага*; *женщина в доме* — ситуация, иллюстрирующая понятие *спокойствия*.

Далее перейдем к рассмотрению ослабления усложненных знаков. В качестве примера будет рассмотрен иероглиф 弋 (*стрелять из лука*) (рис. 5).

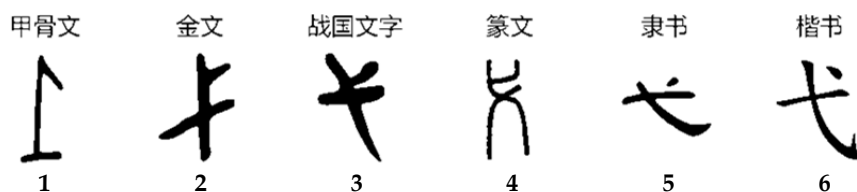

Рис. 5. Эволюция написания иероглифа 弋 (*стрелять из лука*)

Изначально этот иероглиф был существительным со значением *деревянный колышек* и имел иное начертание, в отличие от современного написания (рис. 5, начертание 1). На рисунке видно, что со временем происходили не только изменения в написании черт знака, но также добавление новых структурных элементов, влияющих в целом на смысл иероглифа.

Обратимся к анализу начертания 2. Самая длинная вертикальная черта обозначает основу лука, верхняя черта-точка обозначает стрелу, нижняя — веревку (тетиву)⁷. Очевидно, что изменение в графике повлияло на смысловой сдвиг. Дальнейшие начертания 3 и 4 наследуют данную форму иероглифа, а начертания 5 и 6 представляют собой современную форму данного знака.

Как видно из рисунка, изначальное написание было простым, состоящим из минимального количества элементов, но со временем знак структурно усложнялся — добавлялись дополнительные указательные черты, которые стимулировали развитие значения знака.

Согласно этимологическому онлайн-словарю *vividict*, развитие значения данного иероглифа происходило следующим образом⁸:

- 1) сущ.: небольшая деревянная стрела, с веревкой на конце — этимологическое значение;
- 2) гл.: стрелять в птиц стрелами — от первого значения;
- 3) сущ.: пернатые, птицы — от второго значения;
- 4) гл.: охотиться, ловить — от второго значения.

По нашему мнению, в основе данных грамматических и семантических сдвигов лежит метонимический механизм ослабления. Метонимическая модель: инструмент — его функция; действие — результат.

Таким образом, изменение формы приводит к изменению значения: *палка* — *лук*. Более того, наблюдается изменение части речи, то есть оглаголивание: *палка* — *лук* — *стрелять из лука*. В китайском языке широко распространено явление, когда обозначение действия происходит посредством изображения вещи, с помощью которой совершается действие. Определение части речи возможно только в синтаксической структуре.

При рассмотрении иероглифа 弋 и как составляющего «строительного» компонента в сложных иероглифах было обнаружено, что в основном этот иероглиф выступает в качестве фонетического, а не смыслового компонента.

- 代 — *замещать, заменять* (工 работа — смысл, 弋 — звучание);
- 式 — *эталон, образец* (工 работа — смысл, 弋 — звучание);
- 忒 — *ошибаться, заблуждаться* (心 сердце — смысл, 弋 — звучание);
- 柁 — *деревянный колышек* (木 дерево — смысл, 弋 — звучание).

Также рассмотрим примеры слов и выражений, в которых иероглиф 弋 используется как часть слова:

游弋 — *перемещаться по воде, крейсировать* (游 — *плыть*, 弋 — *охотиться, искать*);

巡弋 — *патрулировать на корабле* (巡 — *обозревать, патрулировать*, 弋 — *охотиться, искать*);

毕弋 — *охотиться* (毕 — *ловить сетью*, 弋 — *стрелять из лука*);

⁷ 字形演变 // 国学大师古典图书集成。 URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/3407gx/> (дата обращения: 22.05.2024).

⁸ 象形字典 (Vividict. com)。 URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=9188> (дата обращения: 22.05.2024).

出弋 — выехать охотиться (出 — выходить, выезжать, 弋 — охотиться);
 弋取 — получить, поймать (弋 — стрелять из лука, 取 — брать);
 子釣而不綱, 弋不射宿 — перевод Л.С. Переломова: «Учитель всегда ловил рыбу удочкой и не ловил сетью; стрелял птицу летящую и не стрелял птицу сидящую» (Переломов, 1998, с. 351). В данном отрывке 弋 переведено как стрелял.

Во всех вышеприведенных примерах иероглиф 弋 выступает как глагол, в своем ослабленном значении (в результате метонимического сдвига), а не в своем первичном значении (палка; лук).

Перейдем к рассмотрению механизмов ослабления интериоризованных знаков, то есть иероглифов, формально сохранивших графическую форму. В качестве примера будет проанализирован знак 辵 чо (идти с остановками)⁹ (рис. 6).

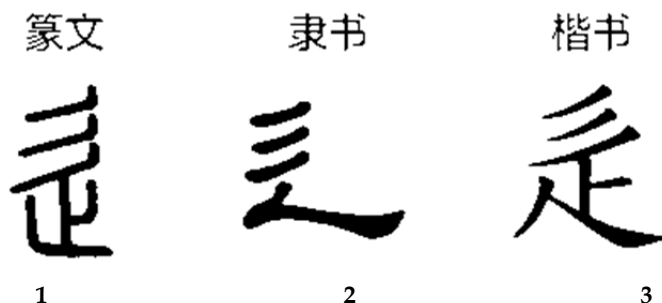

Рис. 6. Эволюция написания иероглифа 辵 чо (идти с остановками)

Рассматривая форму данного иероглифа в эволюционном развитии, можно сделать вывод, что в структурном плане в иероглифе не происходит радикальных изменений — меняется форма черт, но не их положение, также не наблюдается появление новых элементов или исчезновение имеющихся черт.

Иероглиф состоит из двух компонентов — 辵 (шагать) в верхней части и 止 (стоять) в нижней. Первый компонент, со значением действия 辵 (шагать) изначально буквально изображает левую часть широкой дороги. Далее на основе метонимического переноса по модели (объект — функция) происходит развитие значения данного компонента: дорога — шагать. Значение второго компонента 止 (стоять) приобретает по той же метонимической модели. Изначально этот иероглиф обозначает стопу, далее на основе модели (объект — функция) происходит перенос значения: стопа — стоять. Итак, два компонента (шагать и стоять) образуют вместе иероглиф 辵 чо (идти с остановками). Важно отметить, что этот иероглиф в современном написании в составе других иероглифов имеет иной вид — упрощенный 辵.

⁹ 字形演变 // 国学大师古典图书集成。 URL: <https://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/9474zy/> (дата обращения: 22.05.2024).

Рассмотрим примеры иероглифов, включающих в свою структуру компонент 走 走:

進 进 (продвигаться; идти вперед; входить) состоит из двух компонентов 隹 — короткохвостая птица и 走 (走) — идти.

В этом иероглифе изображается следующая ситуация — птица не может пятиться, она может идти только вперед, поэтому данный иероглиф обозначает действие, которое совершается с развернутым вперед телом — входить или продвигаться. Очевидно, действие обозначается через сложение двух компонентов на основе метафорического механизма (источник + цель) (Feng, 2023, p. 9). Компонент 走 является областью-целью — конкретным действием (вхождение/продвижение вперед), а знак 隹 (короткохвостая птица) выступает областью-источником, который характеризует данное действие. Иными словами, птица не умеет пятиться, поэтому ходит только вперед. Следовательно, общее значение иероглифа 進 进 (входить) основано на метафоре — идти идентично / подобно птице.

Проанализируем другой пример — иероглиф 邊 边 (край) состоит также из смыслового компонента — 辵 (идти) и фонетической части — 粦 мянь. Значение данного иероглифа является результатом метонимического ослабления знака 辵 (идти) по модели: действие — результат (Рунова, 2007, с. 8). Другими словами, результатом хождения является достижение края.

Из приведенных выше примеров следует, что иероглиф 走 走, употребляясь в составе других иероглифов, дает им свое значение действия, обозначающее процесс ходьбы и передвижения. В свою очередь, на основе механизма метафоры и метонимии происходит ослабление значения иероглифа 走 走, и, как следствие, порождение новых иероглифов.

6. Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, первые иероглифические знаки представляют собой буквальные изображения реальных объектов (сильные знаки). При этом стоит отметить, что это изображения не носят универсального характера отображения, они не лишены культурной специфики. Так, например, если солнце — это его буквальное и в целом универсальное изображение в форме круга, то изображение женщины уже имеет культурную специфику — она представлена в позе поклона, что является важной характеристикой китайского древнего общества. В иероглифе 女 女 заложены определенные ассоциации.

Во-вторых, в результате анализа 214 единиц официальных графем были выявлены регулярные закономерности в изменении графической формы знаков. Так, мы пришли к выводу, что существует три механиз-

ма семиотического ослабления формы иероглифических знаков — упрощение формы по механизму ослабления от рисунка к условному знаку; усложнение формы от рисунка к условному знаку; сохранение формы иероглифического знака на основе механизма интериоризации.

В-третьих, на примере иероглифа 𐀀 и (*стрелять из лука*) была продемонстрирована непосредственная взаимосвязь изменения значения от изменения формы. Появление дополнительных элементов у иероглифа стимулирует развитие значения вплоть до смены части речи. Так, иероглиф с изначальным значением *деревянный колышек* развивается сначала до значения *лук* и далее обретает иную функциональную принадлежность со значением *стрелять, охотиться, искать*.

В-четвертых, в ходе анализа ослабления формы написания иероглифических знаков, было замечено, что происходят семантические сдвиги. Был сделан вывод, что наряду с ослаблением формы возможно выявление механизмов ослабления значения иероглифических знаков. Так, на основе трех типов ослабленных знаков (упрощенных, усложненных и сохраненных) продемонстрированы два механизма ослабления значения данных иероглифов — метафорическое и метонимическое ослабление.

7. Перспективы исследования

Итак, на основе проанализированного материала мы выдвинули предположение, что параллельно с ослаблением формы происходят ослабления значения иероглифических знаков на основе метонимии и метафоры, что требует более глубокого изучения практического материала с целью подтверждения или опровержения данного вывода. Дальнейшие исследования в области функционирования закона семиотического ослабления в иероглифической системе также позволят выявить иные модели ослабления (развития) значения иероглифических единиц.

Список литературы

- Васильев В. П. Анализ китайских иероглифов. СПб., 1898. Ч. 1.
Выготский Л. С. История развития высших психических функций. М., 2023.
Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М., 2020.
Клейман Б. М. Роль слова при семиотическом ослаблении в библейских текстах // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2015. Вып. 95, № 10 (365). С. 96–100.
Комкова А. С. Феномен семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультуре VII–XI вв. Новосибирск, 2017.
Крушевский Н. Очерки науки о языке. Казань, 1883.
Культурные трансферы: проблемы кодов / А. С. Центнер, О. В. Хоцкина, М. А. Ивлева, Б. М. Клейман, А. В. Проскурина ; под ред. С. Г. Проскурина. Новосибирск, 2015.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М., 2004.
Льюис Д. Общая семантика // Семиотика / пер. с англ. В. З. Демьянкова. М., 1983. С. 253–285.

- Морэ А. Египетские мистерии / пер. с фр. С. В. Архиповой. М., 2009.
- Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь Юй». М., 2001.
- Петров А. А. Ван Би (226–249). Из истории китайской философии. М.; Л., 1936.
- Проскурин С. Г. Семиотика. Язык, культура, право : учеб. пособие. СПб., 2023.
- Рунова Н. В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / пер. с фр. А. М. Сухотина. М., 1977. С. 31–274.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004.
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993.
- Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. с ит. В. Резник и А. Погоняйло. СПб., 2006.
- Feng L. Research on the formation of Chinese characters // Journal of Neuro and Spine. 2023. Vol. 1, №1. P. 1–15. doi: 10.33140/JNS.
- Jin X. New interpretation of Western semiotics from the perspective of symbolic concepts in Zhouyi // Language and Semiotic Studies. 2021. Vol. 7, №1. P. 57–78. doi: 10.1515/lass-2021-070103.
- Morris Ch. Signs, language and behavior. N. Y., 1946.
- Wang M., Cai Y., Gao L., Feng R., Jiao Q., Ma X. et al. Study on the evolution of Chinese characters based on few-shot learning: From oracle bone inscriptions to regular script // PLOS One. 2022. Vol. 17, №8. P. 1–17. doi: 10.1371/journal.pone.0272974.
- Zhang L. On the Chinese resistance to lexical borrowing: a writing-driven self-purification system // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11: 33. P. 1–9. doi: 10.1057/s41599-023-02556-3.
- 刘叶球. 字典的先河 ——《说文解字》// 柴剑虹、李肇翔主编. 北京, 2001. 页. 887–900.

Об авторах

Сергей Геннадьевич Проскурин, доктор филологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-7244-264X

E-mail: s.proskurin@mail.ru

Дарья Сергеевна Лебедева, аспирант, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия; ассистент, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия.

ORCID ID: 0009-0008-0722-0096

E-mail: darja.lebedeva2012@yandex.ru

Для цитирования:

Проскурин С. Г., Лебедева Д. С. Механизмы семиотического ослабления иероглифических знаков китайской письменности // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 103–124. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-7.

HIEROGLYPHIC SIGN WEAKENING MECHANISMS

Sergei G. Proskurin¹, Daria S. Lebedeva^{1, 2}

¹Novosibirsk State Technological University,
20 Karl Marx St., Novosibirsk, 630073, Russia

²Siberian Institute of Management of RANEPА,
6 Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russia

Submitted on 12.02.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-7

This article is the study of the Chinese characters through the semiotic weakening law. The hieroglyphic sign shapes the Chinese linguistic and cultural domain following the unique algorithm to code information. However, the linear principle of the Indo-European semiotics can hardly be applied to the Chinese semiotics with the hieroglyph sign at its heart. This makes the problem of the research obvious, that is to study cognitive processes that underlie the formation of the Chinese characters. The objective of the research is to identify the basic mechanisms of the hieroglyphic signs weakening. This research is based on the works of Charles S. Peirce, Charles W. Morris, Yuri S. Stepanov, Sergey G. Proskurin, Viktor P. Vasiliev, Lev S. Vygotsky, Xue Jin, Li Feng, and others. The analysis of 214 characters has revealed the basic mechanisms of weakening. The general scientific methods are as follows: grapheme analysis to study the structural components of the hieroglyphic sign, semantic and etymological analysis to trace the evolution of the form and meaning of a character. The research has revealed the following weakening mechanisms: simplification, complication, preservation. These changes in form trigger semantic variations based on metaphoric and metonymic shifts. To study the mechanisms of sign formation is of significance because it enables us to solve the problems in intercultural communication. The investigation of the cognitive processes that underlie the formation of the hieroglyphic code allows us to get a deeper insight into how the native speakers of the Chinese language categorize reality.

Keywords: *semiotic weakening law, the Chinese language, Chinese character, classification of characters, metonymy, metaphor*

References

- Eco, U., 2006. *Otsutstvuyushchaya struktura: vvedenie v semiologiyu* [Missing Structure: An Introduction to Semiology]. Translated by V. Reznik and A. Pogonyailo. St. Petersburg (in Russ.).
- Feng, L., 2023. Research on the Formation of Chinese Characters. *Journal of Neuro and Spine*, 1 (1), pp. 1–15, <https://doi.org/10.33140/JNS>.
- Gotlib, O.M., 2020. *Osnovy grammatologii kitaiskoi pis'mennosti* [Fundamentals of the Grammatology of Chinese writing system]. Moscow (in Russ.).
- Jin, X., 2021. New Interpretation of Western Semiotics from the Perspective of Symbolic Concepts in Zhouyi. *Language and Semiotic Studies*, 7 (1), pp. 57–78, <https://doi.org/10.1515/lass-2021-070103>.
- Kleyman, B.M., 2015. The role of a word in semiotic weakening in biblical texts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 95 (10), pp. 96–100 (in Russ.).

- Komkova, A.S., 2017. *Fenomen semioticheskogo oslableniya v anglosaksonskoi lingvo-kul'ture VII – XI vv.* [Semiotic weakening phenomenon in the Anglo-Saxon linguistic-cultural tradition]. Novosibirsk (in Russ.).
- Krushevsky, N.V., 1883. *Ocherki nauki o yazyke* [Essay on the Science of Language]. Kazan (in Russ.).
- Lakoff, G. and Johnson, M., 2004. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated by A.N. Baranov and A.V. Morozova. Moscow (in Russ.).
- Lewis, D., 1983. *General semantics*. In: Yu.S., Stepanov, ed. *Semiotika* [Semiotics]. Translated by V.Z. Demyankov. Moscow, pp. 253–285 (in Russ.).
- Liu, Y., 2001. 说文解字 [Shuowen jiezi]. In: 柴剑虹、李肇翔, ed. 字典的先河 – 《说文解字》 [The first dictionary – “Shuowen Jiezi”]. Beijing, pp. 887–900 (in Chinese).
- Moret, A., 2009. *Egipetskie misterii* [Mystères égyptiens]. Translated by S.V. Arhipova. Moscow (in Russ.).
- Morris, Ch., 1946. *Signs, Language and Behavior*. New York.
- Perelomov, L.S., 2001. *Konfutsii: «Lun' Yui»* [Confucius: “Lun Yu”]. Moscow (in Russ.).
- Petrov, A.A., 1936. *Van Bi (226 – 249). Iz istorii kitaiskoi filosofii* [Wang Bi (226–249). From the history of Chinese philosophy]. Moscow; Leningrad (in Russ.).
- Proskurin, S.G., 2023. *Semiotika. Yazyk, kul'tura, pravo : uchebnoe posobie* [Semiotics. Language, culture, law: textbook]. St. Petersburg (in Russ.).
- Proskurin, S.G., ed., 2015. *Kul'turnye transfery: problemy kodov* [Cultural transfers: the problem of codes]. Novosibirsk (in Russ.).
- Runova, N.V., 2007. *Kognitivnye osnovy obrazovaniya novykh metonimicheskikh znachenii sushchestvitel'nykh (na materiale angliiskogo yazyka)* [Cognitive foundations of the formation of new metonymic meanings of nouns (based on the material of the English language)]. PhD thesis. Moscow (in Russ.).
- Saussure, F. de, 1977. *Course in General Linguistics*. In: A.A. Kholodovich, ed. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Scientific works on linguistics]. Translated by A.M. Sukhotin. Moscow, pp. 31–274 (in Russ.).
- Stepanov, Yu.S. and Proskurin, S.G., 1993. *Konstanty mirovoi kul'tury. Alfavitny i alfavitnye teksty v periody dvoeveriya* [Constants of world culture. Alphabets and alphabetic texts in the periods of the Dual Faith]. Moscow (in Russ.).
- Stepanov, Yu.S., 2004. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants: dictionary of Russian Culture]. Moscow (in Russ.).
- Vasil'ev, V.P., 1898. *Analiz kitaiskikh ieroglifov. Ch. 1.* [The analysis of Chinese characters. Part I]. St. Petersburg (in Russ.).
- Vygotsky, L.S., 2023. *Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii* [The history of development of higher psychological processes]. Moscow (In Russ.).
- Wang, M., Cai, Y., Gao, L., et al., 2022. Study on the evolution of Chinese characters based on few-shot learning: From oracle bone inscriptions to regular script. *PLoS ONE*, 17 (8), pp. 1–17, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0272974>.
- Zhang, L., 2024. On the Chinese resistance to lexical borrowing: a writing-driven self-purification system. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11 (33), pp. 1–9, <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02556-3>.

The authors

Prof. Sergei G. Proskurin, Novosibirsk State Technological University, Novosibirsk, Russia.

ORCID: 0000-0001-7244-264X

E-mail: s.proskurin@mail.ru

Daria S. Lebedeva, PhD student, Novosibirsk State Technological University, Novosibirsk, Russia; assistant, Siberian institute of management of RANEPА.

ORCID: 0009-0008-0722-0096

E-mail: darja.lebedeva2012@yandex.ru

To cite this article:

Proskurin, S.G., Lebedeva, D.S., 2025, Hieroglyphic sign weakening mechanisms, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 103–124. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

**«КОГДА БЫ ЖИЗНЬ ДОМАШНИМ КРУГОМ»
В УСЛОВНЫХ РАССУЖДЕНИЯХ ФРЕГЕВСКИХ БЕЗУМЦЕВ
И ЛОГИЧЕСКИХ ШТРАФНИКОВ**

Е. Н. Лисанюк^{1, 2}

¹ Институт философии Российской академии наук,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12 стр. 1

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Поступила в редакцию 15.12.2023 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-8

Обосновано положение о том, что необходимым условием спора об истине выступает не наличие носителей неидеальной логической мысли, а многообразие подходов к реконструкции логической формы условных рассуждений, предполагающее диверсификацию способов решения логических задач. Актуальность исследования продиктована дискуссиями о логических чужаках – фантастических безумцах, в которых Фреге воплотил свою идею невозможности отрицать необходимый характер логических законов в познании истины, в контексте расширения спектра формально-логических инструментов моделирования аргументации и рассуждений. Опираясь на современные исследования условных рассуждений, на примере условного рассуждения Онегина из письма Татьяне мы показываем, что существуют разные, включая конкурирующие между собой, способы его реконструкции. В духе Фреге мы конструируем понятие логических штрафников – неидеальных мыслителей нашего «домашнего круга», которые вследствие ограниченных интеллектуальных ресурсов подчас довольствуются не наилучшими результатами в рассуждениях и оказываются единственными участниками спора об истине в силу невозможности такого спора с идеальными мыслителями или логическими чужаками. Понятие логических штрафников позволяет иллюстрировать положение о том, что условием возможности спора об истине являются не различия во взглядах людей, а многообразие способов их обоснования.

Ключевые слова: *кондиционалы, логические законы, триада Фреге, демонстративные, вероятностные и немонотонные рассуждения, ошибки рассуждений*

1. Введение

«Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел... я, верно б, вас одну избрал», – таким условным рассуждением Евгений Онегин стремится убедить Татьяну Ларину, героиню романа «Евгений Онегин» Александра Сергеевича Пушкина, в том, что он не отвечает взаимностью на ее романтические чувства не потому, что она не понравилась ему, как расценивает это Татьяна, но потому что это означало бы вступить в брак, а он «не создан для блаженства» семейного счастья (Пушкин 1960, с. 79).

Рассуждение Онегина является условным, потому что одним из его элементов выступает условное предложение — кондиционал вида

Ѓ Если *A*, то *C*.

Условные рассуждения обычно состоят из хотя бы одного Ѓ, взятого вместе с утверждением или отрицанием его антецедента *A* или консеквента *C*. Это едва ли не самые распространенные фигуры умозаключений¹, напоминающие форму правила вообще. Дискуссии о логическом понимании предложений вида Ѓ и логической форме условных умозаключений начались еще в древности (Стяжкин, 1967). В XX веке они послужили источником становления ряда направлений в современной логике, включая расширения пропозициональной логики, немонотонную и вероятностную логику.

Условное рассуждение Онегина можно толковать по-разному в русле того, как в этих направлениях решают логическую задачу установления истинности заключения на основе истинности посылок. Читатель может понять его в смысле демонстративного умозаключения — условно-категорического силлогизма *modus tollens* (MT), выступающего одним из основных правил умозаключений в пропозициональной логике:

- (1) 1.1. Если девушка нравится юноше, он ей не отказывает.
- 1.2. Онегин отказывает Татьяне.
- 1.3. [Значит,] Татьяна не нравится Онегину.

Вслед за Татьяной можно в смысле недемонстративного немонотонного рассуждения истолковать отказ Онегина в качестве признака, подтверждающего ее предположение о прогностической связи отказа с отсутствием романтических чувств:

- (2) 2.1. Если девушка не нравится юноше, он ей откажет.
- 2.2. Онегин отказывает Татьяне.
- 2.3. [Значит,] Татьяна не нравится Онегину.

И наконец, вместе с Евгением, предъявляющим сложное вероятностное умозаключение с контрфактическим условием в посылках, можно трактовать его в пробабилистском смысле как нацеленное выяснить условную вероятность истинности заключения:

- (3) 3.1. [Татьяна нравится Онегину].
- 3.2. [Поэтому] если бы Онегин желал семейной жизни, то не отказал бы ей.
- 3.3. [Но] раз Онегин не желает семейной жизни, то отказывает ей.

Реконструкции (1)–(3) условного рассуждения Онегина не исключают иных версий. Назовем версии (1)–(3) для удобства демонстративной, гипотетической и вероятностной соответственно, по аналогии с видами умозаключений. Персонификация (1)–(3) как принадлежащих читателю, Татьяне и Онегину продиктована удобством изложения, и автором их всех можно назвать А. С. Пушкина или читателя.

¹ Мы отвлекаемся от случаев, когда лингвистическая форма предложения со связкой *если... то* выражает отношения между его частями, отличные от обусловленности, вроде: *Если Онегин в деревне скучал, то Ленский наслаждался.*

Разночтения читателя, Татьяны и Онегина в понимании условного рассуждения последнего подразумевают реконструкции его логического строения в терминах разных логических теорий и ведут к несовместимым результатам оценки истинностного значения предложений 1.3, 2.3 и 3.1, выполняющих неодинаковые функции в рамках решения одной и той же логической задачи. Предложение 3.1 — это посылка вероятностного рассуждения Онегина, и, по его мнению, это истинное предложение, выступающее условием (задачи) для оценки степени вероятности того, что 3.3 истинно. Несмотря на то что противоположные 3.1 предложения 1.3 и 2.3 оба истинные, их истинность имеет разный статус. Демонстративную истинность 1.3 читатель по логическому правилу дедуцирует из истинности посылок — предложений, описывающих факты отказа 1.2 и обусловленности отсутствия отказа романтической привязанностью 1.1. К гипотетической, или абдуктивной, истинности 2.3. Татьяна приходит, расценив факт отказа Онегина 2.2 как признак, подтверждающий ее гипотезу 2.1.

Если смотреть широко на способы решения логической задачи по установлению истинности какого-либо предложения, включая в него все три упомянутые выше, то для рассуждения Онегина не существует единственно верной реконструкции. Вместе с тем если вслед за Готтлобом Фреге эту задачу сводить исключительно к формальному выведению истинности заключения из истинности посылок, то единственно верной реконструкцией будет (1), а (2) и (3) окажутся заблуждениями — примерами того, как установление истины путают с эвристиками содержательного изучения конкретных истин наподобие того, как разные науки стремятся к овладению своими предметными истинами. В отличие от них лишь логика раскрывает смысл слова «истинно» (Фреге, 2000а, с. 288), изучая формы движения мысли к ней — «законы логики как законы, которые предписывают способ, каковым должно думать, как законы истины». Когда в поисках истины вместо того, чтобы следовать законам логики, ошибочно полагаются на «естественные законы того, что человеческие существа полагают истиной», принимая эвристики за логику, это нередко приводит «к противоположным результатам даже на практике», к которым Фреге отнес бы толкования рассуждения Онегина в духе (2) или (3). Если бы были обнаружены люди, следующие подобной логике, это указало бы на «неизвестную доселе разновидность безумия» (Frege, 1964, р. XIV). Поскольку осмысление истины — дело исключительно логики, постольку в спорах об истине Фреге отвел ей роль арбитра, а метафорой безумцев иллюстрировал невозможность отрицать тезис о необходимости логических законов, выдвинутый задолго до него.

Замечательное многообразие логических систем, разработанное к началу XXI века, привело к расширению спектра формальных инструментов моделирования рассуждений, способных приводить к результатам их анализа, подчас несовместимым между собой. Эта несовместимость коренится не в альтернативном толковании постулатов логики (Прист, 2022), а в том, что логические теории — это теории онтологиче-

ских и эпистемических допущений, которыми они и отличаются между собой, но они не предназначены быть универсальными инструментами для анализа рассуждений и аргументации в любой области знания, хотя широко для этого применяются (Шалак, 2022, с. 95). Фрегевская персонификация отрицания тезиса о необходимости логических законов в метафоре фантастических носителей альтернативной логики, исключив их существование, актуализировала вопрос об участниках спора об истине. Фрегевские безумцы либо невозможны, либо из-за своей альтернативной логики находятся вне юрисдикции логики во фрегевском смысле. Между идеальными логическими мыслителями спор об истине тоже невозможен в силу избыточности, о чем сигнализирует проблема логического всеведения. Единственными кандидатами на участие в спорах об истине оказываются логические штрафники — подверженные когнитивным искажениям и прочим ошибкам неидеальные мыслители нашего домашнего круга с ограниченными ресурсами внимания и памяти (Саймон, 1993). Мы называем их штрафниками из-за эпистемического урона (потенциального) снижения качества знания, и логическими в силу его причин — логических ошибок и других заблуждений, связанных с их готовностью в интеллектуальном познании истины полагаться не только на логические законы, но и на другие правила рассуждений, подчас не наилучшие.

В прагма-коммуникативном аспекте логические штрафники способны реконструировать рассуждение Онегина в версии (1), которой придерживались бы все до одного идеальные фрегевские мыслители, что исключило бы возможность его обсуждения, но также и в версиях (2) или (3), что, наоборот, открывает перспективу для дискуссий и выступает условием возможности дискуссии об альтернативной логике фрегевских безумцев, как будет показано в п. 2. В п. 3 будет рассмотрен прагма-семантический аспект расхождения во мнениях на примере реконструкции условных рассуждений. Синтаксическая и семантическая неопределенность естественного языка подразумевает возможность осуществлять такие реконструкции средствами разных логических систем, как в (1), (2) и (3). Обсудив оба аспекта в качестве условий споров об истине, в заключении мы приходим к выводу о том, что к их условиям относится диверсификация в реконструкции логической формы рассуждений, но не персонификация его участников в логических штрафниках, как и остающихся вне его — во фрегевских безумцах или идеальных мыслителях.

2. Фрегевские безумцы и логические штрафники

В этом разделе мы рассмотрим особенности фрегевских логических безумцев и выясним, почему их обсуждение подразумевает логических штрафников.

Метафорой безумцев Фреге иллюстрировал три аспекта нацеленности логики на решение задачи осмысления истины — особого онтологического объекта, отличного от мира вещей или представлений лю-

дей. Все три аспекта нашли выражение в особенностях, которыми он наделил безумцев: они приходят к нелепым результатам рассуждений, противоположным полученным по законам логики, вследствие своей альтернативной логики, используемой ими для установления истинности предложений.

Первый аспект фреговской метафоры — это антипсихологизм в логике. Психологи́сты допускали, что законы мышления у разных людей могут быть разными, потому что явным образом различаются содержания их мыслей. Фреге возражал против того, чтобы последнее различие содержаний мыслей людей отождествлять с логическими значениями предложений, посредством которых они выражены. «Может ли в этом случае смысл моей теоремы Пифагора быть истинным, а его — ложным?» (Фреге, 2000в, с. 334). Расхождения во мнениях между людьми по разным вопросам, включая нелепые результаты рассуждений, служат необходимым условием для возникновения споров. Необходимую опору для их разрешения Фреге видел в логических законах, в отсутствие которой споры об истине невозможны: ведь если каждый признавал бы только свое мнение, не признавая мнений других, то знания сделались бы сугубо субъективными и невозможны были бы ни наука, ни конфликт мнений в силу отсутствия общего основания взаимопонимания.

Абсурдность идеи альтернативной логики в качестве конкурирующей формальной выводимости — это второй аспект метафоры, связанный со второй особенностью фреговских безумцев. Он иллюстрирует безальтернативность нацеленности логических законов на раскрытие смысла слова «истинно», а не самих логических законов, позволяющих в формальном смысле по-разному выводить истинность одних предложений из других, например средствами пропозициональной логики, силлогистики или модальной логики.

С этим аспектом связано появление современного термина «логические чужаки» для указания на фреговских безумцев. Джеймс Конант, излагая различные теоретические основания, в силу которых тезиса о необходимом характере логических законов придерживались многие философы, назвал его отрицание «логически чуждой мыслью» (*logically alien thought*) (Conant, 1991). Фреговская метафора открыла новую страницу обсуждения этого тезиса, воплотив невозможность его отрицания в носителей мысли. Этим она не только исключила возможность существования разумных носителей такой безумной мысли, которые полагались бы на заведомо не ведущие к истине альтернативные логические законы, но и отграничила от них авторов нелепых результатов, поместив внутри домашнего круга рассуждающих, которые порой сбиваются на пути к ней.

Вторая особенность логических чужаков подразумевает, что их первичным признаком являются нелепые результаты, потому что вряд ли станут искать альтернативную логику в рассуждениях, заключения которых совпадают с полученными по имеющимся логическим правилам. Так или иначе для выяснения этого с кандидатами в чужаки потребуется вступить в дискуссию о способах получения нелепых результатов, чтобы выяснить, являются ли их источником вкравшиеся ошибки, аль-

тернативная логика или что-то еще. В первом случае речь идет о логических штрафниках, зачисление которых в логических чужаков делает невозможным исправление заблуждений. Этот случай видится рутинным путем проб и ошибок в познании истины. С выявлением прочих источников нелепых результатов возникают затруднения.

Об одном из них сигнализирует третий аспект метафоры, указывающий на бесцельность спора об истине с безумцами не из-за того, что какие-то истины недоступны их уму, но потому, что истинность мысли, по Фреге, не рождается в результате ее открытия теми, кто ее мыслит, а может стать лишь результатом ее постижения через умозаключение по логическим законам (Фреге, 2000в, с. 338). С фрегевскими безумцами спор об истине невозможен также и вследствие невозможности выразить логически чуждую мысль в языке, потому что «все, что лежит по ту сторону границы, будет просто лишено смысла», настаивал Людвиг Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (Витгенштейн, 2005, с. 14). С этим же аспектом связана третья особенность фрегевских безумцев, состоящая в том, что нелепые результаты их рассуждений выступают симптомом альтернативной логики лишь в решении логических задач установления истины, когда за логические законы принимают эвристики, или неформальные приемы рассуждений, хорошо рекомендовавшие себя в поиске предметных истин в разных науках. Однако вне спора об истине с авторами нелепых результатов невозможно выяснить, какую задачу они решали — логическую или нет.

Важный вклад в то, чтобы не перепутать логически своих штрафников с логическими чужаками, внесла триада Фреге, добавившая инстанцию смысла в двухэлементную семантическую модель «знак — значение», и представившая логические законы способами данности смысла истины в референциальном понимании. Фреге считал различие в способах данности значения не менее существенным, чем соответствие между знаком и значением, в установлении которого видела истину двухэлементная модель, фундирующая классическую корреспондентную концепцию истинности. Триада Фреге позволила провести границу между осмыслением истины в логике посредством логических законов и изучением конкретных истин разными науками, ведь различие в способах данности «может иметь место лишь тогда, когда различие знаков соответствует различию в том, каким способом задано обозначаемое» (Фреге, 2000б, с. 230).

Триада позволяет понять, почему распространенность логических ошибок и прочих недочетов в рассуждениях, сигнализирующих о нарушении каких-либо правил, не делает эти нарушения способами данности логических законов истины и едва ли может служить надежной границей между безумцами и штрафниками. В двузначной семантической модели каждая ошибка — случайное отклонение на пути к истине, происходящее от незнания чего-либо, так что обнаружение ошибки вне (знания) нарушаемого ею правила исключено. Людям свойственно устранять ошибки после того, как им разъяснят правильный ход мысли, поэтому нет причин считать умение их исправлять ме-

нее значимой когнитивной реальностью по сравнению с первоначальными заблуждениями (Бентем, 2011). Триада Фреге сыграла важную роль в понимании эвристических, «сводящих сложную задачу оценки вероятности суждения и прогноза значений к более простым операциям суждений. Часто эти эвристические методы приносят пользу, но иногда ведут к грубым и систематическим ошибкам» (Канеман, Тверски, 2020, с. 548), устранимым при помощи логики или вычислений, для которых существуют строгие критерии правильности. Воспользоваться эвристикой в ситуации затруднения с определением типа задачи или приемов ее решения — такой подход часто оказывается лучшим решением и находит выражение в житейских правилах вроде «лучше меньше, да лучше» (Gigerenzer, Gaissmaier, 2011).

Таким образом, нелепые результаты рассуждений как первичный симптом фрегевских безумцев могут говорить о трех вещах: об альтернативной логике, и тогда речь идет о безумцах, а также, что случается едва ли не с каждым мыслителем, за исключением идеальных и безумцев, — об ошибке в рассуждениях или о различии в понимании смысла самой задачи. Ошибки рассуждений не являются способами данности логических правил, нарушениями которых они выступают. Для того чтобы ответить на вопрос об источнике данной нелепости, с кандидатами в безумцы придется вступить в спор об истине, что подразумевает признание их не безумцами, а логическими штрафниками, с учетом того, что с логическими чужаками такой спор невозможен.

3. Условное предложение и условные рассуждения

В этом разделе мы обсудим подходы к пониманию условного предложения, влияющие на оценку условного рассуждения, и покажем, что различные реконструкции логического строения таких рассуждений возможны независимо от того, кто является их автором.

Существует три основных трактовки K , нашедшие выражение в реконструкциях (1)–(3) рассуждения Онегина. В дескриптивной трактовке K — это описательное предложение в индикативном наклонении. Две другие трактовки представляют K недескриптивно в сослагательном наклонении или как осуществление какого-либо речевого действия в диалоге. В первом случае K выражает мысль о наличии ситуации обусловленности, обладающую логическим значением в том же смысле, в каком предложение 1.2 *Онегин отказывает Татьяне* описывает этот факт и по сюжету романа является истинным, а его отрицание — ложным. Истинность K в таком прочтении выражают истинностной функцией материальной импликации $A \rightarrow C$, которая является наиболее простым способом выражения условной связи, однако не передает смысл причинной связи, подразумеваемой в слове «если», как подмечал Фреге (2000а, с. 72). Для того чтобы выразить такую связь, в XX веке были предложены формальные экспликации K в недескриптивной трактовке, включая такие, как в (2) или (3).

В сослагательном прочтении Ѕ характеризует вероятность C при условии A , в духе теста Рамсея (Рамсей, 2003, с. 193): если в предложении *Если A , то C* двое сомневаются по поводу C , то они гипотетически добавляют A к корпусу своих взглядов и в связи с этим спорят о C , так что в этом смысле *Если A , то C* и *Если A , то не- C* образуют противоречие, и можно сказать, что они вносят поправки в степень своей уверенности в C при условии A . Такое прочтение Ѕ можно сформулировать и без обращения к вероятностным терминам при помощи семантики возможных миров или пересмотра убеждений соответственно: Ѕ истинно в возможном мире W_i , в котором истинно C , если и только если в W_i истинно A , и W_i минимально отличается от действительного мира W_0 , что устанавливается при помощи специальной функции выбора (Stalnaker, 1970); Ѕ принимается относительно корпуса мнений K , если и только если наименьшее изменение K , необходимое для того, чтобы принять A , требует также и принятия C (Gärdenfors, 1986).

Выбор моделей интерпретации условной посылки может быть продиктован индикативной или сослагательной трактовкой Ѕ . В первом случае рассуждающие будут придерживаться моделей A и C , $\neg A$ и $\neg C$, или $\neg A$ и C , отбрасывая A и $\neg C$. Во втором случае из четырех моделей рассуждающие отбрасывают две как непригодные. Если стоит задача оценить C при условии A , как в (3), то для ее решения рассматривают обе модели с истинным A , отбросив как непригодные по условию задачи обе модели с $\neg A$; а если условием выступает $\neg A$, как в (2), то, наоборот, потребуется рассмотреть обе модели с $\neg A$, отбросив обе модели с A .

Реконструкция (2), подразумевающая, как и (3), недескриптивную трактовку Ѕ , может быть понята в прагматическом ключе как допущение, выражающее некую степень уверенности автора в наличии корреляции между A и C , наподобие того, как 2.1 толкует Татьяна, что, в свою очередь, можно понимать как гипотезу о причинной связи A и C , или как приглашение адресатам считать Ѕ истинным в качестве условия задачи.

Как видим, разное понимание условного предложения вида Ѕ ведет к различиям в его использовании в условных рассуждениях и к неодинаковым результатам решения задачи установления истинности заключения. Исследования условных рассуждений в XX веке выявили несколько причин того, что вариативность толкования их логического строения и словесного выражения ставит под вопрос их оценку на соответствие логическим правилам.

Первую из них можно назвать эвристической. Эксперименты по решению задач выбора (selection task) (Wason, 1968) и подавления (suppression task) (Byrne, 1989), в которых испытуемым предлагали строить условные рассуждения на основе обновляемой информации в посылках, показали, что знание логических правил не гарантирует получения верного ответа на вопрос об истинности заключения из посылок вида Ѕ . Ученые предложили тому три различных объяснения, связанных с разным прочтением Ѕ . Первое состоит в важной роли ментальных моделей интерпретации посылок (Johnson-Laird, Byrne, 2002), которые являются порождениями ума, но не относятся к числу того,

что люди обычно осознают (Lakoff, Johnson, 1999). Конкурирующее объяснение дают последователи пробабилистской, или предположительной, концепции (suppositional theory) условных рассуждений (Evans et al., 2005), толкующие их в качестве умозаключений о степени вероятности заключения на основе допущения об истинности посылок.

Дискуссия между сторонниками этих двух концепций высветила отсутствие весомых оснований предпочесть одну из них, разве что применительно к решению тех или иных конкретных задач (Stilgenbauer, Baratgin, 2019), на что неявным образом указывает третье объяснение — вариативность определения типа предлагаемой задачи с точки зрения возможности ее решить на основе доступных ресурсов (Floridi, 2017). «Выявление логической формы — это изобретательская, дизайнёрская, инженерная деятельность, использующая ограниченный набор инструментов и ориентированная на определенные цели» (Драгаллина-Черная, 2015, с. 126).

Второй причиной выступает проблема Фреге — Гича (Geach, 1965), в соответствии с которой посылки и заключение условного рассуждения могут пониматься неодинаково. Разночтения толкований авторов и адресатов ведут к тому, что приемлемые рассуждения в понимании одних выглядят нелепыми или ошибочными в понимании других, как в примерах (1), (2) и (3). Похожим образом, в экспериментах Питера Уейсона и Рут Бёрн неверные рассуждения испытуемых, не сумевших построить умозаключения по МТ, подразумевали толкование \mathcal{J} как индикативного предложения, описывающего ситуацию обусловливания, как в (1). Однако ответы испытуемых можно было бы считать приемлемыми, если бы они распознали в \mathcal{J} не индикативное, а сослагательное предложение, и, решая задачу оценки условной вероятности истинности заключения с учетом предложенных посылок, как Онегин в (3), отбросили бы как непригодные версии с ложным A в духе теста Рамсея, то есть приняли бы истинность A как условие задачи, которого надлежит придерживаться. В этом же ключе можно толковать отказ испытуемых выводить заключение из посылок, которые экспериментаторы предложили считать истинными в качестве условия логической задачи, понятой испытуемыми в качестве задачи на проверку их эмпирических знаний (Лурия, 1982).

Третья причина носит прагматический характер и заключается в эффекте условного усовершенствования (conditional perfection) (Geis, Zwicky, 1971), когда достаточное условие в антецеденте толкуют как необходимое и достаточное, отбрасывая модели интерпретации \mathcal{J} с ложным A как непригодные. С одной стороны, уточнение сведений в посылках в ходе эксперимента, подразумевающее, что первоначальные сведения были неполными, способно подтолкнуть адресата к условному усовершенствованию услышанного в духе грайсовой коммуникативной максимы количества (Грайс, 1985) в предположении, что говорящий \mathcal{J} не является недоинформативным и в A сообщает необходимое и достаточное условие для C (Geurts, 2010). С другой стороны,

ограничением для эффекта условного усовершенствования выступают сужающие спектр толкований лингвомаркеры достоверности, вроде *раз* вместо *если* (Zevakhina, 2022), как в 3.3.

Наконец, четвертую причину можно назвать деперсонифицирующей. Поскольку условная форма рассуждения напоминает форму (применения) правила вообще, постольку всякому рассуждению можно придать «достойный вид, сообщаемый дедуктивно корректной формой» условного умозаключения (Фогелин, 2021, с. 276) вроде (1), сообразно с которым логическим штрафникам нетрудно реконструировать (2) и (3). Это позволяет санкционировать выведение заключения из практически любого предложения вида \mathcal{K} , делая рассуждение «слепым, но непорочным» (Boghossian, Williamson, 2003), вследствие чего толковать любое рассуждение можно и как выполнение некоего правила, и как его нарушение, подмечает в обнаруженном им парадоксе следования правилу Людвиг Витгенштейн (1994). Вместе с тем это делает избыточным рассмотрение вклада рассуждающих в интерпретацию, потому что к необходимым элементам интерпретации относится не разграничение между ее объектом и субъектом с точки зрения ипостаси автора или адресата, а возможность замещения одних мысленных знаков другими, уже артикулированными и оформленными (Золян, 2023, с. 101), как это происходит в логических системах, где одни формализмы — формально-семантические модели — используют для интерпретации других формализмов — формально-синтаксических построений в логических исчислениях.

4. Заключение

Мы рассмотрели понятие логических штрафников, образованное по аналогии с тем, как Фреге воплотил в фантастических безумцев, на современный лад называемых логическими чужаками, свою идею невозможности отрицать необходимый характер логических законов в познании истины. Логические штрафники — это неидеальные мыслители. Им приходится смириться с эпистемическим уроном, возникающим не столько из-за ошибок, порой закрадывающихся в их умопостроения, сколько вследствие ограниченных интеллектуальных ресурсов, из-за которых они подчас вынуждены довольствоваться не наилучшими результатами рассуждений. В отличие от них идеальные мыслители всегда руководствуются логическими законами и получают наилучшие результаты, а нелепые результаты фрегевских безумцев невозможно оценить, потому что они основаны на их альтернативной логике. Однако нелепые результаты рассуждений могут свидетельствовать не только о ней, но и об ошибках рассуждений, а также о различиях в понимании смысла самой задачи, как показали экспериментальные исследования условных рассуждений. Для ответа на вопрос о способе решения задачи с кандидатами в безумцы придется вступить в спор об истине, а это означает признать их логическими штрафниками, а не безумцами, с которыми, как и с идеальными мыслителями, такой спор невозможен.

Фреге назначил логику арбитром в споре об истине, однако участниками такого спора оказывается лишь «домашний круг» логических штрафников. На примере реконструкции условного рассуждения Онегина мы показали, что условием возможности спора об истине выступает не наличие носителей неидеальной логической мысли или интеллектуальных ограничений, а многообразие подходов к реконструкции логической формы условных рассуждений, предполагающее диверсификацию способов решения логических задач.

Благодарности. Исследования Е. Н. Лисанюк поддержаны РФФ, проект №23-18-00695 «Логико-когнитивные модели рассуждений: принципы демаркации нормативного и дескриптивного», реализуемый в НИУ ВШЭ.

Е. Н. Лисанюк признательна В. Г. Денисовой за полезные замечания к предыдущей версии статьи.

Список литературы

- Бентем Й. ван. Логика и рассуждение: много ли значат факты? // Вопросы философии. 2011. №12. С. 67–84.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. М., 1994.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избр. работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М., 2005. С. 14–228.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 217–237.
- Драгалина-Черная Е. Г. Неформальные заметки о логической форме. СПб., 2015.
- Золян С. Т. Прагматика как само-порождение самого-по-себе-субъекта // Вопросы философии. 2023. №7. С. 93–103. doi: 10.21146/0042-8744-2023-7-93-103.
- Канеман Д., Тверски А. Суждения в условиях неопределенности: эвристические методы и ошибки // Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2020. С. 548–571.
- Лурия А. Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М., 1982.
- Прист Г. За пределами мысли. М., 2022.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин // Собр. соч. : в 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 5–199.
- Рамсей Ф. П. Общие пропозиции и причинность // Рамсей Ф. П. Философские работы. Томск, 2003. С. 183–204.
- Саймон Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. М., 1993. Вып. 3. С. 16–38.
- Стяжкин Н. И. Формирование математической логики. М., 1967.
- Фогелин Р. Логика глубокого разногласия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. №64. С. 275–285. doi: 10.17223/1998863X/64/27.
- Фреге Г. Запись в понятиях // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000а. С. 65–212.
- Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000б. С. 230–248.
- Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000в. С. 326–343.
- Шалак В. И. Об истоках множественности логик // Философский журнал. 2022. Т. 15, №4. С. 88–97. doi: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-88-97.
- Boghossian P., Williamson T. Blind Reasoning // Proceedings of the Aristotelian Society. 2003. Vol. 77, №1. P. 225–248.

- Byrne R.M. Suppressing valid inferences with conditionals // *Cognition*. 1989. Vol. 31, №1. P. 61–83.
- Conant J. In search of logically alien thought: Descartes, Kant, Frege and the *Tractatus* // *Philosophical Topics*. 1991. Vol. 20, №1. P. 115–180.
- Evans J.St.B.T., Over D.E., Handley S.J. Suppositions, extensionality, and conditionals: A critique of the mental model theory of Johnson-Laird and Byrne (2002) // *Psychological Review*. 2005. Vol. 112, №4. P. 1040–1052. doi: 10.1037/0033-295X.112.4.1040.
- Floridi L. The logic of design as a conceptual logic of information // *Minds and Machines*. 2017. Vol. 27. P. 495–519. doi: 10.1007/s11023-017-9438-1.
- Frege G. Basic laws of arithmetic / ed. by M. Furth, 1967. Berkeley ; Los Angeles, 1964.
- Gärdenfors P. Belief revisions and the Ramsey test for conditionals // *The Philosophical Review*. 1986. Vol. 95, №1. P. 81–93.
- Geach P.T. Assertion // *The Philosophical Review*. 1965. Vol. 7, №4. P. 445–452.
- Geis M.L., Zwicky A.M. On invited inferences // *Linguistic Inquiry*. 1971. Vol. 2, №4. P. 561–566.
- Geurts B. *Quantity implicatures*. Cambridge, 2010.
- Gigerenzer G., Gaissmaier W. Heuristic decision making // *Annual Review of Psychology*. 2011. Vol. 62. P. 451–482.
- Johnson-Laird P.N., Byrne R.M.J. Conditionals: A theory of meaning, pragmatics, and inference // *Psychological Review*. 2002. Vol. 109, №4. P. 646–678. doi: 10.1037/0033-295x.109.4.646.
- Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. N. Y., 1999.
- Stalnaker R. Probability and conditionals // *Philosophy of Science*. 1970. Vol. 37, №1. P. 64–80.
- Stilgenbauer J.-L., Baratgin J. Assessing the accuracy of diagnostic probability estimation: Evidence for defeasible modus ponens // *International Journal of Approximate Reasoning*. 2019. Vol. 105, №8. P. 229–240. doi: 10.1016/j.ijar.2018.11.015.
- Wason P.C. Reasoning about a rule // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1968. Vol. 20, №3. P. 273–281.
- Zevakhina N. Veridicality and the cause-effect relation in Russian *esli*- and *raz*-conditionals: experimenting with conditional perfection and logical entailment // *Linguistics Vanguard*. 2022. Vol. 8 (s4). P. 401–412. doi: 10.1515/lingvan-2021-0037.

Об авторе

Елена Николаевна Лисанюк, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-0135-4583

E-mail: elisanyuk@hse.ru

Для цитирования:

Лисанюк Е.Н. «Когда бы жизнь домашним кругом» в условных рассуждениях фрегевских безумцев и логических штрафников // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 125–139. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-8.

“WHEN LIFE WAS IN THE HOME CIRCLE”
IN THE CONDITIONAL REASONINGS OF FREGEAN MAD-HUMANS
AND LOGICAL PENALISTS

Elena N. Lisanyuk^{1, 2}

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
20/1 Goncharnaia St., Moscow, 109240, Russia

² National Research University Higher School of Economics,
20 Miasnickaia St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on 15.12.2023

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-8

We advocate an idea that a necessary condition for a dispute about truth amounts not to the carriers of non-ideal logical thought, but to a variety of approaches to reconstructing the logical form of conditional reasoning, which implies diversification of methods for solving logical tasks. The relevance of the study is conveyed by discussions about logical aliens - fantastical mad-humans, in which Frege embodied his idea of the impossibility of denying the necessary nature of logical laws in the acquisition of truth, in the context of the remarkable diversity of formal logical tools for modeling argumentation and reasoning. Based on modern studies of conditional reasoning, using the example of Onegin's conditional reasoning from a letter to Tatyana, we show that there are different ways of reconstructing it, including competing ones. In the spirit of Frege, we construct the concept of logical penalists - non-ideal thinkers of our "home circle", who, due to their limited intellectual resources, are sometimes content with not the best results in reasoning and who turn out to be the only candidates to participate in a dispute about truth, as such disputes are possible with neither ideal thinkers nor logical aliens. The concept of logical penalists allows us to illustrate the idea that disputes are possible due not to the differences in opinions among humans, but to the variety of ways to justify them.

Keywords: conditionals, laws of logic, Frege's triad, demonstrative, probabilistic and nonmonotonic reasoning, fallacies

References

Bentem, J. van., 2011. Logic and reasoning: how much do facts matter? *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 12, pp. 67 – 84 (in Russ.).

Boghossian, P. and Williamson, T., 2003. Blind Reasoning. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 77 (1), pp. 225 – 248.

Byrne, R.M., 1989. Suppressing valid inferences with conditionals. *Cognition*, 31 (1), pp. 61 – 83.

Conant, J., 1991. In Search of Logically Alien Thought: Descartes, Kant, Frege and the Tractatus. *Philosophical Topics*, 20 (1), pp. 115 – 180.

Dragalina-Chernaya, E.G., 2015. *Neformal'nye zametki o logicheskoi forme* [Informal notes on the logical form]. St Petersburg (in Russ.).

Evans, J.St.B.T., Over, D.E. and Handley, S.J., 2005. Suppositions, extensionality, and conditionals: A critique of the mental model theory of Johnson-Laird and Byrne (2002). *Psychological Review*, 112 (4), pp. 1040 – 1052, <https://doi.org/10.1037/0033-295X.112.4.1040>.

Floridi, L., 2017. The Logic of Design as a Conceptual Logic of Information. *Minds and Machines*, 27, pp. 495 – 519, <https://doi.org/10.1007/s11023-017-9438-1>.

- Fogelin, R., 2021. The Logic of Deep Disagreements. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 64, pp. 275–285, <https://doi.org/10.17223/1998863X/64/27> (in Russ.).
- Frege, G., 1964. *Basic Laws of Arithmetic*. Berkeley; Los Angeles.
- Frege, G., 2000a. Writing in concepts. In: G. Frege, ed. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 65–212 (in Russ.).
- Frege, G., 2000b. About the meaning and significance. In: G. Frege, ed. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 230–248 (in Russ.).
- Frege, G., 2000c. Thought. Logical research. In: G. Frege, ed. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 326–343 (in Russ.).
- Gärdenfors, P., 1986. Belief Revisions and the Ramsey Test for Conditionals. *The Philosophical Review*, 95 (1), pp. 81–93.
- Geach, P. T., 1965. Assertion. *The Philosophical Review*, 7 (4), pp. 445–452.
- Geis, M. L. and Zwicky, A. M., 1971. On invited inferences. *Linguistic Inquiry*, 2 (4), pp. 561–566.
- Geurts, B., 2010. *Quantity implicatures*. Cambridge.
- Gigerenzer, G. and Gaissmaier, W., 2011. Heuristic decision making. *Annual Review of Psychology*, 62, pp. 451–482.
- Grice, H. P., 1985. Logic and speech communication. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow, pp. 217–237 (in Russ.).
- Johnson-Laird, P. N. and Byrne, R. M. J., 2002. Conditionals: A theory of meaning, pragmatics, and inference. *Psychological Review*, 109 (4), pp. 646–678, <https://doi.org/10.1037/0033-295x.109.4.646>.
- Kaneman, D. and Tversky, A., 2020. Judgments in conditions of uncertainty: heuristic methods and errors. In: D. Kaneman, ed. *Dumai medlenno... reshai bistro* [Think slowly... decide quickly]. Moscow, pp. 548–571 (in Russ.).
- Lakoff, G. and Johnson, M., 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York.
- Luria, A. R., 1982. *Etapy proidennogo puti: Nauchnaya avtobiografiya* [The stages of the Journey: A Scientific Autobiography]. Moscow (in Russ.).
- Priest, G., 2022. *Za predelami mysli* [Beyond thought]. Moscow (in Russ.).
- Pushkin, A. S., 1962. Eugene Onegin. In: *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Vol. 4. Moscow, pp. 5–199 (in Russ.).
- Ramsey, F. P., 2003. General propositions and causality. In: F. P. Ramsey, ed. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Tomsk, pp. 183–204 (in Russ.).
- Saimon, G. A., 1993. Rationality as a process and product of thinking. In: *THESIS*, 3. Moscow, pp. 16–38 (in Russ.).
- Shalack, V. I., 2022. On the origins of logical pluralism. *Filosofskii zhurnal* [Philosophy Journal], 15, 4, pp. 88–97, <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-4-88-97> (in Russ.).
- Stalnaker, R., 1970. Probability and conditionals. *Philosophy of Science*, 37 (1), pp. 64–80.
- Stilgenbauer, J.-L. and Baratgin, J., 2019. Assessing the accuracy of diagnostic probability estimation: Evidence for defeasible modus ponens. *International Journal of Approximate Reasoning*, 105 (8), pp. 229–240, <https://doi.org/10.1016/j.ijar.2018.11.015>.
- Styazhkin, N. I., 1967. *Formirovanie matematicheskoi logiki* [Formation of mathematical logic]. Moscow (in Russ.).
- Wason, P. C., 1968. Reasoning about a rule. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 20 (3), pp. 273–281.
- Wittgenstein, L., 1994. Philosophical research. In: L. Wittgenstein, ed. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Part 1. Moscow (in Russ.).

Wittgenstein, L., 2005. A logical and philosophical treatise. In: L. Wittgenstein, ed. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Translated by V. Rudnev. Moscow, pp. 14 – 228 (in Russ.).

Zevakhina, N., 2022. Veridicality and the cause-effect relation in Russian *esli-* and *raz-*conditionals: experimenting with conditional perfection and logical entailment. *Linguistics Vanguard*, 8 (s4), pp. 401 – 412, <https://doi.org/10.1515/lingvan-2021-0037>.

Zolyan, S. T., 2023. Pragmatics as a Self-Generation of a Subject-on-Its Own. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 7, pp. 93 – 103, <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-7-93-103> (in Russ.).

The author

Prof. Elena N. Lisanyuk, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0003-0135-4583

E-mail: elisanyuk@hse.ru

To cite this article:

Lisanyuk E. N., 2025, “When life was in the home circle” in the conditional reasonings of Fregean mad-humans and logical penalists, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 125 – 139. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

К ВОПРОСУ О СИЛЛАБИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СТИХОСЛОЖЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Н. В. Патроева

Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, Петрозаводск, просп. Ленина, 33
Поступила в редакцию 15.05.2024 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-9

Исследование посвящено анализу акцентной архитектоники изосиллабических произведений Феофана Прокоповича. Основной целью предпринятого анализа была проверка гипотезы о постепенном формировании силлабо-тонической системы в недрах слоговиков – гипотезы, не нашедшей поддержки в трудах многих стиховедов, которые настаивали на революционном скачке в области российской версификации, произошедшем благодаря выходу в свет трактата Василия Тредиаковского (1735). В исследовании также осуществлено сопоставление теоретических рекомендаций поэтики и риторики Прокоповича с его собственными версификационными поисками. Наиболее популярным в поэзии Феофана, как и виршевиков – его предшественников и современников, – является тринадцатисложник, жанрово и тематически разнообразный (ода, эпиграмма, надпись, стихотворения «на случай», часть цикла шуточных стихов), однако менее других типов слоговиков метрически упорядоченный и максимально разнообразный в расстановке акцентов, которая активно формирует «инвертированный ритм», описанный А.П. Квятковским и наименее склонный к ритму «константному». Несколько менее употребительны в лирике Феофана одиннадцатисложники (эпитафия, переложения псалмов, послание, эпиграмма, стихотворение «на случай»), редки восьмисложники, семисложники, единственным примером представлен десятисложник. Маргинальными оказываются «неправильные» строки в изосиллабических стихах, что наряду с увеличением количества повторяющихся акцентных схем в стихотворениях Феофана говорит о высоком развитии виршевой техники в послепетровскую эпоху.

Нормы будущей силлабо-тонической системы постепенно, медленно, но неуклонно складывались в недрах виршевой поэзии. Так, Феофановы 11-, 10- и 8-сложники демонстрируют высокую (доходящую до степени идеальных хорейских, ямбических, анапестических и дактилических строк) степень ритмической упорядоченности, поддерживаемой анафорическими повторами, внутренними рифмами, редкостью межстиховых переносов, что в совокупности сближает ритм и интонацию элегий, кантов и песен Прокоповича с напевным силлабо-тоническим стихом, в то время как тринадцатисложники и некоторые шуточные гетеросиллабические вирши насыщены разговорными интонациями. Результаты проведенного анализа подтверждают реформаторскую роль Феофана Прокоповича в области упорядочения силлабической версификации, эволюционировавшей в направлении метротоники.

Ключевые слова: силлабика, силлабо-тоника, цезура, акцентная структура стиха, метр, ритм, рифма, клаузула

1. Введение: постановка проблемы

В. А. Западов в завершение своей лекции о русском стихе XVIII — начала XIX века отметил, что «для создания более полной картины русской ритмики, расширения и углубления наших представлений о ее истории в XVIII — начале XIX века (а это в конечном счете приведет к осмыслению особенностей ритмики последующих периодов) следует изучить историю хорея в России, тонических “русских размеров” (“русского стиха”, “склада”» (Западов, 1974, с. 56). Думается, это исследовательское задание, прозвучавшее в 1974 году, и полвека спустя остается актуальным и может быть распространено на историю иных систем стихосложения, в частности силлабики.

Кроме того, работы известных стиховедов свидетельствуют о том, что не только область истории стиха, но и сфера теории стиха остается по-прежнему дискуссионной, в том числе если речь идет о классификации систем стихосложения. Так, типология, освященная традицией, восходящей к работам А. Востокова и Н. Остолопова (см. подробнее: Лотман, 2000, с. 202), предлагает триаду: силлабическая, силлабо-тоническая и тоническая версификационные системы. Некоторые стиховеды, не рассматривая эволюцию типов стиха, исключают силлабику из рассмотрения систем версификации (см., напр.: Руднев, 1989, с. 91–102) либо, напротив, расширяют их перечень, вводя верлибр, раёшник (рифменный стих) и иные «переходные», «маргинальные» типы стиха (см., напр.: Гаспаров, 1974, с. 11; Кормилов, 1995, с. 3; Шапир, 2015, с. 434).

Эти разночтения, споры, сомнения во многом обусловлены тем, что ритмообразующие признаки соизмеримости стихотворных строк, выбранные традицией для каждой из трех систем версификации, не являются жестко противопоставленными и взаимоисключающими, будь то количество слогов (силлабика), количество ударений (тоника) или повтор сочетаний ударных и безударных элементов стоп (силлабо-тоника), не говоря уже о реальной поэтической практике, нередко демонстрирующей гетероморфность природы стиха, например в области гекзаметра, дольника или логаяда (см. анализ и примеры в: Орлицкий, 2023).

В виршевой версификации расстановка ударений обычно считается «беспорядочной» (см.: Adams, 1997, p. 65): по словам Е. Д. Поливанова, изосиллабизм основан «исключительно на моменте числа слогов в корреспондирующих отрезках речи без примеси акцентуационного момента» (Поливанов, 1963, с. 106). Неслучайно и в новейших западноевропейских типологиях силлабика относится к «counting»-метрам («счетным» или «считающим» версификациям (см.: Agouï, 2009, p. 10–11).

М. Л. Гаспаров в работе 1971 года, специально посвященной анализу акцентной системы в виршах второй половины XVII — середины XVIII века, сделал вывод о том, что в 13-сложниках «место предцезурного ударения и расположение ударений внутри полустуший... полностью определяются естественным ритмом русского языка и не обнару-

живают никаких специфических ритмических тенденций — ни унаследованных от польского языка, ни возникших на русском материале», а «закрывающая силлабическую эпоху реформа Третьяковского была не завершением плавной эволюции, а резким революционным скачком в истории 13-сложника и всей русской метрики» (Гаспаров, 1995, с. 26)¹. Относясь с пиететом к непререкаемому научному авторитету М. Л. Гаспарова, тем не менее позволим себе высказать предположение, что возникновение силлабо-тонического принципа все же совершилось не вдруг (например, благодаря выходу в свет в 1735 году трактата «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Василия Третьяковского), а было подготовлено всем предшествующим этапом развития российской поэзии, постепенной выработкой версификационной техники, формированием поэтического словаря и приданием необходимой грамматической гибкости «славенороссийскому» языковому строю, что позволило уже на этой основе Третьяковскому, Ломоносову и их последователям испытать возможности новой системы стихосложения. Неслучайно А. П. Квятковский задавался отнюдь не праздным вопросом: «Что же такое силлабика и чем она отличается от классической метротоники? Надо сказать, что во всей стиховедческой литературе нельзя найти ни одного мало-мальски сносного определения силлабики, нет также в сколько-нибудь удовлетворительного понимания этой системы». ...силлабика трактуется как “слогосчислительная” система, как будто “слогосчисления” нет и в метротонике!» (Квятковский, 2008б, с. 391). Таким образом, стиховеды уже обращали внимание на отсутствие жестких, непреходимых границ между разными системами версификации, а также между поэзией книжной и народной.

Факторы ритмизации в силлабике разнообразны: одинаковость количества слогов в стихах (изосиллабизм), преимущественно женские клаузулы, рифма, цезура, размещение слов и поэтические вольности. Чем выше степень акцентной упорядоченности, тем ближе система барочной и ранней классицистической версификации к стопной. Целью предлагаемой работы является анализ акцентной структуры стихотворений Феофана Прокоповича как одного из талантливых представителей российской силлабики и риторики, наследника Киево-Могилянской академической традиции.

2. Материалы и методология

Методология предпринятого исследования зиждется на нескольких основных постулатах:

1) первостепенное внимание к акцентной схеме строки; при этом, разумеется, следует помнить замечание Кирилла Тарановского о том, что «стиховая структура — это не простой инвентарь зарегистрированных типов строк. Она является сложной цепью сопрягаемых акцентных единиц, соотносимых между собою... по горизонтали и по вертикали» (Тарановский, 2000, с. 241);

¹ Впервые эта статья была напечатана в сборнике: (Metryka słowiańska, 1971).

2) подтверждение выводов с опорой на производство подсчетов в области акцентных построений, подобных тем, которые были приняты, например, Б.И. Ярхо, Ю.М. Лотманом, К.Ф. Тарановским, А.В. Прохоровым, С.А. Шахвердовым, М.Л. Гаспаровым, С.А. Матяш, Т.В. Скулачевой и некоторыми другими стиховедами для силлабо-тонических размеров (см.: Ярхо, 1969; Тарановский, 2010; Тарановский, Прохоров, 2010; Гаспаров, 1974; 1995; Гаспаров, Скулачева 2004; Русское стихосложение, 1979 и др.);

3) учет динамики и вариативности акцентных норм, отличий, противопоставляющих ударение старославянское и русское, «славеноросское» и современное;

4) внимание к эволюции творчества Феофана Прокоповича, преемственности поэтических традиций, а также жанровому репертуару силлабики;

5) сосредоточенность на анализе ритмо-мелодических явлений (прежде всего количество и размещение ударений в строке), поскольку рамки статьи не позволяют распространить исследование на поэтический синтаксис, рифменный словарь и грамматику, типологию строф и клаузул;

6) сопоставление живой поэтической практики с теорией — рекомендациями, данными в трактатах Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, Василия Гредиаковского, Михаила Ломоносова.

Список стихотворений Феофана Прокоповича, подвергнутых анализу в настоящей статье, включает 26 произведений в (Прокопович, 1961), а также два переложения псалмов, которые публиковались ранее в собрании (Кантемир, 1956) как принадлежащие А.Д. Кантемиру, что было уточнено Т.Е. Автухович (1986). Проведя тщательный анализ историко-биографических обстоятельств создания переложений и их поэтики, она установила, что автором этих двух произведений был не Антиох Кантемир, а Феофан Прокопович².

3. Обсуждение

Желание применить к анализу силлабики методы силлаботоники приводит к впечатлению, что слоговая версификация не что иное, как «зарифмованный» «набор слов» (Квятковский, 2008б, с. 395), подобный прозе, и что силлабика звучит неуклюже, а силлабо-тоника прогрессивнее и гармоничнее, однако «...было бы абсурдным считать, что замена в стихе инверсированных ритмов константными является абсолютным прогрессом. И константный и инверсированный, и прямой, и извилистый ритмы в равной степени законны в русском стихе» (Квятковский, 2008а, с. 335). По мнению А.П. Квятковского, силлабика явля-

² Уточним, что в работе М.Л. Гаспарова, посвященной русской силлабике, из творческого наследия Феофана Прокоповича привлечена к анализу только трагедокомедия «Владимир».

ется «строго метрическим стихом» (Квятковский, 2008г, с. 482)³, склонным к «ритмической инверсии», то есть частым отступлениям от константного ритма, «перекидке экспираторных ударений на слабые доли» (Квятковский, 2008б, с. 401) с сильных (путем растяжения слогов при чтении, неожиданных перебивов паузами разной длины), что оказывается возможным благодаря богатству ресурсов русского языка («разнообразие его синтаксических форм, удивительная певучесть интонаций, чрезвычайно подвижная акцентуация» (Квятковский, 2008в, с. 456)). Инверсированный, а не «константный» (при совпадении экспираторных ударений с метрическими) ритм А.П. Квятковский считает «обычным явлением у русских силлабистов» (Там же, с. 440), так как «силлабический стих вышел из народной поэзии» (Квятковский, 2008г, с. 482).

Одним из первых, кто заговорил о близости силлабики и метротоники (силлаботоники), был Николай Надеждин: «Силлабическая и метрическая версификация находятся гораздо в теснейшей связи и зависимости друг от друга, нежели как предполагается в школьных учебниках. Думают, что силлабический стих... не имеет вовсе метрической, временной количественности. Это очевидная неправда... метр в нем есть... Присутствие тонической стихии в силлабическом стихосложении очевидно...» (Надеждин, 1837, с. 513). Важным представляется замечание Ф.Е. Корша о том, что «отдельные совершенно правильные стопные стихи попадают чуть ли не в любом слоговом стихотворении... Итак, слоговое стихосложение... есть в сущности лишь искаженное ритмическими вольностями стопное стихосложение» (Корш, 1907, с. 74). То, что в сложниках скрыт большой потенциал ритмического упорядочения на пути приближения к силлабо-тоническому построению, предполагал и Георгий Шенгели, утверждая «семистопный хорей» с паузой на восьмом слоге» в качестве «ритмической доминанты Кантемирова тринадцатисложника» (Шенгели, 1923, с. 99). Впрочем, и сам ученик и последователь Феофана Антиох Кантемир предупреждал: «Кто не отведал еще стихи сочинять, почает, что нетрудное дело несколько слогов вместить в одну строку. И правда, кто чает, что стих в том одном состоит, — легко, на одной стоя ноге, много их намарать может, но не то же, когда дело идет составлять порядочные, по правилам, и уху и уму приятные стихи. Трудность тогда немалая встречается так в соглашении здравого смысла с рифмою, как и в учреждении слогов...» (Кантемир, 1956, с. 425).

³ А.П. Квятковский, в противовес силлабо-тонической стопе, выдвигал понятие характерной для любого метрического стиха (в том числе силлабики и тактовика) «тактометрической стопы», которая носит в своей эволюции и живой поэтической практике не застывший характер, а подвижный и разнообразный (в том числе при паузировании слабых и сильных долей, введении затакта, или предтакта, спондее, пиррихий и пр.): «тактометрическая стопа — это метрическая форма определенного долевого (а не только слогового) объема, повторяющаяся в стихе в различных ритмических модуляциях и их взаимосочетаниях» (Квятковский, 2008г, с. 461, 463).

Комплексный анализ распределения и частоты ударений в разных типах силлабического стиха может подтвердить или опровергнуть высказанные ранее исследователями суждения об акцентной неупорядоченности или, напротив, «метричности» вирш, а также позволит показать, чем русская силлабо-тоника обязана предшествующей системе версификации и насколько велика степень близости вирш к тонике и к народной поэзии.

4. Результаты

4.1. Теоретические рекомендации Феофана Прокоповича в области версификации и его силлабическая практика

Свои взгляды на теорию античного (квантитативного) и современного Феофану (силлабического) стихосложения Прокопович высказывает в прочитанном на латыни студентам Киево-Могилянской академии в 1705 году курсе лекций “*De arte poetica*” – рукописном трактате, получившем широкую известность и хождение далеко за пределами юго-западной школы поэтики и риторики, часто цитировавшемся теоретиками поэзии в России, на Украине и в Белоруссии, несмотря на то что издано это произведение было только в 1786 году в Могилеве (по инициативе архиепископа белорусского Георгия Конисского)⁴.

В отличие от Мелетия Смотрицкого, представившего в своей грамматике с опорой на квантитативное античное стихосложение 12 разновидностей «степеней стихотворной меры» (4 двусложных и 8 трехсложных стоп (Грамматика..., 2000, с. 463–464)), Феофан, определяя в своей поэтике достоинства и недостатки гекзаметра как размера «ироического» (Там же, с. 107, 464), в оценке своих предшественников-грамматистов не дает комментариев к типам «степеней», однако предлагает множество рекомендаций для придания стиху силы и красоты звучания. Как и у Смотрицкого, основной мерой стиха является слог, однако в описание версификационной процедуры вплетаются термины, называющие некоторые античные стопы (спондей, дактиль) и виды цезур (у Смотрицкого и Третьяковского – «пресечений»⁵).

Поскольку наиболее близким аналогом гекзаметра в виршевой поэзии был 13-сложный стих, сказанное Феофаном о достоинствах и недостатках античного гекзаметра представляется вполне релевантным и для наиболее популярного в польской и российской силлабике размера.

«Безобразен», согласно Прокоповичу, стих, в котором границы слова и стопы совпадают, монотонна строка при скоплении одинаковых

⁴ Ср. с высокой оценкой Феофановой поэтики американским исследователем XX века Ричардом Барги, считавшим, что любое исследование о гекзаметре без “*De arte poetica*” было бы неполноценным (Burgi, 1954, p. 29).

⁵ См. о теории цезуры в ранних «славенских» грамматиках XVII века и отечественных трактатах XVIII века в работах: (Корчагин, 2017, с. 147–149; 2021, с. 84–90).

слогов (Прокопович, 1961, с. 392–393). Напротив, прекрасно звучание, когда стопы строятся так, что «в каждом отдельном слове заканчивается и начинается следующая» (Там же, с. 395).

Если мы понаблюдаем, как устроены 13-сложники Феофана в сравнении с его теоретическими рекомендациями в отношении гекзаметра, то убедимся, что сам поэт старался следовать опыту античных создателей гекзаметра: так, в надписи «К Петру Второму» Прокопович умело чередует одно-, дву- и трехсложные слова, чтобы границы долей⁶, как правило, не совпадали с границами лексических слов, а словоразделы в середине строки обозначали цезуру:

*Дал Петру стадо свое // унасти спаситель, 1-3 4--7--10-12-
дабы тем делом Христов / явился любитель. 1--4--7-9--12-
Бог и Петру Второму / вручил стада⁷ многа 1--4-6--9 10-12-
и сотвори известно, / коль любит он Бога. ---4-6-8 9--12-* (Там же, с. 216)⁸

Особенно неудачен стих, построенный в своем окончании по типу пентемимесиса (то есть завершающийся четырьмя безударными и последним ударным слогом), например при постановке четырехсложных слов в позиции рифмы; напротив, лучше всего, когда строка заканчивается одним трехсложным или двусложным словом (Там же, с. 393). Сам Феофан применяет четырехсложные окончания строк в восьмисложниках (например, в элегии «Запорожец кающийся»):

*Забриол⁹ в лесы непроходны... -2 3---7-
Прогневил я самодержца... -3---7-
Что бог и царь милосердый... -2-4--7-* (Там же, с. 214)

Постановку односложного слова, создающего мужское окончание, следует применять, по Феофану, в особых случаях — прежде всего, для создания эффекта «умаления», «ущерба» (Там же, с. 393), «конца»,

⁶ По А. П. Квятковскому, тринадцатисложник соответствует «четырёхкратному четырёхдолнику» (2008а, с. 317), в котором внутри- и межстиховая паузы после обычной для силлабики женской рифмы соответствуют по длительности двум долям.

⁷ Вариантное ударение в форме Им. / В. п. мн. ч. стада сохранялось в русской поэзии, по данным Н. А. Еськовой, по крайней мере до конца XVIII века (2008, с. 137).

⁸ Здесь и далее полужирным шрифтом выделены ударные гласные (безударными являются слова-клитики, среди которых есть не только короткие служебные части речи, но и местоимения — так называемые «двойственные слова», которые могут получать ударение, но способны быть атонируемыми, сливаясь с соседним знаменательным словом в одно фонетическое; иногда перенос ударения совершается на предлог или частицу, поэтому клитикой оказывается в ряде случаев знаменательная часть речи); цифры обозначают номера ударных слогов, дефисы — безударные доли, косая черта — наличие цезуры. Составляя акцентные схемы, автор отдает себе отчет в том, что вполне возможны иные варианты чтения силлабических стихов.

⁹ Двумя гласными графемами здесь передается один слог, в современной орфографии заменяемый буквой ё.

«уничтожения» чего-либо (Там же, с. 398), как наблюдается это у него самого в канте¹⁰ «Прочь уступай, прочь...» и цикле шутивных стихов «Благодарение», в которых иногда встречаются мужские клаузулы, подчеркивающие идею конца мрачной ночи или самоумаление:

Прочь уступай, прочь, 1--4 5
Печальная ночь! -2--5 (Там же, с. 218)
Благодарен же и я, --3---7
Верный твой друг Илия. 1-3---7 (Там же, с. 222)

Между тем в некоторых иных строках канта ударные односложные слова в позиции рифмы, напротив, оказываются вполне панегирическими, воспевающими мощь и силу Бога и государыни:

Ты наш ясный свет, 1-3-5
Ты и красный цвет. 1-3-5
Да вознесет бог ---4-5
Силы твоей рог... 1--4 5 (Там же, с. 218)

Прокопович в качестве достойного способа сделать ритм разнообразным указывает соединения дактиля со спондеем (Там же, с. 399), широко применявшиеся античными поэтами: например, строка начинается спондеем, за которым следуют два дактиля, либо стих заканчивается двумя спондеями. Подобное чередование двустопных и трехстопных метров создает ритмическое разнообразие: спондеями должен изобиловать стих, изображающий нечто «скорбное, значительное, величественное, неторопливое, поразительное»; напротив, если нужно представить «что-либо радостное, стремительное» (Там же, с. 395), следует применять дактили. У самого Феофана подобные примеры сочетаний спондее- и дактилоподобных акцентуаций включаются только иногда в тринадцатили- или десятисложники, в которых два ударных слога открывают строку либо соседствуют как предрифменный и формирующий клаузулу, создавая отмеченную А. П. Квятковским «ритмическую инверсию» и акцентируя внимание на важных в смысловом отношении элементах текста, в том числе на антитезе:

Всяк слышай сумненныя мысли в сердце примет... 1 2--5--8-10-12- (Там же, с. 214)
В прах тело разбьет надеж лютый... 1 2--5--8 9- (Там же, с. 226)
Враг божий только подыметя в гору... 1 2-4--7--10- (Кантемир, 1956, с. 253)
Град падает железный; обаче толикий... 1 2--6--9--12- 1(86) (Прокопович, 1961, с. 212)
Дабы ни на смертную силу полка многа... 1---5--8--11 12-
На отца отчества мещеши меч дерзкий! --3-5--8--11 12- (Там же, с. 210)

¹⁰ Анализ акцентной структуры жанра кантов, в том числе силлабических, представлен в (Бейли, 2004, с. 53–73).

Три следующих подряд ударения — редкое явление, встречающееся только в конце строк с женскими окончаниями в высоких жанрах торжественной оды и переложениях псалма:

Да и всю лютость и вес изнурит яд зверный... ---4--7--10 11 12- (Там же, с. 209)

И от долгих узлищ извести род верный... --3--6---10 11 12- (Там же, с. 214)

Он своих рамен и своих крыл цитом... 1-3-5--8 9 10-

...тебе отвсюду оградит в час нужный. -2-4---8 9 10- (Там же, с. 225)

Размышления Прокоповича о гекзаметре в его поэтике не дополняются теорией силлабической версификации, что вполне закономерно: создавая трактат, Феофан ориентировался на достижения античных авторов, предлагавших правила создания квантитативного стиха. Теория силлабики появляется в работах отечественных риторов значительно позднее: так, В.П. Маслюк, обобщая эти достижения, отмечает, что впервые вирши описываются украинскими теоретиками Московской Славяно-греко-латинской и Киево-Могилянской академий не ранее 1730-х годов (в трудах Ф. Кветницкого, М. Довгалецкого, Г. Сломинского), зато внимание к силлабике сохраняется вплоть до последней трети XVIII века, несмотря на появление сочинений В. Третьяковского и М. Ломоносова о силлабо-тонических метрах (Маслюк, 1983, с. 57, 67).

4.2. Тринадцатисложники Феофана

Тринадцатисложники Прокоповича жанрово разнообразны: панегирическая ода («Епиникион...»), послание («О преславном новом монаршем доме...»), эпитафия («Новопреставльшемуся иеродиакону Адаму...»), две надписи («К Петру Второму», «На день 25 февраля»), несколько эпиграмм («О Станиславе Лещинском», «К Луке и Варлааму», «К темжде», «К Селию», «К сложению лексиков»), стихотворение «на случай» («На приход ея императорского величества...») и шуточные стихотворения первое, третье и четвертое из цикла «Благодарение».

Частотные акцентные схемы, которых насчитывается не более семи типов (табл. 1), составляют почти пятую часть от всех строк написанных Феофаном тринадцатисложников (45 из 256 стихов), что свидетельствует о широком разнообразии ударных и безударных чередований в произведениях наследника пиитических традиций Киево-Могилянской академии. В излюбленных вариациях Прокопович склонялся к приумножению ямбо- и дактилоподобных построений, что позволяло разнообразить ритмический словарь введением длинных слов разных частей речи. Если сильная доля совпадала с начальным слогом, то чередовались «хореические» либо напоминающие анапест построения. Повторяющиеся варианты характеризуются отсутствием спондеев, а также одинаковым количеством акцентов (по 2 или по 3 слева и справа от «пресечения») до и после цезуры или тремя пред- и двумя постцезурными ударениями.

Таблица 1

Популярные акцентные схемы в 13-сложниках Феофана Прокоповича¹¹

Акцентная схема	Количество тихов	Репрезентации
-2-4-6-/-9--12-	10	1 , 5, 15, 42, 51; 12 , 1, 3; 13 (1); 14 , 7, 9; 15 , 4
1-3--6-/-9--12-	9	1 , 20, 43, 58, 63, 122, 135, 154, 157; 15 , 1
1---5--/8---12-	8	1 , 25, 45, 85, 120, 126, 127, 136, 140
-2--5--/-9--12-	7	1 , 3, 13, 38, 66, 144; 12 , 2; 19 , 3
-2-4-6-/8---12-	6	1 , 2, 72, 79, 153; 14 , 5; 15 , 3
--3--6-/--10-12-	5	1 , 8; 7, 2, 4, 6, 7

Другие модификации встречаются в 4 и менее стихах.

Около 40 % Феофановых строк в тринадцатисложниках начинается с первой заударной (предударной, затактовой) силлабемы, что доказывает активность «ямбической» тенденции в начале строк: -2---6-8---12- (**1**, 41, 46, 119; **14**, 1), -2-4-6---10-12- (**14**, 6; **15**, 6; **17Б**, 1; **17В**, 5), -2 3 4--7--10-12- (**17Г**, 1), -2 3-5--8---12- (**1**, 160), -2 3--6---10-12- (**1**, 23, 96), -2 3--6-8-10-12- (**15**, 5), -2 3--6--9--12- (**1**, 28, 78), -2 3---7--10-12- (**14**, 10), -2-4-7-9--12- (**13**, 7), -2-4-7--10-12- (**1**, 74; **13**, 14; **14**, 3), -2--5-7-9--12- (**1**, 169; 7, 3), -2--5-7--10-12- (**1**, 133, 139), -2--5--8-10-12- (**1**, 6; **20**, 5; **21**, 1) и пр.

Открывающиеся первым ударным слогом стихи в тринадцатисложниках Феофана составляют треть от общего количества строк в тринадцатисложниках: 1--4-6-8-10-12- (**1**, 55, 145, 151, 165), 1--4-6---10-12- (**1**, 47, 174), 1-3-5-8-12- (**1**, 102; **7Б**, 10; **12**, 6), 1---6--9--12- (**1**, 35; 7, 8), 1--4-6-8---12- (**1**, 1, 26, 56), 1-3-5--8-10-12- (**1**, 105), 1--4-6--9 10-12- (**4**, 3), 1-4-6-9-11-12- (**1**, 32, 101; 16(4)), 1--4-7-9--12- (**1**, 68, 116; **16**, 3), 1-4-6-9-12- (**1**, 108; **10**, 3; **13**, 8) и др.

Передвижение ударения вправо на третий-пятый слоги встречается в гораздо меньшем количестве стихов:

-) начало с третьей ударной силлабемы после двух безударных (чуть менее пятой части строк) задает пиррихированный в первой стопе «хореический» либо «анapestический» ритм, который далее обычно нарушается: --3---7-9--12- (**1**, 39, 88, 147), --3-5--8---12- (**1**, 19, 23, 64, 106), --3-5---9--12- (**1**, 131; 7, 5; **17В**, 6), --3---7--10-12- (**1**, 112), --3 4-----10-12- (**1**, 124), --3-5-7-9-12- (**1**, 11; **12**, 8; **13**, 5), --3-5-7 8---12- (**19**, 1), --3-5--8 9--12- (**1**, 14), --3-5--8-10-12- (**1**, 114; **14**, 2; **20**, 3), --3-5--8-11 12- (**1**, 65), --3 4 5---9---12- (**1**, 17, 61, 95), --3 4-6---10-12- (**1**, 31), --3--6 7-9--12- (**1**, 75), --3--6-8--11 12- (**1**, 40), --3--6---10 11 12- (**1**, 172), --3 4-6--9--12- (**1**, 89), --3---7 8 9--12- (**1**, 71, 121), --3---7 8-10-12- (**1**, 50; **17Г**, 3; **20**, 6), --3--6 7 8--11 12- (**1**, 9), --3-5-7 8-10-12- (**1**, 69).

-) стих, начинающийся с четвертой ударной силлабемы, создает ритм, подобный пиррихированному в первой стопе ямбу или пеону чет-

¹¹ Здесь и далее в перечнях акцентных схем первая цифра, выделенная жирным шрифтом, означает номер стихотворения согласно приведенному в (Прокопович, 1961) списку, вторая цифра после запятой означает номер строки по этому собранию, за исключением переложений псалмов 36 и 72, которые опубликованы в (Кантемир, 1956, с. 252–259) и обозначаются далее номерами **25** и **26**.

вертому: ---4-6--9--12- (1, 16, 137; 19, 4), ---4-6-8---12- (1, 76, 83), ---4-6---10-12- (1, 91; 17В, 4), ---4 5--8---12- (1, 164), ---4--7-9--12- (1, 113, 156), ---4--7--10-12- (1, 132), ---4 5---9--12- (1, 29), ---4 5----10-12- (1, 143), ---4 5--8-10-12- (13, 4), ---4 5--9-11-12- (20, 4), ---4-6 7-9--12- (13, 12), ---4-6-8 9--12- (4, 4; 12, 4), ---4-6--9 10-12- (1, 167), ---4--7--10 11 12- (1, 27), ---4--7 8-10-12- (1, 84), ---4--7 8--11 12 (1, 92; 10, 5);

-) открывающиеся пятой ударной syllабемой после трех безударных строки крайне малочисленны: ----5----10-12- (1, 54), ----5-7 8---12- (1, 93), ----5-7 8-10-12- (17В, 2).

Активность схемы зависит и от количества ударений: так, редчайшими являются в тринадцатисложнике построения с тремя и семью ударениями: 1----6----12- (1, 48), ----5----10-12- (1, 54), -2 3 4-6--9--11-12- (1, 109), 1-3-5 6-8 9--12- (1, 159, 163). Самая популярная разновидность тринадцатисложных строк (133 из 256) – те, которые имеют 5 ударений; почти вдвое меньше (75 стихов) получают четыре акцента; в 43 строках тринадцатисложников они строятся с участием 6 ударных слогов.

Широкое разнообразие вариантов акцентуации стихов объединяет наличие в структуре многих из них спондеических элементов, что делает распределение сильных и слабых слогов менее равномерным и способствует ритмическим перебоям:

-) в начале стиха: 1 2-4-6---10-12- (1, 123), 1 2-4-6--9--12- (13, 9), 1 2-4-6---10-12- (1, 123), 1 2--5--8-10-12- (1, 161), 1 2---6--9--12- (1, 86), 1 2-4-6--9--12- (13, 9);

-) в середине строки (гораздо чаще): 1-3 4-6---10-12- (1, 158), 1-3 4-6--9--12- (1, 57), 1-3 4--7-9--12- (4, 2), -2-4-6--9 10-12- (13, 10), 1--4 5--8---12- (1, 12), 1--4 5---9--12- (1, 166), -2-4 5----10-12- (1, 67), -2--5--8 9--12- (1, 59; 13, 2), 1--5 6-8---12- (1, 77), 1-3--6-8 9--12- (1, 87), -2-4-6-8 9--12- (1, 152), 1-3 4--7--10-12- (4, 1), -2--5 6-8-10-12- (12, 5), -2----7 8 9-12- (1, 146)), -2--5 6-8-10-12- (12, 5), -2-4-6--9 10-12- (13, 10)), 2-6-9 10-12- (1, 10; 10, 2);

-) в конце строки: -2--5-7-9-11 12- (1, 90), 2-4-6-9-11 12- (17В, 3), 1--5--8--11 12- (1, 49, 125), 2-5-7-11 12- (1, 97), 1-3-7-9-11 12- (1, 111), -2-4-6-9-11 12- (17В, 3), 1-4-7-9-11 12- (16, 1), 1-3-5----11 12- (13, 6).

Особенно редки между тем стихи с частыми скоплениями акцентов, сильно затрудняющими декламацию: -2 3---7 8--11 12- (1, 150), -2 3---7 8 9--12- (1, 162), 1 2---6 7-9--12- (1, 81), -2 3-5 6---10-12- (1, 82), 1-3---7 8--11 12 (17В, 1), -2--5 6--9-11 12 (19, 2).

Другая, прямо противоположная характеристика – присутствие большого количества безударных, сильно пиррихированных отрезков, что также делает темп и динамику речи неравномерными: -2---6--9--12- (1, 7), -2-4--8---12- (1, 30; 16, 5), -2--5--8---12- (1(18), 1(60)), 1-3--7-9--12- (1, 118), -2 3--7-9--12- (17Г, 2), -2-4-6----12- (1, 44), 1---6----12- (1, 48), -2--5 6-8---12- (1, 52; 10, 6; 15, 2), -2--5----10-12- (1, 53, 117), 1-2-4---9--12- (1, 94), -2---7-9--12- (1, 21, 37, 98; 7, 10), 1 2---7-9--12- (20, 2), 1--5--9--12- (1, 99, 110), 1-3---8---12- (1, 100), 1--5-7--10-12- (1, 103), -2--6---10-12- (1, 104), -2--6-8-10-12- (1, 107; 7, 9; 14, 4), 1-3---7--10-12- (1, 36), 1-3---7 8---12- (1, 115, 128), 1-3--6-8---12- (1, 155; 10, 1; 14, 8), -2--6--9--12- (1, 134), -2--6--9-11 12- (1, 138), 1-3----9--12- (1, 157), -2 3---8---12- (1, 168), -2-4----10-12- (1, 171; 21, 3), -2 3---7-9--12- (17Г, 2),

-2---7--10-12- (13(13)), 1---6-8---12- (17Б, 6), 1---5-7-9 10-12- (17Б, 9), 1-----7 8-10-12- (17Г, 4). Подобных построений достаточно много в целом (25 %), так как они позволяют разнообразить поэтический синтаксис и словарь.

В-третьих, выбивается из общей картины преобладающих женских окончаний пример дактилической клаузулы: *Летит свей, летит купно зменник неистовый*. -2 3-5 6-8—11- (Прокопович, 1961, с. 210); редчайшими примерами отмечены мужские клаузулы: 1--4 5-----11-13 (1, 33), -2--5--8----13 (1, 34), -2-4-6 7-----13 (1, 129), 1---5----10--13 (1, 130), 1-3-5-6-9-13 (1, 141), ---4 5---9---13 (1, 142).

В-четвертых, предсказуемо редкими оказываются схемы, демонстрирующие сбой в требуемом количестве слогов (равные 14 слогам в тринадцатисложнике):

Из порожняго черпаеш, легчиш легка в звуку... -3--6---10-12 13- (Там же, с. 221)

Единичными примерами представлены ритмически идеальные трохеически или анапестические схемы¹², гладкостью и излишней мерностью своей, вероятно, не устраивавшие ритора Прокоповича. К тому же подобные построения сильно сокращают поэтический словарь, требуя чередования только коротких слов:

Бежете, скорой мести тебе, скорой зело! -2-4-6-8-10-12- (Там же, с. 210)

В сей день августа наша свергла долг свой ложный... -2-4-6-8-10-12- (Там же, с. 217)

Совосплещут градове на слух сей веселий... --3--6--9--12- (Там же, с. 213)

Коли б прадеды наши такого достали... --3--6--9--12- (Там же, с. 222)

Ритмическая инверсия действует регулярно даже в небольших по объему виршах, разнообразя более явно позиции акцентов в началах строк и сближая середины и концы стихов:

Анна держит толику область широтою, 1-3--6-8--12-

что ей не наполняет одна Русь собою. -2---6--9 10-12-

Видим и дом сей Анны толь чуднаго дела, 1--4-6--9--12-

что такого Россия до днесь не имела. --3--6--9--12-

Но не вмещает в себе Анниных дел славы ---4--7 8--11 12-

ни дом сей, ниже область Анниной державы. -2--5 6-8---12- (Там же, с. 219)

Хотя, по убеждению некоторых стиховедов, «в системе силлабического стихосложения чрезмерная ритмизация была не столь желанна»

¹² М.Л. Гаспаров (1995, с. 21–25) приводит статистику примеров «стихийно» возникавших сочетаний, образующих правильные силлабо-тонические размеры, но по полуступициям до и после цезуры в 13-сложниках, которая также свидетельствует о преобладании ямба и анапеста, и это доказывает, что, вопреки мнению, например, Г. Шенгели, не хорей был изначальной основой 13-сложника.

и в произведениях высокого стиля «последовательно избегалась» (Федотов, 2002, с. 180), построение наибольшего по объему из 13-сложников Феофана произведения – оды «Епиникион» – повторяющиеся от 2 до 8 раз акцентные схемы имеют 76 строк из 174 (то есть примерно 44 %). К тому же упорядоченность в ритм тринадцатисложников, как и иных вирш Прокоповича, вносят повторяющиеся в процессе развертывания оды типы клаузул, анакруз и цезур, что позволяет придать меньшую степень категоричности уже приводившемуся мнению М. Л. Гаспарова.

Итак, тринадцатисложники Феофана тяготеют в большинстве случаев к характерным для античного гекзаметра дактилической срединной расстановке акцентов и трохеической клаузуле; ямбоподобное построение начал строк превалирует над хорейским.

4.3. Одиннадцатисложники Феофана

К одиннадцатисложникам¹³ относятся переложения псалмов «Всяк себе в помощь вышняго предавый» и «Metaphrasis ps. 36», послание «Ея императорскому величию на пришествие в село подмосковное Владыкино», эпиграммы «Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры» и «К лихорадке в лихорадке», стихотворение «О Ладожском канале».

Одиннадцати- и тринадцатисложники Прокоповича отличаются, хотя и не очень существенно, по акцентуации начал строк: если количество начинающихся с первой ударной доли 1-3-5-7--10- (6, 12; 9, 9), 1--4-6-8-10- (6, 5; 25, 9, 15) в относительных числах примерно одинаково (третья часть), то начал «ямбического» типа уже заметно меньше (33 %, а не 40%, как в тринадцатисложниках): -2--5--8-10- (6, 9; 25, 18, 23, 101), -2-4--8-10- (6, 23), -2--5-7--10- (6, 24) и др. Кроме того, в гендекасиллабах почти на 10 % больше строк, начинающихся с третьей (например, --3--6-8-10- (18, 4), четвертой (например, ---4-6-8-10- (25, 17, 68) и пятой ударных силлабем (например, ----5--8-10- (22, 34).

Процентные соотношения количеств ударных слогов у тринадцати- и одиннадцатисложников также существенно разнятся: в гендекасиллабах Прокоповича почти 70 % строк содержат 4 акцента (153 из 224 строк), пятиударные (37 строк) чуть превышают количество трехударных (30 строк: 1-3-----10- (9, 1), 2-7-10- (25, 64), --3--6---10- (9, 21; 11, 2; 22, 22; 25, 48), --3---7--10- (6, 20; 18, 7; 22, 36; 25, 52), --3----8-10- (25, 63), ----5 6---10- (25, 25) и др.); на стихи с шестью акцентами приходится лишь 4 репрезентации: 1-3-5 6--9 10- (6, 4), 1--4-6 7-9 10- (22, 16), 1-3-5--8 9 10- (22, 11) 1--4 5 6-8-10- (6, 6).

Повторяющиеся не менее пяти раз акцентные схемы одиннадцатисложников представлены в таблице 2 – 145 строк из 224 (более 60 %), что доказывает в три раза большую акцентную устойчивость, а значит, и упорядоченность гендекасиллабов в сравнении с тринадцатисложни-

¹³ Один из новаторских в методологическом отношении опытов анализа 11-сложников представлен в монографии (Fabb, Halle, 2008). Там же охарактеризована ветхозаветная поэзия (с опорой на древнееврейский масоретский текст, псалмы 23, 24, 137 и др.) в качестве чисто силлабической.

ками, в которых повторяющиеся комбинации составляли только пятую часть. В создании одиннадцатисложников активнее участвуют ямбо- и дактилоподобные чередования долей.

Таблица 2

Популярные акцентные схемы в 11-сложниках Феофана Прокоповича

Акцентная схема	Количество стихов	Репрезентации
-2--4/-7--10-	15	6, 1; 18, 6; 22, 6, 9, 12, 19, 39, 42; 25, 31, 32, 55, 65, 69, 87, 108
1--4/-7--10-	13	6, 8; 9, 4, 24; 18, 8; 25, 19, 24, 33, 34, 44, 51, 66, 67, 109
-2-4-/6---10-	12	6, 22; 11, 5; 18, 2, 5; 22, 2, 26, 35, 38; 25, 5, 10, 39* ¹⁴ , 85
--3-5/-7--10-	11	6, 11; 9, 7; 22, 21, 44, 46; 25, 14, 45, 56, 71, 77, 110
1--4-/6---10-	9	9, 11, 13, 15; 22, 1; 25, 37, 46, 60, 70, 94
1--4/-8-10-	9	9, 14; 22, 43; 25, 11, 12, 21, 30, 59, 80, 107
1-3--/-7--10-	9	6, 2, 18; 9, 3, 5; 18, 3; 25, 39, 42, 61, 62
--3-5/6---10-	8	9, 18; 22, 7; 25, 8, 25, 58, 88, 95, 103
---4/-7--10-	8	11, 6; 22, 23; 25, 22, 47, 73, 74, 106, 112
-2--5/-7--10-	7	9, 12, 19; 22, 24; 25, 41, 84, 104, 113
--3-5/--8-10-	6	22, 31; 25, 35, 49, 83, 88, 89
---4/--8-10-	6	22, 10; 25, 3, 7, 82, 96, 111
-2-4/--8-10-	6	9, 6; 22, 4; 25, 1, 6, 13, 92
-2--5/6---10-	6	6, 13; 22, 29, 30, 40; 25, 29, 78
--3-4-/6---10-	5	6, 3; 9, 2; 11, 7; 25, 53, 86
-2-4-/6-8-10-	5	6, 14; 11, 3; 25, 36, 40, 41
1--5/--8-10-	5	22, 8, 13, 20, 28; 25, 101
1--5/-7--10-	5	22, 25, 37, 50, 99; 25, 4

Гораздо более часто в одиннадцатисложниках, чем в тринадцатисложниках, встречаются и акцентуации, идеально соответствующие силлабо-тоническим метрам: дактилю (1--4--7--10-: см. табл. 2), пиррихированному (с анакрузой на первом слоге) дактилю (---4--7--10-: см. табл. 2), ямбу (-2-4-6-8-10-: см. табл. 2) и пиррихированному ямбу (---4-6-8-10-: 25, 17, 68). Все эти строки созданы уже на позднем этапе творчества Феофана — в 1730-х годах, что позволило В.П. Маслюку, например, заключить, что поэзия Феофана сыграла заметную роль в развитии силлабо-тоники (1983, с. 63).

Строки, содержащие несколько ударений подряд, в одиннадцатисложниках составляют чуть более 25 % (в тринадцатисложниках эта доля составляет около 30 %): --3-5 6--9 10- (6, 15), --3---7-9 10- (11, 1), 1-2-4--7--10-

¹⁴ Астериск означает, что в издании (Кантемир, 1956, с. 253) отсутствует 40-я строка, которая восстановлена Т.Е. Автухович (1986):

(38) И лук стрелами тугий натягати,

(39) Дабы бедного убить непорочно,

(39*) Но та вся работа будет безпрочно,

(40) Понеже сердце меч пронзит самого

(41) И лук, сокрушен, не успеет много... См. публикацию в электронном виде на сайте ИРЛИ РАН. URL: <https://web.archive.org/web/20120127042913/http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5106>

(25, 20, 54), 1-3-5---9 10- (25, 105), 1---5 6---10- (25, 98), 1--4-6--9-10- (22, 5), -2-4 5----10- (25, 2), -2-4--7 8-10- (6, 17), -2--5 6-8-10- (22, 15, 17), -2--5 6 7--10- (22, 27), -2--5-7 8-10- (9, 10), -2--5-7 8-10- (25, 100), -2-4--8 9-10- (22, 14), -2--5 6-8-10- (22, 15, 17), -2 3--6---10- (22, 45, 38), --3-5 6-8-10- (22, 32; 25, 16, 79), --3 4--7-9-10- (6, 19), --3 4-7--10- (9, 23; 25, 26, 72), --3 4--8-10- (6, 7, 16; 22, 3; 25, 28), --3 4-6-8-10- (9, 16), --3 4-6 7--10- (11, 4; 25, 97), --3-5---9 10- (11, 8), ---4 5-7--10- (6, 21), ---4-6--9 10- (25, 93), ---4--7 8-10- (9, 8), ----5 6--9 10- (25, 27).

Строки (108 из 224 – 48 %) с безударным промежутком в три и более слогов между иктами несколько понижают соответствующий показатель для одиннадцатисложных вирш в сравнении с тринадцатисложниками Прокоповича, в которых на подобные сильно пиррихированные стихи приходится не менее 55 % строк: 1-3--6---10- (6, 10; 25, 43), 1---5 6-8-10- (22, 33), 1-3----8-10- (25, 90) и пр.

Пиррихии в силлабике проложили дорогу будущему созданию многочисленных ямбических вариаций в творчестве М. В. Ломоносова и его последователей.

Одиннадцатисложник с мужскими рифмами единственный у Феофана: *Храни, о Боже, сию в долготу дней...* (Прокопович, 1961, с. 219).

Строки, выходящие за рамки одиннадцатисложника («неправильные»), содержат 10 или 12 силлабем, и эти отступления от схемы могли купироваться при речитативном произношении растягиванием ударных гласных либо купированием длительности их звучания: *просвещая твоим многократно.* (Там же); *А после его и внукам встанет. Того ради перестань, иже творишь злое... То лучше быть в жизни незлобиву...* (Кантемир, 1956, с. 254).

По мнению Б. В. Томашевского, «ошибки в числе слогов показывают, что слух играл здесь свою роль: если бы все решало одно “умствование”, стихи гораздо реже грешили бы против строгих правил» (1959, с. 99).

4.4. Десятисложник, восьми- и семисложники

Декасиллаб «*Кто крепок, на Бога уповая...*» (дата написания не установлена) отличается высокой степенью упорядоченности размещения ударных и безударных слогов, особенно в концовке произведения, восхваляющей Господа (строки 13–16). В кант включены практически идеальные строки хорей (строка 6), анапеста (строка 9), ямба (строки 15 и 16); только четыре строки выбиваются из равного четырех количеством акцентов в остальных двенадцати стихах; лишь двенадцатью отмечены позиции следования двух ударений подряд (при этом некоторые из них могут быть оспорены – например, ударность местоимений в первой, второй и десятой строках):

Кто крепок на Бога уповая, 1 2--5---9-
той недвижим смотрит на вся злая; 1--4 5--8 9-
Ему ни в народе мятеж бедный, -2--5--8 9-
ни страшен мучитель зверовидный, -2--5---9-

Не страшен из облак гром парящий, -2--5-7-9-
 ниже ветер, от южных стран шумящий, --3-5-7-9-
 Когда он, смертного страха полный, --3 4--7-9-
 финобалтицкия движет волны. ---4--7-9-
 Аще мир сокрушен распадется, --3--6--9-
 сей муж ниже тогда содрогнется; 1 2---6--9-
 В прах тело разбьет падеж лютый, 1 2--5--8 9-
 а духа не может и двигнути. -2--5---9-
 О Боже, крепкая наша сило, -2-4--7-9-
 твое единого сие дело, -2-4--7-9-
 Без тебе и туне мы ужасны, --3-5-7-9-
 при тебе и самый страх нестрашный. --3-5-7-9- (Прокопович, 1961, с. 226)

Десятидольник Феофана отличается от описанных А. Кантемиром в «Письме Харитона Макентина...» — как от декасиллабов с цезурой после 4-го или 5-го слога, так и от бесцезурного десятисложника с мужскими клаузулами (Кантемир, 1956, с. 417—418, 423—424). Кант Прокоповича по своему строению близок, например, к переложению псалма 75 из «Псалтири» Симеона Полоцкого «Иудея Бога жива знает...», в том числе в большинстве случаев морфологически гомогенными смежными рифмами, в то время как иные стихотворения Феофана отличаются преобладанием перекрестных и грамматически гетерогенных рифм. Клаузулы Прокоповича свидетельствуют здесь, как и в некоторых других стихотворениях¹⁵, об украинском рефлесе произношения буквы «ять» или окончаний имен прилагательных: бедный — зверовидный, лютый — двигнути, сило — дело.

Если девятисложники в российской поэзии остались практически неразработанными (за исключением переложения псалма 122 в «Псалтири» Симеона Полоцкого и некоторых теоретических заметок со специально сочиненными для их подкрепления строками А. Кантемира), осьмисложники пользовались большой популярностью и своим близким к четырехстопному хорею ритмом, а также в лексическом отношении часто напоминают лирическую русскую народную песню или частушку (см. суждение А. П. Квятковского (2008а, с. 330)).

В Феофановом наследии восьмисложниками оказываются две песни: «Запорожец кающийся» и «За Могилою Рябою», предположительно написанные в 1709 и 1711 годах в связи с Полтавской битвой и Прутским походом, получившие широкую известность и распространявшиеся в рукописных и печатных изданиях-песенниках.

«Запорожец кающийся» демонстрирует нам особенно показательный восьмисложник, близкий к характерному для народно-печенного жанра хореическому метру (остальные 6 из 18 имеют ямбические анакрузы-затакты, впрочем, при пении вполне заменяемые на сильные доли, когда лексическое ударение ослабевает существенно (или даже становится неслышным) либо искажает нормативное, подчиняясь ритми-

¹⁵ Например, отражающие украинскую норму произношения «ять» рифмы встречаются в элегии Прокоповича «Плачет пастушок в долгом несчастьи»: видно — многобедно, отмены — кручины и пр.

ческому движению); акцентуация многих строк при этом повторяется, внося упорядоченность и симметрию в версификационную архитектуру произведения, преобладают трехударные строки с клитиками:

*Что мне делать, я не знаю, 1-3---7-
А безвестно погибаю: --3---7-
Забриол в лесы непроходны, -2 3---7-
В страны гладны и безводны; 1-3---7-
Атаманы и гетманы, --3---7-
Попал я в ваши обманы. -2-4--7-
Пропадите вы за пороги, --3---7-
Лишь бы не збытся з дороги, --3---7-
Не впасть бы мне в сильны руки, 1---5-7-
Не принять бы страшной муки; --3-5-7-
Иду же я на путь прежний, 1---5-7-
Под кров мне zelo надежный. 1---5-7-
Прогневил я самодержца --3---7-
С малоразсуднаго сердца. ---4--7-
Да мой же в том разум твердый, -2--5-7-
Что Бог и царь милосердый: -2-4--7-
Государь гнев свой отставит, --3 4--7-
И Бог мене не оставит. -2-4--7- (Прокопович, 1961, с. 214)*

Антиох Кантемир предлагал строить «осьмисложники» сходным образом — с обязательными ударениями на первом и третьем или первом, четвертом и седьмом слогах (Кантемир, 1956, с. 424).

Песня «За Могилою Рябою» в 30 строках из 45 имеет анакрузы, характерные для хорей, и похожее акцентное построение, например:

*Стали рядом уступати, 1-3---7-
ишого места искати, 1---5-7-
а не всуе пропадати. --3---7- (Прокопович, 1961, с. 215)*

Эта песня интересна, кроме того, присутствием в трех строках дактилических клаузул:

*Не малый час там стреляно,
аж не скоро заказано,
«На мир, на мир!» — закричано. (Там же)*

Семисложники Феофан использует в позднем цикле «Благодарение от служителей домовых за солод нововымышленный домовому эконому Герасиму» (предположительно 1735 года):

*Честный отец Герасим, -2-4-6-
чим мы тебе украсим -2-4-6-
За хлебец твой питейный, -2-4-6-
обиходец келейный? --3--6-
Кто пьет его, тот пляшет -2---6-
да и рукою машет. ---4-6-*

*А я хоть отведаю, -2--5--
 что делать не ведаю. -2--5--
 Хвалят тебе вси явно, -2--5 6-
 хотя не весьма славно. -2--5 6-
 Благодарен же и я, --3---7
 верный твой друг Илия. 1--4--7* (Прокопович, 1961, с. 222)

Акцентуация начал тяготеет к затактовой, с тремя и, реже, двумя ударениями. Есть примеры правильного ямбического¹⁶ и дактилического построения; интересно разнообразие клаузул (зачин с мужскими и дактилическими окончаниями), вносящих ритмические перебои и «прозаизирующих» речь:

*От малых детей
 Где ты, о бородушка, 1---5-
 залучил солодушка. --3-5--
 Какова здесь не было? --3---7
 Так то приятен зело. 1--4--7
 Где-сь ты ездил далико? 1-3--6-
 Где птичье молоко? 1 2--6-
 Понеже, слово-слово, -2-4-6-
 так сладко и здорово. -2---6-* (Там же, с. 223)

Анализу гетеросиллабических произведений Прокоповича автор планирует посвятить отдельную работу, поэтому к разбору в данной статье не привлечен материал этих произведений, как и приписываемых с разной степенью доказательности Феофану иных стихотворений («Песня светская», «К требователю сатири Г. С. А. К.» и др.)¹⁷. Отметим предварительно только, что гетеросиллабические вирши (канты, переложения псалмов, молитвы, элегия, шуточные стихи Феофана) пролагали дорогу появлению неравносложных (вольных) ямбов и хореев, но особенно интересны новаторскими для своего времени экспериментами в области создания новых типов строф и разнообразных видов рифмовки в чередованиях 14-, 13-, 12-, 10-, 8-, 7-, 6-, 5- и 4-сложных строк.

4.5. Цезуры Прокоповича

В силлабике цезурное членение на полустипхи выступает «одним из главных ритмообразующих факторов стиха» (Корчагин, 2021, с. 156). Феофан заявляет о важности цезуры, построенной по типу либо пентемимерис («двухполовинная», то есть с ударением на пятом слоге), либо трохея (предцезурный 7-й слог является безударным после акценти-

¹⁶ См. наблюдения над сильной ямбической тенденцией в Дантовых «эндеко-силлабо» в работе: (Акимова, 2012).

¹⁷ См. о спорах вокруг атрибуции текстов в связи с авторством Феофана Прокоповича: (Еремин, 1960; Ничик, Рогович, 1976; Буранок, 2005, с. 296, 378–384).

рованного шестого), иначе стих представляется «безвкусным» (Прокопович 1961, с. 393). В своей поэтической практике Феофан, однако, пользуется широко и акцентом на шестом слоге, а также в пределах стихотворения часто разнообразит типы «пресечений» чередованием ударных то пятого, то шестого, то седьмого предцезурных слогов:

*Что слава Станислава богом своим славит, -2-6/-8-12-
Станислав бо в имени будто славу ставит. --3-5--/8-10-12-
Сама она не в одном показала деле, -2-7/--10-12-
в какой ты, Станиславе, славу ставиши силе. -2---6-/8-10-12- (Там же, с. 221)*

Тринадцатисложники Прокоповича имеют предцезурное ударение на 6-м слоге в 123 строках, на 7-м уже гораздо реже — в 77 примерах, как и на 5-м — в 76 репрезентациях (дактилоподобная схема перед цезурой, как в эпиграмме «К Селию»: *А тем утверждается / в догмате нечистом... -2--5--/8---12- (Там же, с. 224)*). В 5 случаях тринадцатидольника середина строки с «пресечением» не акцентирована настолько, что ударным оказывается после 4-го только 9-й или 10-й слог, как в оде «Епиникион...» (*Бог сильный. Абие бо / от горняго дому... 1 2-4---/-9-12- (Там же, с. 212); Темници варварския / и ярем безмерный... -2-4---/--10-12- (Там же, с. 214)*) или эпиграмме «К сложению лексиков» (*Если в мучительския / осужден кто руки... 1--4---/--10-12- (Там же, с. 224)*). А.П. Квятковский называет такие цезуры «безударными» (2008а, с. 319), приводя примеры из произведений Симеона Полоцкого и Антиоха Кантемира.

Таким образом, в Феофановых тринадцатисложниках преобладает трохеическое построение цезуры, создающее симметрию с женскими клаузулами, а значит, являющееся важным ритмообразующим фактором.

Одиннадцатисложники Феофана насыщены цезурами, располагающимися между пятой и шестой долями. Акцент падает на четвертый слог в 117 репрезентациях («трохеическая» цезура), на пятый — в 62 случаях, то есть почти вдвое реже. Подобные акцентирования часто представлены в пределах одного произведения как более или менее правильно чередующиеся — например, в переложении псалма «Всяк себе в помощь вышняго предавай...»:

*...он бо от тебе / отвратит вся злая, 1---5/--8-10-
Измет от сети / ловец злонадежных -2-4-/-7--10-
и предпочистит / от словес мятежных. ---4-/--8-10- (Прокопович, 1961,
с. 224–225)*

Дактилические цезуры встречаются в 18 одиннадцатисложниках и обусловлены обычно введением в текст многосложных слов, например:

*Где Петрополо / вредил проезд водный, --3--/-7-9-10-
плодоносная / судна пожирая... --3--/6---10- (Там же, с. 219)*

Синтаксис оказывается еще не настолько гибким и разнообразным, чтобы совместить цезуру с колоном¹⁸, но все же примеры поддержки ритмического «пресечения» конструктивной паузой у Феофана не единичны:

*Ты мой заступник, / ты мой и щит твердый... 1--4-/6-9-10-
О, блажен еси, / в Боге уповая... --3-5/6---10-
в тебе надежда, / ты Бог милосердый! -2-4-/ -7--10- (Там же с. 224 – 225)*

Что касается восьмисложников Феофана, то сошлемся на монографическое исследование К. М. Корчагина, установившего, что «в “Запорожце” Прокоповича цезура встречается в 72,2 % строк, в его же песне “За Могилою Рябою...” — в 82,2 %. Тем самым, можно говорить о тенденции к цезурному членению, но не о самой цезуре» (2021, с. 160), а младшие силлабисты в восьмисложных стихах еще реже прибегали к «пресечениям».

Постановка ударений в предцезурной области в русской традиции впервые подробно описана в трактатах Василия Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (1735) и Антиоха Кантемира «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» (1744). Характеризуя 13-сложный гекзаметр и 11-сложный пентаметр, Тредиаковский рекомендовал для благозвучности мужские «пресечения», то есть на 7 и 5 слогах (1963, с. 376). А. Д. Кантемир рекомендовал упорядочить ритм 13-сложников так, чтобы ударение падало на седьмой или на пятый слог, для одиннадцатисложника считал правильной постановку ударения на четвертом слоге (при женской, или «простой») рифмовке, а ударность пятого слога допускал, если клаузула мужская («тупая» рифма, в терминах трактата) (Кантемир, 1956, с. 423). Как показывает анализ версификации Прокоповича, Феофан предпочитал в тринадцатисложниках акцент все же на шестом слоге (это, кстати, соответствовало рекомендациям в сочинениях Ф. Кветницкого и М. Довгалева (Маслюк, 1983, с. 58 – 59)), но в гендекосиллабах так же, как и его верный ученик и последователь Кантемир, питал пристрастие к постановке ударения на четвертом слоге. Трохеические (женские) цезуры создавали симметрию с женскими клаузулами, подчеркивая ритмическую переключку полустиший; очевидно, этим во многом обусловлена широкая распространенность двусложных цезур, хотя нельзя исключить здесь и влияние польских вирш. Высокий процент женских цезур у Феофана не соответствовал общей тенденции в поздней российской силлабике к готовившему реформу стихосложения переходу к 1730 – 1740-м годам на «хореические рельсы» (Кантемир, Тредиаковский), на мужской либо дактилический тип «пресечений».

Закljučая обзор результатов исследования, отметим, что влияние силлабике на реформирование русской метрики сказывается, помимо

¹⁸ В том понимании, которое вкладывает в него К. М. Корчагин: «Колоном мы будем называть такой сегмент строки, который выделяется при помощи цезуры и обладает синтаксической автономностью» (2022, с. 87).

постепенного формирования прообразов силлабо-тонических размеров, и в том, что Ломоносов предполагал в своем «Письме о правилах российского стихотворства» 1739 года возможность стихов «из ямбов и анапестов» и «хореев и дактилей смешанных» (1952, с. 13–14) (лишь смешения хореев и ямбов отвергались как неблагозвучные), создав первый российский образец четырехиктного дольника «На восходе солнце как зардится...» и проложив тем самым прямой путь к расцвету тоники в российской поэзии.

5. Заключение

Основными источниками, на который могли ориентироваться российские стихотворцы конца XVII — начала XVIII века, в том числе Феофан Прокопович, были:

— античная лирика и польские вирши: неслучайно Прокопович создал несколько стихотворных опытов на латинском и польском языках, а в своем «Искусстве риторическом» предлагал иллюстрации из древнеримской классики;

— образцы русского, украинского и белорусского народного стиха: традициям народного стихосложения оказываются особенно близки песни «За Могилою Рябою», «Запорожец кающийся», в которых проявляется достаточно последовательная хореическая тенденция, а также симметрия ударений, в том числе соседние строки сходны по количеству акцентов;

— духовное песнопение, Давидова «Псалтырь» и жанр проповеди: анализ показал, что Феофан, церковный ритор и теоретик красноречия, активно развивал в своем стихотворном творчестве жанры торжественной оды, канта и переложения псалмов.

Тактометрической стопой силлабики можно считать двудольную форму в силу широкой распространенности чередований, подобных ямбу и хорю, а также тенденций к напоминающей античный спондей ударности или, напротив, к безударности двух следующих подряд слогов в динамической структуре сложников.

Под пером Феофана Прокоповича в направлении от 1700-х к 1730-м годам постепенно совершается упорядочение ритмической структуры силлабических опытов, в том числе в отношении цезурных членений, количества ударений, чередования ударных и безударных слогов, что особенно явно проявляется в области одиннадцати- и восьмисложников.

Акцентная архитектура Феофана Прокоповича демонстрирует тяготение к ямбоподобным началам, что доказывает правоту Михаила Ломоносова, утвердившего своими трудами приоритет ямба как более свойственного русской лире и мелодике русского языка. Однако хореический рефлекс большинства строк Феофановых песен, элегий и кантов свидетельствует и о верном выборе, сделанном в трактатах и зрелых поэтических опытах Василия Тредиаковского в отношении хоря, характерного для песенного рода.

Силлабика уже и после появления трактатов Тредиаковского и Ломоносова оказывала долгое влияние на развитие русской поэзии, что, в

частности, выразалось в предсказанных Ломоносовым дольникам. Высокая степень пирихированности многих Феофановых строк предвосхитила широту ямбических вариаций в поэзии М. В. Ломоносова и его последователей.

Подводя итог анализу акцентной структуры стихов Прокоповича, отметим, что гипотезы стиховедов о формировании метротонических явлений в архитектонике силлабического стиха и о близости слоговиков к народным дольникам находят свое подтверждение. Российская силлабическая школа за почти столетие своего развития не только успела создать необходимые предпосылки для расцвета сначала силлабо-тонического, затем тонического стиха, но и показать широкие версификационные возможности гибкого и богатого русского языка.

Предпринятый в рамках данной работы анализ должен быть продолжен в направлении изучения акцентной структуры силлабики предшественников, современников и последователей Феофана: Симеона Полоцкого и его школы, А. Кантемира, В. Тредиаковского и других русских силлабистов. Перспективами исследования видится исследование синтаксического устройства стихотворений Феофана Прокоповича, а также анализ строфоформирования, морфологии и словарного состава силлабических рифм.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

Список литературы

Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis ps. 36» и «Metaphrasis ps. 72» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15 : Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 154–160.

Акимова М. В. «Некоторым – не закон»: подвижность метрического ударения в итальянской и русской силлабо-тонике // Philologica. 2012. Т. 9, № 21/23. С. 55–72.

Бейли Дж. Избранные статьи по русскому литературному стиху. М., 2004.

Буранок О. М. Лирика Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII века. Самара, 2005.

Гаспаров М. Л. Современный русский стих. М., 1974.

Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // Избр. статьи. М., 1995. С. 9–30.

Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи по лингвистике стиха. М., 2004.

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / сост. Е. А. Кузьмина. М., 2000.

Еремин И. П. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1960. Т. 16. С. 506–510.

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительная статья. М., 2008.

Западов В. А. Русский стих XVIII – начала XIX века (ритмика). Л., 1974

Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956.

Квятковский А. П. Просодия русских виршевиков // Квятковский А. П. Ритмология. СПб., 2008а. С. 301–336.

Квятковский А. П. Что такое силлабический стих // Квятковский А. П. Ритмология. СПб., 2008б. С. 391–408.

Квятковский А. П. Метрика русского народного стиха // Квятковский А. П. Ритмология. СПб., 2008в. С. 423–456.

Квятковский А. П. Основные типы русского стиха // Квятковский А. П. Ритмология. СПб., 2008г. С. 457–494.

Кормилов С. И. Маргинальные системы русского стихосложения. М., 1995.

Корчагин К. М. Цезура в русской теории стиха от Мелетия Смотрицкого до Андрея Белого // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 1 (11). С. 146–157.

Корчагин К. М. Русский стих: цезура. СПб., 2021.

Корчагин К. М. Цезура в русском стихе: попытка формального описания // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. №4. С. 86–97. doi: 10.31912/pvrl-2022.4.5.

Корш Ф. Е. Введение в науку о славянском стихосложении. СПб., 1907.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. : в 11 т. М. ; Л., 1952. Т. 7 : Труды по филологии. 1739–1758.

Лотман М. Ю. Структура и типология русского стиха. Тарту, 2000.

Маслюк В. П. Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ, 1983.

Надеждин Н. Версификация // Энциклопедический лексикон. СПб., 1837. Т. 9 : Вар – Вес. С. 501–518.

Ничик В. М., Рогович М. Д. Феофан Прокопович в рукописных сборниках XVIII века // Русская литература. 1976. №2. С. 91–94.

Орлицкий Ю. Б. Номенклатура типов русского стиха как научная и практическая проблема // Язык – текст – смысл. Памяти Максима Ильича Шапира : сб. ст. / отв. ред. М. Л. Ковшова. М., 2023. С. 39–54.

Поливанов Е. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. №1. С. 96–112.

Прокопович Ф. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М. ; Л., 1961.

Руднев П. А. Введение в науку о русском стихе. Тарту, 1989. Вып. 1.

Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979.

Тарановский К. Ф. Основные задачи статистического изучения славянского стиха // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 234–256.

Тарановский К. Ф. Шестистопный ямб Ломоносова // Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю / гл. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2010. Вып. 1 : Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова / сост., предисл. и примеч. Е. В. Хворостьяновой. С. 145–166.

Тарановский К. Ф., Прохоров А. В. К характеристике русского четырехстопного ямба XVIII века: Ломоносов, Третьяковский, Сумароков // Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю / гл. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2010. Вып. 1 : Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова / сост., предисл. и примеч. Е. В. Хворостьяновой. С. 78–122.

Томашевский Б. В. Стих и язык. М. ; Л., 1959.

Третьяковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий // Избр. произведения. М. ; Л., 1963. С. 365–420.

Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха : в 2 кн. М., 2002. Кн. 1 : Метрика и ритмика.

Шапир М. И. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М., 2015. Кн. 2.

Шенгели Г. Трактат о русском стихе. М. ; Пг., 1923. Ч. 1 : Органическая метрика.

Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. 4. С. 504–526.

Adams St. Poetic designs: An introduction to meters, verse forms, and figures of speech. Peterborough, 1997.

Aroui J.-L. Proposals for metrical typology // Towards a typology of poetic forms. From language to metrics and beyond / ed. by J.-L. Aroui, A. Andy. Amsterdam, 2009. P. 1–40. doi: 10.1075/lfab.2.01aro.

Burgi R.A. History of the Russian hexameter. Hamden, 1954.

Fabb N., Halle M. Meter in poetry. A new theory. N. Y., 2008.

Metryka słowiańska. Wrocław, 1971. S. 39–64.

Об авторе

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

E-mail: nvpatr@list.ru

Для цитирования:

Патроева Н. В. К вопросу о силлабической системе стихосложения: поэтическая практика Феофана Прокоповича // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 140–166. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ON THE QUESTION OF THE SYLLABIC SYSTEM OF VERSIFICATION: THE POETIC PRACTICE OF THEOPHAN PROKOPOVICH

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University,
33 Lenin St., Petrozavodsk, 185910, Russia

Submitted on 15.05.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-9

The study is devoted to the analysis of the accentual architectonics of the isosyllabic works of Theophan Prokopovich. The primary objective of this analysis was to examine the hypothesis regarding the gradual emergence of the syllabo-tonic system within the framework of syllabic verse. This hypothesis challenges the views of numerous scholars of versification, who argue for a revolutionary shift in Russian poetic tradition, attributed to the publication of Vasily Trediakovsky's 1735 treatise. Additionally, the study aims to compare the theoretical recommendations outlined in Prokopovich's poetics and rhetoric with his own experiments in versification. The most common form in Theophan's poetry, as well as in the works of the Virshéviki – his predecessors and contemporaries – is the thirteen-syllable verse. This form is genre- and theme-diverse, appearing in odes, epigrams, inscriptions, occasional poems, and humorous poem cycles. However, it is less metrically ordered compared to other types of syllabic verse and exhibits the greatest diversity in accent placement. It actively demonstrates the "inverted rhythm" described by A.P. Kvyatkovsky and shows the least tendency toward a "fixed" rhythm. Eleven-syllable verses, found in epitaphs, psalm

adaptations, messages, epigrams, and occasional poems, are somewhat less common in Theophan's lyrics. Octosyllabic and heptosyllabic verses are rare, while a single example of a decasyllabic verse is present in his body of work. The "incorrect" lines in isosyllabic verses turn out to be marginal, which, along with the increase in the number of repeating accent patterns in Theophan's poems, speaks of the high development of the verse technique in the post-Petrine era.

The norms of the future syllabo-tonic system gradually, slowly, but steadily developed in the depths of verse poetry. Thus, Theophan's 11-, 10- and 8-syllable verses, as well as non-isosyllabic cantos and arrangements of psalms, demonstrate a high (reaching the level of ideal trochaic, iambic, anapestic and dactylic lines) degree of rhythmic orderliness, supported by anaphoric repetitions, internal rhymes, rare inter-verse hyphenations, which together bring the rhythm and intonation of Theophan's elegies, cantos and songs closer to the melodious syllabo-tonic verse, while the thirteen-syllable verses and some humorous heterosyllabic verses are saturated with conversational and declamatory intonations. The results of the analysis confirm the reformist role of Theophan Prokopovich in the field of ordering syllabic versification, which evolved in the direction of metrotonicity.

Keywords: syllabics, syllabo-tonic, caesura, accentual structure of verse, meter, rhythm, rhyme, clause

Acknowledgment. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

References

- Adams, St., 1997. *Poetic Designs: An Introduction to Meters, Verse Forms, and Figures of Speech*. Peterborough, 260 p.
- Akimova, M.V., 2012. "For some it is not the law": mobility of metrical stress in Italian and Russian syllabic tonic. *Philologica*, 9 (21/23), pp. 55–72 (in Russ.).
- Aroui, J.-L., 2009. Proposals for metrical typology. In: J.-L. Aroui and A. Andy, eds. *Towards a Typology of Poetic Forms. From Language to Metrics and*. Amsterdam, pp. 1–40, <https://doi.org/10.1075/lfab.2.01aro>.
- Avtukhovich, T.E., 1986. On the Authorship of "Metaphrasis ps. 36" and "Metaphrasis ps. 72". In: *XVIII vek Sb. 15. Russkaya literatura XVIII veka v ee svyazyakh s iskusstvom i nauкой* [18th century. Collection 15. Russian Literature of the 18th Century in Its Connections with Art and Science]. Leningrad, pp. 154–160 (in Russ.).
- Bailey, J., 2004. *Izbrannyye stat'i po russkomu literaturnomu stikhu* [Selected articles on Russian literary verse]. Moscow (in Russ.).
- Buranok, O.M., 2005. *Lirika Feofana Prokopovicha i istoriko-literaturnyi protsess v Rossii pervoi treti XVIII veka* [The Lyrics of Theophan Prokopovich and the Historical and Literary Process in Russia in the First Third of the 18th Century]. Samara (in Russ.).
- Burgi, R.A., 1954. *History of the Russian Hexameter*. Hamden.
- Eremin, I.P., 1960. On the issue of the poems of Theophan Prokopovich. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 16. Moscow; Leningrad, pp. 506–510 (in Russ.).
- Es'kova, N.A., 2008. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII – XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'*. Poyasnitel'naya stat'ya [Norms of the Russian literary language of the 18th–19th centuries: Emphasis. Grammatical forms. Word options. Dictionary. Explanatory article]. Moscow (in Russ.).
- Fabb, N. and Halle, M., 2008. *Meter in poetry. A new theory*. New York.
- Fedotov, O.I., 2002. *Osnovy russkogo stikhoslozheniya. Teoriya i istoriya russkogo sti-kha: v 2 knigakh* [Fundamentals of Russian versification. Theory and history of Russian verse: in 2 books]. Book 1. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M. L. and Skulacheva, T. V., 2004. *Stat'i po lingvistike stikha* [Articles on the linguistics of verse]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1974. *Sovremennyyi russkii stikh* [Modern Russian verse]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1995. Russian syllabic thirteen syllable. In: M. L. Gasparov, ed. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Moscow, pp. 9–30 (in Russ.).

Kantemir, A., 1956. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected poems]. Leningrad (in Russ.).

Korchagin, K. M., 2017. Caesura in The Russian Theory of Verse from Meletius Smotritsky to Andrey Bely. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 1 (11), pp. 146–157 (in Russ.).

Korchagin, K. M., 2021. *Russkii stikh: tsezura* [Russian verse: caesura]. St. Petersburg (in Russ.).

Korchagin, K. M., 2022. Caesura in Russian verse: an attempt at a formal description. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 4, pp. 86–97, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2022.4.5> (in Russ.).

Kormilov, S. I., 1995. *Marginal'nye sistemy russkogo stikhoslozheniya* [Marginal systems of Russian versification]. Moscow (in Russ.).

Korsh, F. E., 1907. *Vvedenie v nauku o slavyanskom stikhoslozhenii* [Introduction to the science of Slavic versification]. St. Petersburg (in Russ.).

Kuz'minova, E. A., ed., 2000. *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo* [Grammarians of Laurentius Zizanius and Meletius Smotritsky]. Moscow (in Russ.).

Kwiatkowski, A. P., 2008a. Prosody of Russian Verse Writers. In: A. P. Kwiatkowski, ed. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg, pp. 301–336 (in Russ.).

Kwiatkowski, A. P., 2008b. What is Syllabic Verse. In: A. P. Kwiatkowski, ed. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg, pp. 391–408 (in Russ.).

Kwiatkowski, A. P., 2008c. Metrics of Russian folk verse. In: A. P. Kwiatkowski, ed. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg, pp. 423–456 (in Russ.).

Kwiatkowski, A. P., 2008d. The Main Types of Russian Verse. In: A. P. Kwiatkowski, ed. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg, pp. 457–494 (in Russ.).

Lomonosov, M. V., 1952. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 tomakh. Tom 7: Trudy po filologii 1739–1758* [Complete collection works: in 11 volumes. Vol. 7: Works on philology 1739–1758]. Moscow; Leningrad (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 2000. *Struktura i tipologiya russkogo stikha* [Structure and typology of Russian verse]. Tartu, pp. 204–253 (in Russ.).

Maslyuk, V. P., 1983. *Latinomovni poetiki i ritoriki XVII – pershoi polovini XVIII st. ta ikh rol' u rozvitku teorii literaturi na Ukraïni* [Latin poetics and rhetoric of the 17th – first half of the 18th century. and their role in the development of literary theory in Ukraine]. Kyiv (in Ukr.).

Metryka slowiańska, 1971. Wrocław, pp. 39–64.

Nadezhdin, N., 1837. *Versification*. In: *Entsiklopedicheskii leksikon* [Encyclopedic Lexicon]. Vol. 9. St. Petersburg, pp. 501–518 (in Russ.).

Nichik, V. M. and Rogovich, M. D., 1976. Theophan Prokopovich in manuscript collections of the 18th century. *Russkaya literatura* [Russian literature], 2, pp. 91–94 (in Russ.).

Nikolaev, S. I., ed., 2020. *Theophan Prokopovich. Ob iskusstve ritoricheskogo desyat' knig* [Theophan Prokopovich. Ten books on the art of rhetoric]. Translated by G. A. Stratanovsky. Moscow; St. Petersburg (in Russ.).

Orlitsky, Yu. B., 2023. Nomenclature of types of Russian verse as a scientific and practical problem. In: M. L. Kovshova, ed. *Yazyk – tekst – smysl. Pamyati Maksima Il'icha Shapira: sbornik statei* [Language – text – meaning. In memory of Maxim Ilyich Shapira: collection of articles]. Moscow, pp. 39–54 (in Russ.).

Polivanov, E., 1963. General phonetic principle of any poetic technique. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 96–112 (in Russ.).

Prokopovich, F., 1961. *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad (in Russ.).

Rudnev, P.A., 1989. *Vvedenie v nauku o russkom stikhe* [Introduction to the Science of Russian Verse]. Issue 1. Tartu (in Russ.).

Russkoe stikhoslozhenie XIX v.: Materialy po metrike i strofike russkikh poetov [Russian Versification of the 19th Century: Materials on the Metrics and Stanzas of Russian Poets], 1979. Moscow (in Russ.).

Shapir, M.I., 2015. *Universum versus: Yazyk – stikh – smysl v russkoi poezii XVIII – XX vekov* [Universum versus: Language – verse – meaning in Russian poetry of the 18th – 20th centuries]. Book 2. Moscow (in Russ.).

Shengeli, G., 1923. *Traktat o russkom stikhe* [Treatise on Russian Verse]. Vol. 1. Moscow; Petrograd (in Russ.).

Taranovsky, K.F. and Prokhorov, A.V., 2010. On the characteristics of Russian iambic tetrameter of the 18th century: Lomonosov, Trediakovsky, Sumarokov. In: N.N. Kazansky, ed. *Slovar' yazyka M.V. Lomonosova. Materialy k slovaryu* [M.V. Lomonosov's Dictionary of the Language. Materials for the dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg, pp. 78–122 (in Russ.).

Taranovsky, K.F., 2000. The Main Tasks of Statistical Study of Slavic Verse. In: K. Taranovsky. *O poezii i poetike* [On Poetry and Poetics]. Moscow, pp. 234–256 (in Russ.).

Taranovsky, K.F., 2010. Lomonosov's Iambic Six-Foot. In: N.N. Kazansky, ed. *Slovar' yazyka M.V. Lomonosova. Materialy k slovaryu* [M.V. Lomonosov's Dictionary of the Language. Materials for the dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg, pp. 145–166 (in Russ.).

Tomashevsky, B.V., 1959. *Stikh i yazyk* [Verse and Language]. Moscow; Leningrad (in Russ.).

Trediakovsky, V.K., 1963. A new and short method for composing Russian poems with definitions of previously appropriate titles. In: V.K. Trediakovskiy, ed. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow; Leningrad, pp. 365–420 (in Russ.).

Yarkho, B.I., 1969. Methodology of precise literary studies. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. Vol. 4. Tartu, pp. 504–526 (in Russ.).

Zapadov, V.A., 1974. *Russkii stikh XVIII – nachala XIX veka (ritmika)* [Russian verse of the 18th and early 19th centuries (rhythm)]. Leningrad (in Russ.).

The author

Prof. Natalia V. Patroeva, Head of the Department of Russian Language, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

ORCID: 0000-0003-3836-6393

E-mail: nvpatr@list.ru

To cite this article:

Patroeva, N.V., 2025, On the question of the syllabic system of versification: the poetic practice of Theophan Prokopovich, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 140–166. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-9.

ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

УДК 821.161.1

«БАВАРИЯ, КОТОРОЙ ВЕК НЕ ЗАБУДУ»: К ОБРАЗУ НЕМЕЦКОГО ПРОСТРАНСТВА В «ПУТЕВЫХ ПИСЬМАХ ИЗ АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ» Н. И. ГРЕЧА

С. С. Жданов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Россия, 630108, Новосибирск, ул. Плеханова, 10
Новосибирский государственный технический университет,
Россия, 630073, Новосибирск, просп. Карла Маркса, 20
Поступила в редакцию 14.11.2023 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-10

Рассмотрены образы баварского пространства на материале травелога «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча с точки зрения имагологического и семиотического подходов. Проанализирована репрезентация столичной и провинциальной образности Баварии. Выявлена ее лиминальность, зафиксированная в тексте Греча, то есть промежуточное положение между Севером и Югом. Установлена связь проанализированных локусов с такими пространственными типами, как демиприродная идиллия, историческая память, искусство (и наука), а также немецкое филистерство. Центральное место в греческой репрезентации Баварии занимают образы городов Регенсбурга и Мюнхена, в особенности второго. В описании баварской столицы представлены все упомянутые выше пространственные типы, что делает его наиболее сложно устроенным. Образы Регенсбурга и примыкающего к нему зала немецкой славы Валгаллы связаны с пространствами демиприродной идиллии, исторической памяти и искусства. Прочие локусы, упомянутые в тексте, устроены проще. Кроме того, в греческой репрезентации баварского пространства зафиксирована ее связь с четырьмя модусами описания Германии в русской литературе XIX века: сентименталистским, романтическим, нейтрально-фактографическим и травестийным мирообразами.

Ключевые слова: имагология, травелог, мирообраз Германии, Бавария, Мюнхен, пространство, Н. И. Греч, русская литература

Введение

Образы Баварии не раз привлекали внимание литературоведов, исследовавших данную проблематику на материалах зарубежной (Поршнева, 2020) и русской литератур. Причем в последнем случае тема Бава-

рии рассматривалась в контексте биографии и творчества как авторов рубежа XIX—XX веков — А. Белого (Asadowski, Lavrov, 2006; Масленникова, 2016; Лощилов, 2017), М. А. Волошина (Гитаренко, 2017), — так и интересующего нас в этой работе периода — первой половины XIX столетия: В. А. Жуковского (Янушкевич, 2004), Ф. И. Тютчева (Осповат, Пигарев, Лернер, 1989), М. П. Погодина и Н. А. Корсакова (Жданов, 2018).

Настоящее имагологическое исследование сфокусировано на репрезентации пространства Баварии в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча, в которых, в частности, описывается путешествие автора по баварским землям в 1837 году. Следует отметить, что, хотя этот травелог и изучался в целом ряде литературоведческих работ (Ильченко, Аксенова, 2016; Аксенова, Чарчоглян, Садиева, 2019; Аксенова, 2020; Жданов, 2023а), баварская образность в них не являлась отдельным предметом анализа. Между тем «баварский эпизод» гречевского текста, составляющий значительный по объему фрагмент третьей части путевых писем, представляется достаточно интересным с точки зрения как введения в сферу литературоведческого анализа относительно нового текстового материала, так и сравнения созданного Гречем образа Баварии с баварскими образами иных отечественных авторов, относящимися к концу 30-х — началу 40-х годов XIX века.

Провинциальная Бавария как пространства идиллии, исторической памяти и искусства

В баварском фрагменте гречевского травелога можно формально выделить два пространственных типа. Первый — столичный, связанный с репрезентацией Мюнхена, о котором речь пойдет в следующем разделе этой работы. Второй же — провинциальный, куда относятся краткие описания / упоминания различных городков и местечек, а также Регенсбурга, изображенного более подробно.

Попутно заметим, что анализируемый травелог знаменует актуализацию интереса русских путешественников и, соответственно, через них и русской культуры к баварскому пространству, которое подвергается в ее рамках активной рецепции. Разумеется, Греч не является «первооткрывателем» Баварии в русской словесности, ведь баварские локусы упоминаются еще в зарубежных письмах Д. И. Фонвизина. Но именно в конце 30-х годов XIX века Бавария выступает объектом внимания целого ряда русских путешественников, оставивших об этом письменные свидетельства. Греч посещает ее в 1837 году, фиксируя впечатления в путевых письмах, а почти синхронно с писателем, в 1839 году, Баварию осматривают М. П. Погодин и Н. А. Корсаков, что отражают травелоги начала 40-х годов. Более того, мотив Баварии как *terra incognita* для русской культуры эксплицитно отрефлексирован самим Гречем, объясняющим отечественному читателю причины подробного описания Мюнхена, то есть интерес к неизвестной Баварии нуждался в объяснении: «Вам вздумается, может быть, спросить, отчего

я так пристрастился к Мюнхену <...> Мюнхен... не так у нас известен, как Берлин, Дрезден, Франкфурт, а между тем достоин внимания по многим отношениям»¹ (Греч, 1839, с. 83). В целом можно говорить о положительной оценке автором Баварии, которую он по собственному признанию «век не забудет» (Там же, с. 101). При этом баварская провинция наиболее подробно представлена именно в греческом тексте. В травелоге Корсакова помимо Мюнхена изображен Аугсбург, Погодин упоминает, правда, больше мест (лес Шессарт, Ашаффенбург, Вирцбург, Бамберг, Регенсбург, местность перед Линдау), но в плане подробности пространственных описаний «баварский» фрагмент в произведении Греча превосходит оба вышеупомянутых текста.

Необходимо подчеркнуть, что баварские провинциальные локусы в травелоге Греча преимущественно характеризуются связью с одним-двумя типами пространства. Это могут быть пространства идиллии и исторической памяти, причем военной, что порождает парадоксальное сочетание мотивов мира и войны в рамках описания одного локуса. Такая репрезентация становится возможна благодаря введению автором диахронии: война связывается с прошлым, а идиллический мир — с настоящим: «урочища, известные по происходившим тут битвам, Абенсберг, Экмюль, Ландсгут, Пфаффенгофен» — «это все уже принадлежит к Древней Истории! Благословения мира залечили тяжкие раны войны: плуг земледельца сравнял следы грозных батарей, могилы храбрых зеленеются тучными пажитями» (Там же, с. 39). Пространство исторической памяти здесь уходит на второй план. Если в греческих путевых письмах 1817 года история Наполеоновских войн воспринималась автором как актуальная и экспрессивно окрашенная, то спустя двадцать лет идиллический элемент вытесняет военно-мортальный. Соответственно, фиксируется современная идиллия немецкого (и шире — общеевропейского) пространства, маркированного мотивами мира и благоденствия. Автор раскрывает свою мысль, описывая новое согласие Австрии и Баварии, сменившее бывшее противостояние держав, в отношении которых вмешивалась ранее Франция, чей образ традиционно связан в травелогах Греча с мотивами смуты, беспорядка: «Бавария, по положению своему между Австриею и Франциею, в прежние времена... была позорищем кровопролитных и опустошительных битв. <...> они (баварские монархи. — С. Ж.) принуждаемы были вступать в союз с соперницею Австрии, Франциею, и этот союз... был им... вреден. <...> в русском походе 1812 года пали тридцать тысяч Баварцев². Король после

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала приближены к современным.

² Этот факт также маркирован Погодиным и Корсаковым через локус исторической памяти: в тексте второго нейтрально-фактографично, если не считать обязательных проклятий в адрес Наполеона, описан памятник на Каролингской площади Мюнхена «в честь убитых в России по ненасытному честолюбию Наполеона 18-т воинов. На четырех его сторонах означены, на черных досках золотыми цифрами, 1812 и 1815 годы и число на одной Генералов, на другой Штаб-Офицеров, на третьей Субалтерн-Офицеров, а на четвертой нижних чи-

Лейпцигской Битвы увидел, что долг и честь повелевают ему приступить к делу Германии... Со времени парижского мира Бавария наслаждается совершенным спокойствием» (Там же, с. 42–43). Подчеркнуто сглаживание политических противоречий между Австрией и Баварией и германскими землями в целом, то есть перед нами та же идиллия, основоположником которой мыслится Александр I: «Прежнее совместничество с Австриею³ ныне совершенно уничтожено мудрою политикою обоих Кабинетов и тесными родственными связями владетельных Домов Австрии и Баварии. ... господствует со времени Венского Конгресса искреннее единодушие между отдельными державами Германии» (Там же, с. 43).

Эта идиллия может быть соотнесена с сентименталистским мирообразом Германии, у истоков которого в русской словесности — карамзинские «Письма русского путешественника». Сходством с идиллическим «рейнским» текстом Карамзина отмечено следующее описание баварской провинции: «Дорога из Мюнхена до Вены пролегает по прекрасным местам. <...> Первый городок красивый и оригинальный есть Вассербург: он лежит... на берегу реки Инна... долина этой реки... очень живописна. Издали синеются Зальцбургские Горы. Попадаются развалины рыцарских замков: знатнейший из них Верденфельд» (Там же, с. 100). Перед нами развернут типичный визуально привлекательный сентименталистский ландшафт облагороженной природы, лишенный элемента предромантического ужаса, свойственного карамзинской репрезентации Германии. Пространство исторической памяти средневековых замков не оживает, как в тексте Карамзина, но лишь напоминает о себе, став деталью общей картины.

В иных случаях значимость баварского локуса может быть обозначена через связь лишь с пространством исторической памяти: «село Гогенлинден знаменитое победою, одержанною 8-го декабря 1800 года генералом Моро над Австрийцами. Место это прозаическое и без справки с лексиконом не возбуждает никакого внимания <...> здесь

нов» (Корсаков, 1844, с. 82). В характеристике этого памятника нейтрален и Греч: «бронзовый обелиск, на мраморном фундаменте, воздвигнутый на Каролининой Площади в память Баварцев, погибших в России. На четырех сторонах его находятся следующие надписи: «Тридцати тысячам Баварцев, погибших в Русском походе. <...> И они пали за освобождение отечества» (Греч, 1839, с. 78). Репрезентация памятника в погодинском тексте гораздо более эмоциональна и содержит упрек уже в сторону баварских властей: «По дороге памятник 15 тысяч Баварцев, которые погибли в продолжении похода в Россию, с подписью: и они пали за свободу отечества! Помянуть их должно, это правда, но не в качестве героев, павших за свободу отечества!» (Погодин, 1844, с. 90).

³ Отметим лиминальный «в квадрате» статус баварского пространства: с одной стороны, Бавария служит точкой соперничества между Францией и Австрией (условным Западом и Востоком), а с другой — между северогерманскими землями и Австрией (Севером и Югом). В этом смысле в травелего Греча зафиксирован момент перехода баварского локуса в северогерманское пространство, ядром которого выступает в постнаполеоновскую эпоху Пруссия.

есть древности еще древнейшие: местечко Партенкирхен было со времени Римлян славным и богатым городом» (Там же, с. 100–101). Данная репрезентация есть вариант не сентименталистского, а фактографического миробраза Германии.

Еще одним вариантом маркирования провинциальной Баварии является мотив лиминальности / ненемецкости. Это, во-первых, Вальдмюнхен, «первое баварское местечко» на границе с Богемией, связанное с русскостью: «Здесь удивила меня приятным образом колокольня: ... на всех церквях Германии видел я башни пирамидальные, островерхие: в первый раз показалась маковка, наподобие наших» (Там же, с. 26). Во-вторых, «небольшое местечко» Миттельвальде, где ощутима «близость Италии»: «жители занимаются деланием скрипок, а жены их вяжут шелковые кошельки» (Там же, с. 101).

В отличие от вышеперечисленных провинциальных локусов образ Регенсбурга устроен сложнее, связан с различными типами пространств. Во-первых, это лиминальный локус, который «отошел к Баварии» сравнительно недавно по отношению ко времени написания греческого травелога — в 1810 году. Кроме того, в отличие от баварцев-католиков жители Регенсбурга «большую частью лютеране» (Там же, с. 27). При этом за рамками греческого нарратива остается факт, что до того, как стать имперским городом в составе Священной Римской империи, Регенсбург входил во владения баварских герцогов.

Значительное внимание в описании Регенсбурга уделено пространству исторической памяти — от времен его основателей, римлян («построен Римлянами и уже во втором веке по Р.Х.» (Там же)), до эпохи Наполеоновских войн. Данное пространство изображено зачастую отстраненно-фактографично. При этом остатки Средневековья, представленного готическими локусами, описаны негативно, как некая странность, пережиток прошлого, противопоставленного рациональной современности XIX века: «Улицы... узкие, кривые и нехорошо вымощенные» (Там же); «В одном приделе показывают старинный барельеф... работа не изящная... В... соборе есть странность... устроен внутри церкви колодезь со спускным ведром!» (Там же, с. 28).

Неслучайно большое внимание Греч уделяет описанию обновления регенсбургского собора. С одной стороны, локус маркирован мотивами древности («древнее готическое здание», «древний храм») и сакральности («священный сумрак», «свет» «сквозь расписанные разными цветами стекла»), а с другой — мотивом обновления старого пространства: «Разбитые... стекла заменены новыми, на которых краска гораздо ярче и светлее старинных. Внутренность собора еще недавно загромождена была разными пристройками, скамьями, монументами. Король Баварский... любитель древности и искусств, приказал очистить весь храм и исправить попорченное. Теперь находится в нем только один памятник посреди церкви, великолепный и изящный: бронзовая статуя баварского принца, кардинала и епископа Вильгельма...» (Там же). Как видим, элементы нового подчеркнута связаны с баварскостью, утверждающей

себя в лиминальном локусе. Монарх, хотя и назван любителем древности, не столько восстанавливает, сколько расчищает место под статую баварского принца, которая составляет фокус внимания и, единственная, удостоена превосходных эпитетов в описании — «великолепный и изящный» памятник, противопоставленный «не изящной работе» — старинному церковному барельефу.

Выставленная в центре баварскость памятника очевидно должна заместить собой небаварское прошлое. Примечательно в этом смысле упоминанием Гречем другого памятника в соборе, посвященного «покойному Князю-Примасу, Дальбергу» и изображающего «гения», плачущего «над бюстом усопшего» (Там же). Это образ недавнего прошлого Регенсбурга. Последний достался Дальбергу в 1803 году, а в 1810-м уже перешел баварскому правителю. Сам памятник «в одной нише», с одной стороны, противопоставлен центральному памятнику баварского принца, а с другой — связан с мотивами христианского смирения и примирения с наполеоновским прошлым Германии. Соответственно, Греч весьма мягко критикует принявшего сторону французского императора Дальберга: «Дальберг в политическом поведении оказал большую слабость, потворствуя всем замыслам и действиям Наполеона против Германии, но как частный человек заслужил благодарную память в Регенсбурге...: он делал добра, сколько мог, и почти все свое имущество роздал бедным» (Там же, с. 29). При этом памятник принцу-примасу описан менее подробно, чем памятник Кеплеру, воздвигнутый в городе по приказу Дальберга. Греч в репрезентации данного места, связанного с пространством исторической памяти, не скупится на выражения своих чувств: Кеплер назван «великим астрономом», «который скончался здесь в 1630 году, истомленный страданиями и горестию», а на барельефе памятника изображение ученого «...снимает покров с таинственной Урании, а она подает ему зрительную трубу; по карнизу изображены созвездия зодиака» (Там же, с. 30).

Также Регенсбург является частью пространства Наполеоновских войн, но за исключением выражения «жестокие сражения» описание города в этом плане не отличаются эмоциональностью: «Регенсбург и окрестности его служат живым памятником важных событий, случившихся здесь в 1809 году. Здесь происходили жестокие сражения между Французами и Австрийцами» (Там же, с. 30—31). Кроме того, нейтральным тоном сообщается, что на этом месте «Наполеон был ранен легко пулею в ногу», а стены монастыря хранят «следы ядер и картечи» (Там же, с. 31).

Наконец, в пространстве Регенсбурга есть следы сентименталистского мирообраза Германии как идиллии с мотивами порядка, чистоты, уюта: «Все чисто, опрятно, уютно»⁴ (Там же, с. 28—29). Также упомянуты демиприродные локусы, воплощающие синтез естественной красо-

⁴ В травелогe Погодина Регенсбург назван «достопочтенным» (Погодин, 1844, с. 86).

ты и искусства — облагороженную природу: «прекрасный широкий бульвар, облегающий значительную часть города» (Там же, с. 29—30), где стоят памятники знаменитостям, связанным с Регенсбургом, в том числе и вышеупомянутый монумент Кеплеру; здание бывшего монастыря, служащее дворцом князю Турн-и-Таксисскому и окруженное «прекрасным садом» (Там же, с. 31). Репрезентация этого локуса — типичное сентименталистское визуальное «пиршество», пейзаж с набором положительных характеристик: «изящно и великолепно», «со вкусом» (Там же, с. 32). Большое внимание уделено различным украшениям, связанным с мотивом визуальной привлекательности: «Манеж украшен зеркалами и барельефами» (Там же); «В саду великолепный павильон... Прелестнейший цветник окружает его... В куртинах его красуются разноцветные далии...» (Там же, с. 31). Дополнительную сентименталистскую чувствительность репрезентации локуса добавляет идеальный образ его хозяина: князь «добр, чувствителен, великодушен, прост в обращении, сострадателен к бедным» (Там же, с. 32).

В еще большей степени мотивы идеального просвещенного монарха и облагороженной природы сочетаются в репрезентации другого локуса в окрестностях Регенсбурга — Валгаллы, мемориала, воздвигаемого баварским королем на момент написания Гречем травелога. Проплывавший мимо чуть позже Погодин также замечает, что «она еще не готова» (Погодин, 1844, с. 86). При этом в погодинском описании локус приобретает черты отдаленности, загадочности и связи с дикой природой, что отсылает к романтическому мирообразу Германии: «Вон белеется Валгалла на берегу Дуная, окруженная густым лесом. ...Издали это живописно и пиитично!»⁵ (Там же, с. 88). Хотя романтические черты и чужды, за редким исключением, манере изображения Германии Гречем, в его репрезентации баварской Валгаллы они имеются. Это, например, мотив романтического странника, движимого некой сверхидеей. В гречевском травелоге в данной роли выступает будущий король, баварский принц, «муж, образованный глубоким изучением Древних, пламенный любитель своего отечества, выпренный мыслями, благородный чувствами, с самых юных лет питал в глубине поэтической души своей великую мысль — воздвигнуть пантеон славе Германии <...> Принц в течение четырнадцати лет странствовал... и искал места, удобного для осуществления на нем великой мысли» (Греч, 1839, с. 35—36). У него, по логике романтической сказки, есть помощники и наставники в пути: «...советовался со знаменитейшими из своих современников... и заказывал бюсты великих людей отличным художникам» (Там же, с. 36). При этом мифическое и историческое начала тесно переплетены. По-

⁵ То, что Валгалла не закончена, придает ее образу в гречевском тексте оттенок ирреальности и отдаленности. Причем отдаленность во времени (будущем) сочетается с отдаленностью наблюдателя-нарратора в пространстве. Как и в погодинском травелоге, Греч дает контрастный образ локуса, где светлый центр вписан в темное окружение: «День склонялся к вечеру. Здание Валгаллы долго господствовало над горизонтом и наконец исчезло в сумрачной дали» (Греч, 1839, с. 39).

будительным мотивом странствия принца в тексте Греча выступают события 1806 года — «падение тысячелетней Империи Германской, за которыми последовали внутренние раздоры и порабощение Немецкой Земли чужеземному игу», то есть в каком-то смысле разрушение хронотопа «золотого века». Соответственно, строительство Валгаллы мыслится в рамках апокатастасиса — восстановления былой идиллии, причем восстановление империи имеет сакрально-мифический, а не только политико-юридический смыслы.

Место строительства также маркировано автором и исторически, и мифологически — это гора в «самой середине Баварии, близ жилища первых ее властителей, Агилофингов⁶» со свойственной мифу ориентацией по странам света (центр-средоточие сакрального, благословенные юг и восток, суровый север, запад, маркируемый развалинами замка, то есть романтической древностью: «С вершины... взор путника видит к югу и востоку на несколько верст извивистое течение Дуная и пространную равнину, цветущую благословением неба, в синей дали ограничиваемую туманными Тирольскими Альпами. На западе представляется гора Штауф с живописными развалинами древнего замка. К северу идут покрытые лесом холмы, до сурового Бемервальда. Нельзя было выбрать места красивее, величественнее, значительнее!» (Там же, с. 36)). Сравните это эмоциональное описание с предшествующим ему страницей ранее текстом: «Утро... посвятил я на посещение знаменитой Валгаллы. ...по левому берегу Дуная. Эта сторона реки, нагорная, изобилует многими значительными высотами. Правая, луговая, состоит из необозримой равнины» (Там же, с. 35). Если не считать гиперболического эпитета «необозримый», пейзажная репрезентация прозаична, но Греч находит нужным добавить ей новые экспрессивные черты в соответствии с логикой романтического мирообраза. Исторично и мифологично место строительства Валгаллы еще и в том смысле, что центром предполагаемого апокатастасиса пространства, называвшегося, напомним, Священной римской империей немецкой нации, выступает Регенсбург, место, где «с 1663 до 1806 года находился... сейм Немецкой Империи» (Там же, с. 27). Наконец, сам топоним отсылает к германской мифологии, временам язычества⁷, закольцовывая тем самым хронотоп, сливая прошлое, настоящее и будущее: «Ныне все здание одето снаружи деревянным сараем, и в этом виде представляет оно издали вид ве-

⁶ Таким образом, строительство Валгаллы есть не только мифопоэтический, но и политический акт возвращения лиминального Регенсбурга в баварское пространство, связывающее нынешнюю династию с герцогами раннего Средневековья (Агилольфингами).

⁷ Баварская Валгалла также соотносится с языческим хронотопом в его облагороженном эллинском варианте, то есть по представлениям европейцев XIX века о древнегреческой религии, поскольку мыслится подобием Парфенона: «Здание Валгаллы будет построено... в виде и в размерах знаменитейшего храма всех веков, афинского Парфенона, из белого мрамора...» (Греч, 1839, с. 37). Синкретизм эллинских и германских элементов проявлен и в обозначении Глюка и Моцарта «диоскурами музыки» (Там же, с. 38).

личественный. Что ж будет, когда откроются его беломраморные стены, величественные колонны, великолепный портик! Картина будет несравненная» (Там же, с. 36–37); «Я осмотрел прекрасное, величественное здание во всех его частях, еще не конченных, и переселялся мысленно в будущее, когда откроется во всем блеске этот храм Истории и Искусства» (Там же, с. 39). В целом этот баварский локус характеризуется положительно как «знаменитая» (Там же, с. 35), «несравненная картина» (Там же, с. 37) с «величественными колоннами» и «великолепным портиком», «прекрасное, величественное здание», «храм, не имеющий себе подобного», «несравненная Валгалла», существующая в обоих мирах — реальном и идеальном — как идея и ее воплощение: «Великая мысль, великое исполнение!» (Там же, с. 39). Здесь мы имеем дело с редким «прорывом» мифологического в рационализированную идиллию, какой обычно рисуется Германия Гречем (Жданов, 2023б).

Если Погодин созерцает Валгаллу мельком и издали, то непосредственно осматривавший ее Греч приводит конкретные детали, сменяя регистр повествования с мифологического на фактографический в ущерб романтическому мирообразу: «Во внутренности здания простирается зала, составляющая продолговатый четырехугольник, шириною в 50 футов, длиною в 220, над которою изгибается сводом потолок, украшенный богатыми кассетурами» (Греч, 1839, с. 37–38). В греческом образе Валгаллы слиты пространства идиллии, истории и искусства, что подчеркнуто экфразисом изображений. Сочетание мирно-идиллического и военного элементов представлено образами древних германцев: «Вдоль по стенам будут изображены в непрерывном рельефе переселение древних Германцев в нынешнее свое отечество, их религия, нравы и обычаи, войны и мирные сношения» (Там же, с. 37). Впрочем, военный и монархический элементы главенствуют в описании локуса — от «изображений древних героев Германии, нанесших первый удар вековой силе Рима» через средневековых монархов и до современных германских правителей, включая «великих Государей, которые, родясь в Германии, прославились на иных тронах», в том числе «Екатерину Ангальтскую» (Там же, с. 38). Даже в пространстве германского духа существенное место отдается полководцам: «Вокруг царских глав займут свое место поборники Веры, правды и чести, независимости отечества, наук и искусств: полководцы, от Херуска Германа до Шварценберга и Блюхера; мудрецы, Лейбниц и Галлер; поэты Шиллер и Гете; знаменитые художники от Албрехта Дюрера до Менгса; диоскуры музыки, Глук и Моцарт» (Там же).

Наконец, образ Валгаллы в тексте Греча связан не только с Регенсбургом, в окрестностях которого она расположена, но в символическом смысле — с баварской столицей, в котором пространство искусства выражено ярче всего в согласии с сентименталистским дискурсом, где путешествие есть поиск изящных наслаждений: «Зрелище несравненной Валгаллы приготовило мою душу к восприятию впечатлений изящного. На другой день... въехал я в Мюнхен, где ожидали меня неожиданные мною наслаждения!» (Там же, с. 39).

Образ Мюнхена через призмы искусства, истории, идиллии и филистерства

Именно образы искусства (изящного) составляют ядро греческой репрезентации Мюнхена. В то же время демиприродная идиллия, акцентированная в изображениях баварской провинции, в столичном локусе не проявлена и даже отрицается напрямую через антиидиллические мотивы неизобильности, суровости и визуальной непривлекательности местных пейзажей: «Окрестности Мюнхена не имеют ничего привлекательного⁸: город лежит на возвышенной равнине..., ограничиваемой с юга Тирольскими Альпами, которые ограждают ее от южных ветров и причиняют чувствительную суровость температуры. Почва песчаная, бесплодная. Леса и рощи очень редки» (Греч, 1839, с. 40). Греч лишь упоминает, но не описывает «широкие луга» и «большой парк» при въезде в столицу, концентрируясь на изображении архитектурных локусов, то есть перед нами демиприродная, а прежде всего немецкая чистая, визуально привлекательная городская идиллия: «При въезде в город... начинаются... дома широкой улицы (Лудовиковой...), два ряда больших великолепных зданий... в больших размерах, с изящным вкусом. Все чисто, опрятно, порядочно» (Там же, с. 41). В характеристике локусов, как видим, подчеркнуты масштабность и визуальная привлекательность⁹.

В этом плане образ Мюнхена в травелогe Греча схож с образами баварской столицы в текстах Погодина и Корсакова. Последний, в частности, в качестве знаковых локусов называет Музей, отделанный «довольно богато» королевский дворец (Корсаков, 1844, с. 83), Кафедральную церковь Богоматери, а также Картинную галерею, или Пинакотеку. Погодин упоминает Глиптотеку, здания на Людвиговой улице («новый Университет, новая Библиотека, Академия художеств, Институт для девиц, Семинария» (Погодин, 1844, с. 90)), дворец, картинную галерею. При этом в погодинском травелогe существенную роль играет мотив новизны Мюнхена, в пространстве которого баварский король выступает творцом: «новая Лудвигова улица», выстроенная «нынешним королем» (Там же, с. 89), «новый Университет, новая Библиотека» (Там же, с. 90), «новый дворец» (Там же, с. 93); «Галерея... расписана в простенках <...> с надписями в стихах сочиненные самим Королем» (Там же, с. 91). У Корсакова мотив короля-творца выражен слабее, лишь в описании «винтообразной лесенки» во дворце, которая есть «произведение самого Короля» (Корсаков, 1844, с. 83).

Греч же упоминает целый ряд баварских правителей, изображенных в соответствии с идеалом просвещенного монарха: «Курфирст

⁸ Ср. у Погодина: «Чем более приближались к Минхену, тем пустынное и бесплодное становилась страна» (Погодин, 1844, с. 88).

⁹ Аналогичным образом въезд в Мюнхен описан и Погодиным: «Въезд в Минхен великолепный — по новой Лудвиговой улице <...> Что за здания — одно другого огромное и великолепнее» (Там же, с. 89).

Максимилиан... по уничтожении иезуитов¹⁰ отдал их имения в пользу училищ и основал Академию Наук, которая много способствовала к водворению образования в Баварии. При Карле Теодоре... распространены прежние и основаны новые учебные и художественные заведения. В правление Максимилиана Иосифа <...> введено новое городское управление и положено начало разным общепользным предприятиям» (Греч, 1839, с. 43–44). Но в наибольшей степени мотивы просвещенного монарха и одновременно обновителя Баварии связаны в греческом тексте с образом «Лудовика I, нынешнего короля», который «...доворшает славу и блеск своего отечества распространением просвещения, возвышением наук и изящных художеств» (Там же, с. 44). Данный образ во многом определяет репрезентацию баварского пространства. Так, мотив утверждения себя монархом в пространстве, характерный для описания регенсбургской Валгаллы, в еще большей степени выражен в пространстве Мюнхена. В этом смысле локус Валгаллы есть символически его часть и предвстие. Описанные Гречем Валгалла и Мюнхен суть квинтэссенция изящного: «Пребывание мое в Мюнхене было самое приятное: <...> нигде не находил столько наслаждений, истинно изящных» (Там же, с. 42).

Соответственно, Людвиг автор изображает как демиурга изящной пространственности. Мюнхен выступает местом приложения сил короля-строителя, утверждающего себя в пространстве через архитектуру (и прочие искусства). При этом роль объединителя баварских земель, хотя и упомянута в регенсбургском фрагменте текста, является второстепенной по сравнению с ролями короля-художника и короля-объединителя времен (а не топосов). В описании Валгаллы упоминалось, что данный локус искусства и исторической памяти мыслится воплощением афинского Парфенона, то есть эллинского духа как предтечи европейской цивилизации. В мюнхенском фрагменте этот мотив закольцовывания времен, воссоздание старого в новом выражен еще ярче: «...Лудовик в юности своей, отвращая взор от плачевной картины настоящего, углубился мыслию в древность: изучал вековые памятники гения человеческого в произведениях Египтян, Греков и Римлян...» (Там же, с. 44); «Мюнхен под благотворною рукою августейшего любителя искусств возвысился на степень Афин Германии, обогатился и ежедневно обогащается новыми сокровищами изящного... произведения искусств... возникают одно подле другого и вскоре сольются¹¹ в прекрасное целое» (Там же, с. 45).

¹⁰ В «баварском» фрагменте греческого травелога иезуиты как противники Просвещения суть воплощенное зло: «Процветанию Баварии в умственном отношении препятствовал в старину фанатизм иезуитов, которые, прибрав к рукам воспитание юношества, заглушали все порывы гения, все старания благонамеренных людей о действительном просвещении народа и распространяли ненависть к иноверцам» (Греч, 1839, с. 43).

¹¹ Отметим здесь то же слияние будущего с настоящим и прошлым, что и в репрезентации Валгаллы.

Связь Мюнхена в данный период с образом Афин зафиксирована не только Гречем, но и, например, П. А. Вяземским в стихотворении «Мюнхен» (1854), посвященном отрешившемуся от престола Людовику: «Любовь к прекрасному всю жизнь его проникла, душой тевтонец он, а чувством древний грек. Воскресли с ним златые дни Перикла, с ним Августа воскрес блестящий век. Германский Рим, германские Афины воздвигнул он, искусства царский жрец...» (Вяземский, 1887, с. 165). В обоих текстах установлена связь между пространством Мюнхена и образом монарха, а также введен мотив царя-жреца (искусства). В случае Вяземского это сделано эксплицитно, в случае Греча — косвенно, например, через образ людвиговских Валгаллы-Парфенона, а также Глиптотеки: «Здесь, царственный юноша, проникнутый священным пламенем чистой любви к Древности и искусствам, воздвиг им достойный храм...» (Греч, 1839, с. 49). Строя Глиптотеку, «сие святилище» (Там же), «храм высокого и изящного» (Там же, с. 51), жрец-царь, по логике нарратива, совершает «жертвоприношение нового искусства древнему» (Там же, с. 49). Так в репрезентации Мюнхена сливаются мотивы сакральности и искусства. Сам творческий акт короля-«демиурга» подан Гречем мифопоэтически — как духовный подвиг и воззвание к немецкому духу: «он возымел благородную мысль возвысить дух своего народа, пробудить дремлющие силы его» (Там же, с. 44). Таким образом, значительная часть «баварского» фрагмента гречевского текста представляет собой панегирик монарху-просветителю и художнику¹²: «Он перевел университет из Ландсгута в Мюнхен, увеличил его доходы, пригласил в профессора отличнейших мужей Германии... усилил деятельность Академии Наук, умножил ее коллекции и библиотеку, призвал в Мюнхен отличных первостепенных художников и дал простор и дело их гению...» (Там же, с. 44–45).

В целом Греч описывает те же связанные с самоутверждением Людвига I в пространстве мюнхенские локусы, что Корсаков и Погодин, но делает это более подробно и эмоционально. В первую очередь это касается Глиптотеки, которая «более всего заняла» автора в Мюнхене (Там же, с. 46): «Ни с чем не могу сравнить наслаждения, каким питался я при неоднократном посещении Глиптотеки!»; «нигде наслаждение древностью не приводило меня в такой умильный восторг» (Там же, с. 48). В пространном и патетичном экфразисе, напоминающем карамзинский¹³, Греч несколько раз характеризует данный локус

¹² Образ Людвига в травелогe Греча исключительно положителен, нет ни одной черты, которая бы заставила читателя усомниться в безупречности баварского монарха. Погодин в этом плане более сдержан, осторожно сомневаясь в разумности трат короля на эстетизацию пространства: «Я слышал однако ж, что он строится по большей части из собственных своих доходов, коих он никуда не употребляет, соблюдая величайшую умеренность, кроме искусств! Слышны и жалобы на излишние налоги» (Погодин, 1844, с. 90).

¹³ Обычно рациональная авторская манера описания сменяется сентименталистской экзальтацией, воплощением чувствительности: созерцание изящного «...вызвало невольные слезы на глаза мои: сердце мое растворилось к приятию сладчайших впечатлений, которые ожидали его в сем храме высокого и изящного» (Греч, 1839, с. 51).

как масштабный и визуально привлекательный: «великолепное» здание с «великолепными» сенями (Там же, с. 46), «самая просторная и великолепная из всех» зала, «превосходные статуи» (Там же, с. 47). Также используются положительные эпитеты в превосходной степени: «драгоценнейшие останки греческого искусства», «произведения древнейшей греческой пластики», «прекраснейшая статуя» (Там же), «главнейшие моменты греческой мифологии» (Там же, с. 48). В этом панегирике актуализируется мифопоэтическая основа — мотивы бессмертного искусстве и золотого века древности, собственно говоря, эллинский миф европейской культуры: «здесь золото, мрамор, порфир, яшма, драгоценные в глазах прозаика и практика, служат подножием и кровлею останкам древнего гения, свежего, светлого, вечного, божественного <...> Весь мир поэзии, созданный... под светлым небом Эллады, ...представлен здесь в лицах» (Там же, с. 49—50).

Сходным образом — через мотивы визуальной привлекательности, масштабности и сакральности — описана Гречем и мюнхенская Пинакотекa («другой из храмов изящных искусств в Мюнхене»; «здание, оригинальное и великолепное»; «семь огромных зал» (Там же, с. 53); «вход великолепный», «огромные сени» (Там же, с. 54)). Впрочем, здесь, в отличие от Глиптотеки, автор вводит в описание амбивалентность, критикуя собственно немецкую живопись, не отвечающую, по его мнению, эстетике прекрасного — «требованиям изящного» (Там же, с. 54). Описание Пинакотекa более фактографично, чем в случае Глиптотеки, изобилует перечислениями, но в целом положительно: «Пинакотекa есть прекраснейшее из всех виденных мною хранилищ живописи» (Там же, с. 58).

Кроме того, в пространстве Мюнхена Гречем отмечены такие сакральные локусы, как «приходская церковь Св. Бонифация», строящаяся «на собственный счет Короля» (Там же), церковь святого Лудовика, «придворная церковь Всех Святых», «самый интересный из новых храмов Мюнхена» (Там же, с. 59). Последняя привлекает внимание автора, как и вышеупомянутая колокольня в Вальдмюнхене, своей ненемецкостью, «удивительным сходством» «с церквами греческими» (Там же, с. 60). Все эти здания характеризуются тем, что они новые, только возводящиеся и визуально привлекательные, но их экфразис, подчас весьма подробный, лишен экзальтации, которой отмечено описание Глиптотеки. Иными словами, то, что особенно трогает Греча, относится к сфере искусства (причем в его эллинской (языческой) или светской формах), а не христианской религиозности.

В репрезентации Мюнхена Греч ставит знак равенства между новым и изящным, достойным созерцания, что актуализирует образ города искусств под управлением короля-демиурга: «новые здания, воздвигаемые Королем Лудовиком в Мюнхене, достойны внимания своим великолепием и вкусом» (Там же, с. 58). «Из новых зданий светских» автор отдает «первое место» строящемуся королевскому дворцу (Там же, с. 65). В описании локуса Греч умеренно комплиментарен, особо упоминая «превосходные фрески» (Там же, с. 66) в королевских покоях, представляющие собой смесь немецких и древнегреческих образов.

Значительное место в образе Мюнхена занимает описание образовательных и научных учреждений, поданных в фактографической манере как чисто рациональные локусы. Кроме того, встречается мотив противостояния иезуитскому влиянию в рамках оппозиции «новая Бавария — старая Бавария»: «...в отношении к умственному образованию, сделаны здесь успехи и шаги исполинские, если вспомним, чем Мюнхен, получивший и имя, и герб свой от монашества, был за полвека пред сим» (Там же, с. 74); «Мюнхенский Королевский Университет... учрежден был первоначально в Ингольштадте в 1472 г. и подчинен неограниченному влиянию иезуитов, которые не давали уму и дарованиям ни малейшего простору. <...> Учение производилось на мертвом языке, в мертвых формах. По упразднении Иезуитского Ордена, по введении живого отечественного языка свет и теплота проникли в мрачные своды монастырского института, и возникло изучение природы» (Там же, с. 77–78). Как видим, старое начало характеризуется как мертвое, неестественное в отличие от нового, живого, природосообразного, что соответствует руссоистскому идеалу. Наконец, основным проводником нового и благого начала традиционно объявлен монарх: «Король даровал ей (Академии наук. — С. Ж.) новое положение» (Там же, с. 79). В целом Мюнхен представлен местом науки и искусства, предоставляющим «средства и способы к занятию по всем отраслям наук и художеств» (Там же, с. 82); здесь «живут многие первостепенные ученые и профессора» (Там же, с. 90); «выстроен... прекрасный театр, лучший из всех виденных мною в Германии»¹⁴ (Там же, с. 88).

Упоминает автор травелога и ряд старинных локусов Мюнхена, прежде всего церкви, «достойные внимания своею архитектурою или монументами»: приходская церковь Пресвятой Богородицы (Там же, с. 62), «церковь Св. Михаила, отличающаяся смелою архитектурою и многими образами первостепенных художников» (Там же, с. 63), «прекрасная церковь Театинского Ордена», церковь Св. Марии с «готическою архитектурою», а также церковь Св. Салватора (Там же, с. 65). Но их описания фактографичны и напоминают путеводитель без элементов мифопоэтики, в отличие от образов Валгаллы и Глиптотеки. Повышенная эмоциональность проявляется лишь при репрезентации Театинской церкви, в которой находится изображение «мраморного барельефа над могилою десятилетней Принцессы Иозефы, дочери Короля Максимилиана... Два ангела раздвигают завесу над одром умирающей отроковицы. Отчаянная мать бросается к ней для последнего прощания. Прекрасная мысль! прекраснейшее исполнение!» (Там же, с. 65). Возможно, эта чувствительность Греча имеет личную природу — автор

¹⁴ Последующие русские путешественники, однако, не соглашались с комплиментарной характеристикой театра. У Корсакова встречаем негативную ремарку: «Театр мрачен...» (Корсаков, 1844, с. 82). Репрезентация мюнхенского театра у Погодина амбивалентна: «Здание хорошо. Освещение очень дурно» (Погодин, 1844, с. 92).

отправляется в Германию в том числе, чтобы прийти в себя после смерти ребенка. Многие церкви соотнесены с пространством исторической памяти через образы высокопоставленных особ, как правило, захороненных там.

В сходном ключе изображен «старинный дворец» (Там же, с. 67), где «великолепнее всех отделение... богатых комнат, устроенное Императором Карлом VII» (Там же, с. 68). Придворная церковь описана как хранилище редкостей: «многих образов, изваяний и рак первоклассных мастеров» (Там же), то есть, по сути, перед нами не столько сакральное, сколько музейное пространство, стиль описания которого у Греча мало чем отличается от прозаично-рационального стиля Корсакова, безыскусно перечисляющего мюнхенские достопримечательности.

Соединением пространств исторической памяти и искусства¹⁵ служат образы различных монументов, в том числе упоминавшийся ранее монумент павшим в наполеоновском походе баварцам, а также фрески, украшающие Мюнхен. В частности, упомянуты украшающие аркады Придворного сада «большие фресковые картины важнейших событий из Истории Баварской» (Там же, с. 70). Этот локус также маркирован вмешательством монарха-новатора-художника: «Подписи [к фрескам] в стихах сочинены самим Королем» (Там же).

Кроме того, в описании старинных «достопамятостей» у Греча ощущается скрытая травестия, связанная с ироническим отношением к немецкому Средневековью¹⁶, что прорывается в общей характеристике немецкого пространства: «Германия есть страна диковинок и фантастических преданий» (Там же, с. 68). Если часть этих «диковинок» охарактеризована неопределенно как «свидетельства старинной богатырской силы и ловкости» («прикованный цепью к стене камень в триста шестьдесят четыре фунта, которым, как мячиком, играл Баварский Герцог Христофор Воитель», а также вбитые «в стену... три железные гвоздя, которых Герцоги Христофор, Конрад и Филипп касались ногами, прыгая в... воротах» (Там же, с. 69)), то в эпизоде с портретом Герцогини Баварской явно ощущается авторская ирония: «Я увидел изображение пожилой женщины в белом платье. «Что ж тут удивительно?» — спросил я. «А вот что: пред всяким необыкновенным происшествием в Королевском Доме, она в полночь выходит из портрета и прогуливается по зале» (Там же).

Примечательно, что в рамках мюнхенского пространства мы почти не встречаем идиллических демиприродных локусов, даже Придвор-

¹⁵ Даже образ коммерческого Мюнхена у Греча контаминируется с образом города наук и искусств: «Внешняя часть аркад по Лудовиковой Улице занята так называемым базаром... Здесь же находится кабинет для чтения, в котором за 16 р. в год можно читать все возможные журналы и газеты, немецкие, французские и английские. В верхнем ярусе базара... помещается выставка Мюнхенского Общества Поощрения Художеств, в которой можно видеть и покупать очень хорошие картины, гравюры, бюсты и проч.» (Греч, 1839, с. 71).

¹⁶ В том же травелогe Греч травестирует, например, легенду об основании Карлсруэ (Жданов, 2023а, с. 48).

ный сад описан как пространство исторической памяти. Исключением является изображение гульбища, которое «только одно» в Мюнхене, «но оно прекрасно: это Английский Сад», представляющий собой «расчищенный лес», то есть облагороженную в сентименталистском вкусе природу, приспособленную к эстетическим и утилитарным нуждам человека: «Он пересекается каналами..., в которых вода не застаивается, а бежит с быстротою и шумом... В этом саду находится дворец Принца Карла и есть несколько храмиков и красивых монументов <...> В разных местах сада построены кофейни, трактиры, танцевальные залы» (Там же, с. 73–74). Как видим, даже в этом пейзажном описании автор относительно скуп на детали, поскольку пространство демиприродной идиллии в случае Мюнхена периферийно по отношению к пространствам исторической памяти и искусства. Греч также травестирует эту идиллию, иронизируя над «слишком кудрявыми и высокопарными» надписями на монументах гульбища: «При... входе в сад возвышается мраморная статуя... с надписью... «Безручинно прогуливайтесь здесь, и, собрав новые силы, возвратитесь каждый к своей обязанности». <...> Народ называет статую эту... безручинною» (Там же, с. 73). В целом же Мюнхен предстает как идиллия городская, светлая, уютная, привлекательная, что подчеркнуто в сценах как въезда, так и прощания с баварской столицей: «Мюнхен, его здания, его предметы искусств, люди — все представлялось мне в радужном свете. Проезжая по светлым улочкам Мюнхена, прощался я с любезным этим городом и всматривался в последний раз в темные глаза под серебряными Riegelhauben (баварскими женскими головными уборами. — С. Ж.)»¹⁷ (Там же, с. 98).

Идилличность предместий Мюнхена (близлежащих мест и деревень) также снижена, поскольку они маркированы связью с филистерством. С одной стороны, это бестревожные праздничные локусы, где «гремит музыка, везде пляшут и пьют пиво» (Там же, с. 74). С другой — пиво есть маркер немецкого филистера в русской литературе, не зря Греч особо отмечает «немецкую вялость и медленность» как «пивную» (Там же, с. 42). Но именно в гречевских образах веселящихся баварцев пристрастие к пиву принимает гротескно-травестийные черты: «Пиво есть необходимая стихия истого Баварца» (Там же, с. 84–85). Мотив пива пронизывает баварскую антропную образность от монахов (в негативном ключе: «в старину монахи, владычествовавшие в Баварии, систематически запаивали народ крепким, густым пивом» (Там же, с. 84)) до прежнего монарха, Короля Максимилиана (в положительном ключе как свидетельство его «народолюбия» и «простоты нравов» (Там же, с. 85)). Но прежде всего мотив пива связан с травестией, насмешкой

¹⁷ Гречевский Мюнхен — это город-дева в отличие от корсаковского Мюнхена, имеющего черты города-блудницы (Жданов, 2018, с. 16). Один из маркеров Мюнхена у Греча — черные глаза прекрасных баварок в сочетании с белыми «от умеренности климата» лицами, что есть признак лиминальности мюнхенского пространства между Севером (умеренной Германией) и Югом (Италией): «Женщины в Мюнхене очень хороши собою... Здесь господствуют уже черные глаза, предвкушение Италии» (Греч, 1839, с. 87).

Греча над баварцами-филистерами, которых он иронически называет героями¹⁸, пародиями на эллинских богов, побеждающими пиво в типично баварском локусе «кофейного, или, лучше, пивного дома»: «В больших комнатах стояли длинные узкие столы, накрытые клеенкою. За ними сидели добрые граждане с трубками... и за полными кружками своего нектара. <...> Толстые прислужницы разливали пиво. Обыкновенная вечерняя порция пива всякого мюнхенского бюргера состоит из четырнадцати кружек; некоторые герои доходят до восемнадцати. Лица их багровые, вздутые, глупые...» (Там же, с. 86). В этом описании подчеркнутая телесность («толстые баварки», «багровые, вздутые лица»), усиленная мотивом алкогольного опьянения, подавляет духовное антропное начало: «От этого происходят, думаю, тупость и ограниченность ума здешнего народа» (Там же). Характерна ремарка Греча о баварцах: «Здешний народ отличается откровенностью, честностью, грубостью, веселостью и любовью к благам земным всех разборов...» (Там же, с. 84). Автор также отмечает, что «обыкновение напиваться пивом на похоронах до того укоренилось, что самое погребение в языке народа называется попойкою» (Там же, с. 86). Таким образом, простые баварцы воплощают в гречевском тексте представления о типажной немецкости в русской литературе. Впрочем, автор смягчает этот шаржированный образ, отмечая, что, во-первых, «...пиво не ведет к зверству»¹⁹ (Там же), а во-вторых, «германская грубость» теперь у Греча не вызывает досаду, но забавляет «проявлениями немецкого простодушия» (Там же, с. 87).

Заключение

Итак, пространственные образы Баварии в травелогe Греча можно разделить на провинциальные и столичные. Первый тип, как правило, связан с пространствами исторической памяти и демиприродной идиллии, в репрезентации которой сильно ощущается влияние сентименталистского мирообраза Германии в русской литературе. При этом даже в описаниях мест исторических битв моральность приглушена, а на первый план выходит мирно-идиллическое начало, что в целом соответствует представлениям Греча о современной ему постнаполеоновской Германии как пространстве благоденствия. В тексте также актуализирован мотив лиминальности Баварии как точки пересечения интересов Франции, Австрии и северогерманских земель. Бавария здесь есть срединная земля между Севером, Югом, Западом и Востоком.

¹⁸ Лейтмотивная для мюнхенского текста тема «высокого» эллинского язычества травестируется здесь в образах пьющих «нектар»-пиво баварских филистеров.

¹⁹ Ср. с погодинским описанием баварского праздника в деревне: «Кружки пива так и рассыпаются, то и дело подают их. <...> Однако ж все чинно. Добрые немцы суслят молча» (Погодин, 1844, с. 101). Здесь филистерство приглушено и не подавляет идиллию. У Корсакова же локус мюнхенского пивного баварского заведения отмечен мотивами филистерской скуки без гречевских раблезианских черт, а то и разврата (Жданов, 2018, с. 15–16).

Несколько сложнее устроено пространство баварского Регенсбурга. Наряду с демиприродными и историческими сублокусами в нем выделено пространство искусства, связанное прежде всего с локусом мемориала Валгаллы, в описании которого фактография сочетается с целым рядом мифопоэтических черт (мотивы германского и древнегреческого язычества, имплицитные мифы об апокатастасисе германского хронотопа, о принце-страннике и т. п.) и присутствуют элементы романтического мирообраза Германии. Причем баварскость Регенсбурга у Греча проективно-процессуальна и мыслится как ее обновление, воссоздание, повторное утверждение в данном пространстве.

В этом смысле регенсбургская Валгалла есть продолжение мюнхенской столичной образности в рамках провинции. Образ Мюнхена строится на то взаимодополняющих, то противопоставленных друг другу мотивах старого и нового. Баварская столица (как и Валгалла) — это локус в становлении, где прошлое, настоящее и будущее тесно переплетены. При этом доминируют в образе Мюнхена пространства искусства и исторической памяти, актуализованные в локусах музеев, памятников, новых и старых дворцов и церквей. Ключевую роль в мюнхенском пространстве играет образ одержимого искусством баварского короля-«демиурга» Людвига, который описан как идеальный просвещенный монарх, движимый благородными идеями возрождения духа немецкой нации. Пространство демиприродной идиллии, в отличие от репрезентаций провинции, не имеет существенного значения при изображении Гречем Мюнхена, хотя последний и является городской идиллией с традиционными для немецкого пространства характеристиками чистоты, уюта, визуальной привлекательности. В образе столицы также выделен четвертый пространственный тип — Германия филистерская в ее баварском «сгущенном» варианте, что соответствует травестийному мирообразу. Следовательно, пространство Мюнхена в греческом тексте превосходит провинциальное не только в количественном отношении, если сравнить столичный баварский фрагмент по объему с провинциальным, но и качественно, поскольку представляет собой наиболее сложно устроенный локус, совмещающий в себе пространства искусства, исторической памяти, городской (но не демиприродной) идиллии и филистерства, что, в свою очередь, актуализирует наложение разных мирообразов. Германии — сентименталистского, нейтрально-фактографического и травестийного.

Список источников и литературы

Аксенова М. В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча в контексте русской литературы путешествий XIX века // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. №3. С. 7–21.

Аксенова М. В., Чарчоглян Т. Г., Садиева А. Н. Особенности хронотопа в травелогe (на примере «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча) // *Juvenis scientia*. 2019. №2. С. 15–17. doi: 10.32415/jscientia.2019.02.04.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб., 1887. Т. 11.

Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции : в 3 ч. СПб., 1839. Ч. 3.

Жданов С. С. Пространство Германии в отечественных тревелогах второй трети XIX века (на материале текстов М. П. Погодина и Н. А. Корсакова) // Диалог культур: поэтика локального текста : матер. VI Междунар. науч. конф., 26–29 мая 2018 г., Горно-Алтайск. Горно-Алтайск, 2018. С. 8–22.

Жданов С. С. «Благословенная Германия» между *emotio et ratio*: новые аспекты немецкой пространственной образности в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча // Два века русской классики. 2023а. Т. 5, №3. С. 24–59. doi: 10.22455/2686-7494-2023-5-3-24-59.

Жданов С. С. Идиллия, история, рациональность: образы городов в «Действительной поездке в Германию в 1835 году» Н. И. Греча // Слово.ру: балтийский акцент. 2023б. Т. 14, №1. С. 8–28. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-1.

Ильченко Н. М., Аксенова М. В. Образ Германии в путевых письмах Н. И. Греча // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве : матер. междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2016. С. 112–116.

Корсаков Н. А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н. А. Корсакова в 1839 году. М., 1844.

Лоцилов И. Е. Андрей Белый в творческом сознании молодого Заболоцко-го // Арабеска Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград, 2017. С. 460–468.

Масленникова О. Н. Германия в письмах Андрея Белого — Андрей Белый в письмах из Германии // Россия и Западная Европа: взаимовидение (литература, философия, культурология) : сб. научных статей. Иваново, 2016. С. 202–217.

Осват А. Л., Пигарев К. В., Лернер Н. О. Тютчев в Мюнхене: (из переписки И. С. Гагарина с Л. Н. Бахметевой и И. С. Аксаковым) // Литературное наследство. 1989. Т. 97, №2. С. 38–62.

Погодин М. П. Год в чужих краях. Дорожный дневник [1839] : в 4 ч. М., 1844. Ч. 4.

Поршнева А. С. Бавария Лиона Фейхтвангера: региональная идентичность в романе «Успех» // Имагология и компаративистика. 2020. №13. С. 141–172. doi: 10.17223/24099554/13/9.

Титаренко С. Д. Топос как символическое пространство памяти в автобиографической прозе М. А. Волошина и мифопоэтическая традиция Платона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14, №2. С. 186–198. doi: 10.21638/11701/spbu09.2017.204.

Янушкевич А. С. В. А. Жуковский в Баварии // Вестник ТГПУ. Сер.: Гуманитарные науки (филология). 2004. Вып. 3 (40). С. 44–49.

Asadowski K., Lavrov A. "Das Land der Genies" — Deutschland, gesehen von Andrej Belyj // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. München, 2006. Bd. 4. S. 753–791.

Об авторе

Сергей Сергеевич Жданов, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия; профессор, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-8898-6497

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Для цитирования:

Жданов С. С. «Бавария, которой век не забуду»: к образу немецкого пространства в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 167–188. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-10.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

“BAVARIA, WHICH I WILL NEVER FORGET”:
TO THE IMAGE OF GERMAN SPACE IN “TRAVEL LETTERS
FROM ENGLAND, GERMANY AND FRANCE” BY NIKOLAY GRECH

Sergey S. Zhdanov

Siberian State University of Geosystems and Technologies,
10 Plakhotnogo St., Novosibirsk, 630108, Russia
Novosibirsk State Technical University,
20 Karl Marx St., Novosibirsk, 630073, Russia

Received on 14.11.2023

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-10

The paper deals with images of Bavarian space based on the travelogue “Travel letters from England, Germany and France” by Nikolay Grech from the imagological and semiotic points of view. The representation of the metropolitan and provincial imagery of Bavaria is analyzed. Its liminality, fixed in Grech’s text, is revealed, i.e. intermediate position between North and South. A connection is established between the analyzed loci and such spatial types as the spaces of demi-natural idyll, historical memory, art (and science), as well as German philistinism. The central place in Grech’s representation of Bavaria is occupied by the city images of Regensburg and Munich, the latter in particular. The description of the Bavarian capital encompasses all the spatial types mentioned, making it the most intricate and multifaceted. The images of Regensburg and the adjacent hall of German fame Valhalla are associated with spaces of demi-natural idyll, historical memory and art. Other loci mentioned in the text are simpler in structure. In addition, Grech’s representation of the Bavarian space reveals its connection with four modes of describing Germany in Russian literature of the 19th century: sentimentalist, romanticist, neutral-factual and travesty world-images.

Keywords: *imagology, travelogue, world-image of Germany, Bavaria, Munich, space, N. I. Grech, Russian literature*

References

Aksenova, M. V., 2020. “Travel Letters from England, Germany and France” by N. I. Grech in the Context of Russian Travel Literature of the XIX Century. *Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal* [PALIMPSEST. A Literary Studies Journal], 3, pp. 7–21 (in Russ.).

Aksenova, M. V., Charchoglyan, G. G. and Sadieva, A. N., 2019. Special Features of Chronotope in a Travelogue (by the Example of “Travel Letters from England, Germany and France” by N. I. Grech). *Juvenis scientia*, 2, pp. 15–17, <https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.02.04> (in Russ.).

Asadowski, K. and Lavrov, A., 2006. "Das Land der Genies" – Deutschland, gesehen von Andrej Belyj. In: *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Bd. 4*. München, s. 753 – 791.

Gretsch, N.I., 1839. *Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Frantsii: v 3 chastyakh* [Travel letters from England, Germany and France: in 3 parts]. Part 3. St. Petersburg (in Russ.).

Ilchenko, N.M. and Aksenova, M.V., 2016. The image of Germany in the travel letters by N.I. Grech. In: *Yazyk, kul'tura, mental'nost': Germaniya i Frantsiya v evropeiskom yazykovom prostranstve: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language, culture, mentality: Germany and France in the European language space: proceedings of the international applied research conference]. Nizhny Novgorod, pp. 112 – 116 (in Russ.).

Korsakov, N.A., 1844. *Rasskaz o puteshestvii po Germanii, Gollandii, Anglii i Frantsii N.A. Korsakova v 1839 godu* [Story of N.A. Korsakov's travelling through Germany, Holland, England and France in 1839]. Moscow (in Russ.).

Loshchilov, I.E., 2017. Andrej Bely in imaginative thinking of the young Zabolotskiy. In: *Arabeska Andreyja Belogo: Zhiznennyi put'*. *Dukhovnye iskaniya. Poetika* [Andrej Bely's arabesque: Life path. Spiritual quest. Poetics]. Belgrade, pp. 460 – 468 (in Russ.).

Maslennikova, O.N., 2016. Germany in Andrej Bely's letters – Andrej Bely in letters from Germany. In: *Rossiya i Zapadnaya Evropa: vzaimovidenie (literatura, filosofiya, kul'turologiya): sb. nauchnykh statei* [Russia and Western Europe: mutual viewing (literature, philosophy, cultural studies): collection of scientific papers]. Ivanovo, pp. 202 – 217 (in Russ.).

Ospovat, A.L., Pigarev, K.V. and Lerner, N.O., 1989. Tyutchev in Munich: (from the correspondence of I.S. Gagarin with L.N. Bakhmeteva and I.S. Aksakov). *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], 97 (2), pp. 38 – 62 (in Russ.).

Pogodin, M.P., 1844. *God v chuzhikh krayakh. Dorozhnyi dnebnik (1839): v 4 chastyakh* [A year in foreign lands (1839). Travel notes: in 4 pts.]. Book 4. Moscow (in Russ.).

Porshneva, A.S., 2020. Lion Feuchtwanger's Bavaria: Provincial Identity in "Success". *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], 13, pp. 141 – 172, <https://doi.org/10.17223/24099554/13/9> (in Russ.).

Titarenko, S.D., 2017. opos as Symbolic Memory Space in Autobiographical Prose of M.A.Voloshin and Mythopoetic Tradition of Plato. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik SPbSU. Language and Literature], 14 (2), pp. 186 – 198, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.204> (in Russ.).

Vyazemsky, P.A., 1887. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Complete works: in 12 volumes]. Vol. 12. St. Petersburg (in Russ.).

Yanushkevich, A.S., 2004. V.A. Zhukovsky in Bavaria. *Vestnik TGPU. Seriya: Gumanitarnye nauki (filologiya)* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series of issue: Humanities (Philology)], 3 (40), pp. 44 – 49 (in Russ.).

Zhdanov, S.S., 2018. Space of Germany in the Russian travelogues in the second third of the 19th century (based on texts by M.P. Pogodin and N.A. Korsakov). In: *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 26 – 29 maya 2018 g.* [Dialogue of Cultures: the poetics of local text: proceedings of the VI International Scientific Conference, May 26 – 29, 2018]. Gorno-Altaysk, pp. 8 – 22 (in Russ.).

Zhdanov, S.S., 2023. "The Blessed Germany" Between Emotio et Ratio: New Aspects of German Space Imagery in "Travel Letters from England, Germany and France" by N.I. Gretsch. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 5 (3), pp. 24 – 59, <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-24-59> (in Russ.).

Zhdanov, S.S., 2023. Idyll, history, rationality: city images in “Real journey to Germany in 1835” by Nikolay Gretschn. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (1), pp. 8–28, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-1> (in Russ.).

The author

Prof. Sergey S. Zhdanov, Associate Professor, Head of Department, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia; Professor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

ORCID: 0000-0002-8898-6497

E-mail: fstud2008@yandex.ru

To cite this article:

Zhdanov, S.S., 2025, “Bavaria, which I will never forget”: the image of German space in “Travel letters from England, Germany and Grance” by Nikolay Gretch, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 167–188. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-10.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ПАУЛЬ ГЕНРИ ГЕРБЕР — КЁНИГСБЕРГСКИЙ ВРАЧ,
ПРОФЕССОР, ПОЭТ

И. О. Дементьев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 17.09.2024 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-11

Изложена биография яркого представителя кёнигсбергской интеллектуальной элиты рубежа XIX – XX веков – профессора Пауля Генри Гербера (1863 – 1919). Уроженец столицы Восточной Пруссии, он был выдающимся врачом-оториноларингологом, преподавателем Кёнигсбергского университета, а также самобытным поэтом и публицистом. В ходе исследования, опирающегося на биографический и нарративный методы, охарактеризованы основные этапы жизни Гербера, уточнена датировка важнейших событий. Прокомментированы самые важные работы Гербера, включая научные публикации о Вольфганге Амадее Моцарте и Иоганне Вольфганге Гёте (кратко охарактеризована последующая научная полемика вокруг статьи об ухе Моцарта). Цитированы некоторые научные и популярные тексты Гербера, отражающие как его разносторонние интересы, так и специфику его художественного стиля. По материалам адресных книг Кёнигсберга установлены адреса проживания и работы Гербера, уточнено современное состояние мест, связанных с биографией выдающегося кёнигсбержца (дом, в котором он проживал в последние годы жизни, сохранился и включен в реестр объектов культурного наследия в современном Калининграде, однако память знаменитого жильца в нем не увековечена). Охарактеризованы исследовательские перспективы, связанные с дальнейшим изучением интеграции медицинского и литературного дискурсов в творчестве Гербера.

Ключевые слова: Пауль Генри Гербер, Иоганн Вольфганг Гёте, Кёнигсбергский университет, Вольфганг Амадей Моцарт, немецкая литература

Среди профессоров Кёнигсбергского университета, существовавшего ровно четыре столетия (1544 – 1944), были не только мировые знаменитости, как Иммануил Кант (1724 – 1804), но и те, кто, посвятив всю свою профессиональную деятельность *alma mater*, на фоне бурных исторических событий практически стерлись из памяти последующих поколений. Между тем в этой плеяде полузабытых имен можно обнаружить весьма занимательных персонажей. К таковым, вне сомнения, относился Пауль Гербер. В ноябре 1920 года британский «Журнал ларингологии, ринологии и отологии» опубликовал его некролог, открывавшийся следующим, малохарактерным для профессионального медицинского издания, текстом:

Те, у кого есть фотографии с последнего Международного медицинского конгресса в Лондоне в 1913 году, увидят на переднем плане среди

многих типично прусскую фигуру профессора Гербера, его изрезанное следами студенческих дуэлей лицо. Но, несмотря на то что он имел внешность бронированного кулака (a mailed-fist), он был высококультурным человеком, поскольку сначала изучал искусство в своем родном городе; написал статью об ухе Моцарта, а под псевдонимом Генрих Гариберт опубликовал два небольших томика стихов. Как сказал о нем один итальянский коллега, «под мантией биолога он сохранил дух поэта» (Thomson, 1920).

Этот портрет, в стилистике которого совсем не ощущается дыхание только прошедшей мировой войны, создавал яркий образ кёнигсбержца, вошедшего в историю медицины (как теории, так и практики) и попытавшегося вписаться в историю изящной словесности.

Пауль Генри Гербер (Paul Henry Gerber) родился 14 мая 1863¹ года в столице Восточной Пруссии в еврейской семье торговца Зигфрида Гербера и его жены Цецилии². В 1881 году он окончил Альтштадтскую гимназию³. Тогда же начал изучать филологию в Кёнигсбергском университете, но в 1882 году перевелся на медицинский факультет, который и закончил в 1888 году, защитив работу по электростимуляции головного мозга (Tilitzki, 2012, S. 531). Также есть сведения, что он учился в Берлине и Вене (Geheimrat... 1919). Карьеру врача Гербер начал в клинике оториноларинголога и профессора университета, также всю жизнь прожившего в Кёнигсберге, Пауля Михельсона (Paul Michelson, 1846–1891). После смерти последнего Гербер возглавил клинику.

В 1895 году он был хабилитирован медицинским факультетом Альбертины (диссертация была посвящена взаимоотношениям носа с другими органами). Уже с 1892 года он практиковал как оториноларинголог «с собственной, почти переполненной частной клиникой» (Tilitzki, 2012, S. 263). За десять лет он оказал там услуги более чем 30 тысячам пациентов (Ibid., S. 531). Поскольку потребность в его услугах была большой, а сам он получил с разрешения министерства должность доцента (с 1906 года – профессора), клиника действовала де-факто как университетское подразделение, хотя и не финансировалась из средств Альбертины.

¹ В фундаментальной истории университета, написанной Кр. Тилицки, указан 1862 год (Tilitzki, 2012, S. 263, 531), но это, по всей видимости, ошибка. В некрологах упомянут 1863 год (Geheimrat... 1919).

² Девичью фамилию матери Гербера Бойнрон (Boinron) приводит Тилицки (Tilitzki, 2012, S. 531). В то же время в адресной книге Кёнигсберга за 1899 год числится вдова торговца Цецилия Гербер, урожденная Левинсон (Levinson), проживавшая на Гогенцоллернштрассе, 11 (Adreßbuch, 1899, S. 149); здание сохранилось, сегодня это двор домов 1а по ул. Подполковника Иванникова и 9/11 по ул. Генерала Соммера.

³ Здание не сохранилось, сейчас это часть дорожного полотна на Московском проспекте к северу от гостиницы «Ибис» (д. 52). Среди однокашников Гербера был выдающийся математик Герман Минковский (1864–1909), учившийся в Альтштадтской гимназии в 1872–1879 годах. Будучи на год моложе Гербера, «благодаря своей прекрасной памяти и сообразительности он окончил гимназию уже в 1880 г. в укороченный срок, в возрасте пятнадцати лет», после чего поступил – на год раньше Гербера – в Кёнигсбергский университет (Делоне, 1936, с. 32).

Научные изыскания Гербера охватывали широкий круг заболеваний — склерому, волчанку, сифилис, проказу, фронтальный синусит (Thomson, 1920, p. 352). Его основные работы были посвящены склероме в пограничных германских и российских областях (1905), сифилису носа (2-е изд., 1910), болезням дыхательных путей (1913) и др. (Tilitzki, 2012, S. 531). Ряд его лекций и брошюр по медицине был переведен на русский язык, все эти издания доступны в Российской государственной библиотеке⁴ (Гербер, 1895; 1898; 1913; 1923).

Судя по медицинским текстам Гербера, он всюду применял и литературные дарования, и философскую компетентность в этой, казалось бы, сугубо специальной работе, что не могло не располагать к нему слушателей на лекциях. Вот пример его писательской манеры из книги о гигиене голоса, переведенной А. И. Дараган⁵:

Мир явлений шлет нам только пять послов, и они стучатся в пять запертых дверей нашей души, требуя пропуска: свет, звук, форма, вкус и запах; и глаза и уши открываются, пальцы, нос и язык воспринимают требуемое и на тысячах этих чувственных единичных восприятий строятся не только наши элементарнейшие понятия о мире вещественном, понятия, составляющие школу жизни для новорожденного, но и наши отвлеченные умозаключения об имматериальном и сверхчувственном, занимающем ум мыслителя как проблема или как вывод. Ибо — *nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu* (Locke) — ничто не может проникнуть в наш разум без помощи чувств. Но разум не оставляет приобретенное богатство лежать под спудом; посев чувств дает обильную жатву, и оплодотворенный дух учит глаза правильно видеть и уши правильно слышать. Он возвращает в дар глазам преломленный свет и позволяет взгляду измерять звездную даль, он учит уши понимать божественные дары слова и пения (Гербер, 1913, с. 5–6; исправлены опечатки).

Упомянутая в процитированном выше некрологе статья «Ухо Моцарта» (1898) — это двухстраничная работа еще приват-доцента Кёнигсбергского университета (заявленная в жанре *Feuilleton*, который ближе к эссе в его современном понимании). Гербер начинает сразу с признания в любви и к музыке, и к литературе, и к мифологии:

Ни один музыкальный человек (*kein musikalischer Mensch*), приехавший в прекрасный Зальцбург (а немзыкальный — тем паче), не откажется

⁴ Лекции «Человеческий голос и его гигиена» оцифрованы Российской государственной библиотекой. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003802106> (дата обращения: 01.08.2024). Перевод, вероятно, был недостаточно точным — например, университет Альбертина назван «университет[ом] короля Альберта» (Гербер, 1913, с. 3), на самом деле основателем учебного заведения был герцог Альбрехт.

⁵ Антонина Ивановна Дараган (1879 — после 1929) — геолог, почвовед, выпускница Высших женских курсов. Занималась переводами до революции; в 1914–1918 годах работала в канцеляриях госпиталей; после 1920 года профессионально занималась почвоведением, в 1929 году арестована органами ОГПУ (Репрессированные геологи, 1995, с. 58).

посетить дом №9 на Гетрайдегассе и подняться на третий этаж, где когда-то увидел свет второй великий Вольфганг — первый известен как Франкфуртский⁶ — и где сегодня для его Манов⁷ приготовлен гостеприимный дом (Gerber, 1898, S. 351).

На стене в одной из комнат дома-музея Гербер увидел акварельную работу, изображавшую ухо Моцарта в сравнении с ухом обычного человека, с текстом, сообщавшим о том, что чертами лица, включая уши, Вольфганг был похож на своего отца. Поскольку в биографии композитора, изданной Г.Н. фон Ниссенем (Georg Nikolaus Niessen, 1765—1826), вторым мужем вдовы Моцарта Констанцы, этого изображения не было, Герберу пришлось включить в статью свой рисунок, сделанный на основе акварели.

Обратившись к анализу физиологических особенностей Моцартова уха, Гербер обнаружил в нем различные дефекты, включая отклонение хряща от нормы, отсутствие свойственных для большинства людей связок и т. п. Подробное описание нюансов завершилось вердиктом:

Таким образом, в ухе Моцарта мы имеем дело с уродством, которое не только очень непривлекательно — с точки зрения адаптации нашего эстетического чувства к данной норме, — но и осталось на более низкой ступени развития. По своеобразной иронии судьбы человек, чье внутреннее ухо, можно сказать, достигло наивысшего уровня развития, получил отсталое и неправильно сформированное наружное ухо (Ibid., S. 352).

Статья Гербера сильно повлияла на позднейших биографов Моцарта — прежде всего, надо полагать, в силу парадоксальности вывода, но также по причине несомненной авторитетности автора, — и тем не менее его заключения были оспорены. В 1901 году австрийский медик Мориц Холл (Moritz Holl, 1852—1920) изучил всю иконографию Моцарта, включая разные его портреты, и пришел к выводу о том, что проблема заключалась в неважных художественных способностях Гербера:

Поскольку описание Гербером уха Моцарта относится не к оригиналу (акварели), а к неверному рисунку, сделанному им самим, очевидно, что анатомическое изображение уха Моцарта Гербером несостоятельно; его вывод о том, что у Моцарта было отсталое и неправильно сформированное наружное ухо, разумеется, также несостоятелен (Holl, 1901, S. 5).

Холл также предположил, что изображенное ухо принадлежало не композитору, а его сыну Вольфгангу (Ibid., S. 9). Кто-то из троих Моцартов — Леопольда, Вольфганга Амадея и Вольфганга-младшего — все же имел какие-то анатомические особенности, но понять точно, у

⁶ Иоганн Вольфганг Гёте, родившийся в 1749 году, за семь лет до Моцарта, во Франкфурте-на-Майне.

⁷ Маны (лат. Manes) — души умерших предков в этрусской и древнеримской мифологии.

кого какие, не удалось. В 1986 году группа исследователей попыталась заново оценить аргументацию Гербера и Холла, но пришла к выводу о том, что вопрос остается открытым, пока неизвестна судьба акварели из музея и пока в нашем распоряжении не появится портрет, на котором можно было бы увидеть левое ухо (все имеющиеся достоверные изображения дают представление только о правом). Правота Холла была подтверждена, выводы как об отсталости, так и о дефективности наружного уха композитора были решительно отвергнуты (Paton et al., 1986, p. 1624).

Гербер был постоянным автором *Königsberger Hartungsche Zeitung* (Geheimrat... 1919), писал он и для других газет. Так, в 1899 году, к пятидесятилетию классика, он опубликовал эссе «Гёте как медик» в «Венском медицинском еженедельнике», констатируя:

...в целом Гёте еще слишком мало популярен; только Гёте-поэт принадлежит широкой публике. Исследователь, мудрец, человек Гёте принадлежит лишь небольшому сообществу. Люди удивительной разносторонности были во все времена, особенно в Кватроченто и Чинквеченто, стоит только вспомнить Леонардо да Винчи. Но такой универсальности гения, увенчанного прекраснейшей человечностью, какая открылась человечеству в Гёте, не было и не будет! Гёте как драматург, как поэт вообще, как юрист, как политик, как «освободитель», как дуэлянт (которым он никогда не был); молодой Гёте, Гёте-старик, Гёте «за столом», Гёте в общении с людьми, Гёте в отношениях с женщинами, Гёте как театральный режиссер, Гёте как ботаник (Gerber, 1899, Sp. 2001).

Осветив различные аспекты биографии Гёте-медика (включая момент его рождения, повлиявшего на развитие акушерского дела в родном городе), Гербер патетически резюмировал:

Тот, кто сегодня не знает, что Гёте — величайший козырь немца и останется таковым, когда некоторые военные и государственные герои, которые сегодня кажутся немецким школьникам факелоносцами, останутся в истории лишь как легенда, вероятно, никогда больше не узнает его. Гёте — это фактор культуры, показатель образованности высочайшего уровня. Скажи мне, как ты относишься к Гёте, и я скажу тебе, кто ты (Ibid., Sp. 2065).

На основе этого эссе в следующем году вышла брошюра «Отношение Гёте к медицине», в которой Гербер охарактеризовал медицинские темы в произведениях Гёте, а также его медицинские изыскания и эксперименты (Gerber, 1900)⁸.

Однако не только вопросы медицины и литературы волновали этого невероятно активного человека. Гербер, судя по всему, занимал радикальные позиции в вопросах политики в сфере образования. Так,

⁸ Брошюру высоко оценил как интересную философ и эзотерик Рудольф Штейнер (Rudolf Steiner, 1861–1925) в своей статье «Гёте и медицина» (Steiner, 1901, S. 583, 587–588).

например, он «аплодировал больше всех» реформе учебных планов в немецкой школе, предпринятой в 1889–1890 годах, когда адепты сохранения древних языков вынуждены были отступить перед натиском сторонников преподавания современных предметов, в первую очередь естественных наук (Tilitzki, 2012, S. 194).

В годы Великой войны он занял позицию, типичную для интеллектуалов в погрязших в мировом конфликте странах: внес свой вклад в военную публицистику, выпустив статью «Гердер и Англия» (1916). В ней он попытался использовать наследие знаменитого земляка И. Г. Гердера для целей антибританской пропаганды. Ход рассуждений Гербера Кр. Тилицки резюмирует так: если английские и французские авторы выдвигали с опорой на Гердера тезис о том, что «гуманизм и пруссачество – непримиримые противоположности», то они игнорировали его веру в необходимость «культурного бастиона» (Kulturbollwerk) в Центральной Европе, роль которого отводилась Германии. Так Гердер в изложении Гербера превращался в непосредственного предтечу Фридриха Наумана с его идеей Срединной Европы (Ibid., S. 415, Anm.)⁹. Вероятно, те же идеи были положены Гербером и в основу концепции тщательно прокомментированной антологии текстов разных авторов «Старые голоса в новое время. Литературное военное развлечение» (Gerber, 1916) – книги, в которой автору удалось, по словам рецензентов, продемонстрировать хороший литературный вкус и чувство юмора в далеко не веселое время мировой войны (Feigl, 1917, S. 128)¹⁰. В названии заметна игра слов, от которой не смог удержаться специалист по гигиене *голоса*.

В личной жизни, похоже, Гербер был счастлив – с 1902 года состоял в браке с дочерью торговца Фридой Эттингер (Frieda Oettinger), у четы было двое сыновей. Умер Гербер 13 октября 1919 года в родном городе (Tilitzki, 2012, S. 531) от заражения крови, полученного на рабочем месте (Geheimrat... 1919). Судьба его близких неизвестна.

В некрологе, увидевшем свет в «Кёнигсбергской Хартунгской газете» на следующий день после ухода Гербера из жизни, отмечалось:

В лице тайного советника Гербера Кёнигсберг потерял не только прекрасного университетского преподавателя, выдающегося практикующего врача и искусного специалиста, но и высокообразованного и утонченного человека, который, помимо научной деятельности, всегда был открыт для всех областей литературы и до последних дней жизни наслаждался творчеством (Geheimrat... 1919).

Семнадцатого октября 1919 года в актовом зале университета прошла траурная церемония с участием ректора – лингвиста и санскри-

⁹ О роли интеллектуалов в пропаганде военного времени см.: (Гурный, 2021).

¹⁰ До последних дней Гербер занимался литературным творчеством – последняя его работа, вышедшая уже посмертно, называлась «Революция и наши классики. Синяя книжица для защиты и утешения в красные времена» (Gerber, 1920).

толога Адальберта Беценбергера (Adalbert Bezzenberger, 1851–1922). В газетном репортаже цитировалась его речь, которая была вполне конгениальна ренессансной одаренности покойного:

Гербер умер верным себе, верным своей профессии врача, которая была ему так дорога, и с другой стороны: он мог закрыть глаза, зная, что его имя не пустой звук и что он пользуется репутацией, на которую не смел и надеяться в молодые годы. В те времена, когда он оставил гуманитарную гимназию, приобщившую его к красоте и форме античной поэзии, и думал о строительстве корабля своей жизни, его особенно привлекала область изящной словесности, и мы хорошо понимаем это, вспоминая его собственное поэтическое вдохновение, которое так часто восхищало и возвышало нас поэзией, полной формы и силы. Однако помимо этого душевного порыва в его развитии очень скоро возник другой — стремление помочь, принести пользу человечеству, и оно привело его, с одной стороны, в педагогику, а с другой — туда, где гуманное чувство желания помочь находит наибольшее удовлетворение, — в медицину. <...> Он проработал в нашем университете почти двадцать пять лет. Какой бы объемной и напряженной ни была его работа, она не заполняла его жизнь. Того, что он культивировал в юности, он добросовестно придерживался и в более зрелые годы, благодаря чему достиг такого мастерства в немецкой литературе, которое вызывает благоговейный трепет. На редкость богатая человеческая жизнь прошла перед нами. Богатая дарами, стремлениями, заслугами, эта жизнь во многом принадлежала нашему университету. Он гордится и благодарен ему за это и потому всегда будет высоко чтить его память (Trauerfeier... 1919).

Речи также держали другие коллеги и ученики покойного. В два часа пополудни тело усопшего было предано земле на кладбище соборной общины на ул. Пиллауэр Ландштрассе (Ibid.). Это старое кладбище, остатки которого сегодня находятся на участке между ул. Дм. Донского и Велосипедной дорогой.

В современном Калининграде есть адреса, связанные с жизнью и работой Гербера. Отцовский дом, в котором родился и провел ранние годы Гербер, располагался, судя по всему, по адресу Фордере Форштадт, 1¹¹ (Adreßbuch, 1864, S. 118); там отец профессора жил по крайней мере до 1887 года (Adreßbuch, 1887, S. 71), на 1899 год его уже не было в живых. В 1899 году адресная книга дает подробные сведения о Пауле Гербере, приват-доценте университета, специалисте по болезням уха, горла и носа. Его адрес — Штайндамм, 154, II¹² (Adreßbuch, 1899, S. 148). Там клиника располагалась еще на 1901 год, а в 1906–1907 годах, после вышеописанных перемен в ее статусе внутри университета, ее адрес был уже иным: Первая Флисштрассе, 20/21¹³ (в здании Трагхайм-

¹¹ Сегодня на месте дома Герберов — дорожное полотно Ленинского проспекта вблизи от перекрестка с улицей Полоцкой и дома 42В. Здесь и далее адресные книги цитируются с указанием года издания и номера страницы в части, содержащей пофамильные сведения.

¹² Сегодня на этом месте — дом 12 по Ленинскому проспекту.

¹³ На этом месте — дом 6/8 по улице Профессора Севастьянова.

ской аптеки). Там же Гербер проживал, проводил занятия и консультировал. Прием он вел также в частной клинике по адресу: Друмштрассе, 8¹⁴ (Adreßbuch, 1906, S. 128; 1907, S. 135). Затем частный адрес Гербера меняется несколько раз: в 1909 году это Трагхаймер Кирхенштрассе, 58¹⁵ (Adreßbuch, 1909, S. 146), в 1910–1914 годах — Хуфен-Аллее 54/56¹⁶ (Adreßbuch, 1910, S. 141; 1914, S. 165), не позднее чем с 1916 года и до смерти Гербера — Регентенштрассе, 17 (Adreßbuch, 1916, S. 163); клиника на Друмштрассе все эти годы продолжала функционировать по тому же адресу. На 1920 год в доме 17 по Регентенштрассе числилась уже вдова профессора Фрида Гербер (Adreßbuch, 1920, S. 185).

Здание на Регентенштрассе, 17 — единственное из тех, где проживал Гербер, которое сохранилось до нашего времени (ул. Чапаева, 17). Это вилла Мел — одноэтажное необарочное здание, построенное в 1905–1906 годах в районе Амалиенау архитектором Эрнстом Мелом (Ernst Mehl). Вилла внесена в областной реестр объектов культурного наследия регионального значения (Объекты культурного наследия... 2013, с. 408). Ничто не напоминает сегодня о том, что в ней последние годы жизни провел кёнигсбергский медик и поэт Пауль Генри Гербер.

* * *

Все коллеги отмечали, что общекультурный уровень Гербера был очень высоким и его преданность литературному творчеству представляла собой лишь одну из сторон его многогранной натуры. Поэтический сборник Гербера, который поэт посвятил матери на Рождество 1894 года (Garibert, 1895, S. 3), по мнению автора газетного некролога, был вполне самостоятельным, хотя местами угадывалось, что поэт следовал за Генрихом Гейне (Geheimrat... 1919). В издании любовная лирика перемежалась с философской, а гимны природе — с эпиграммами. Трудно удержаться от того, чтобы процитировать одну из этих эпиграмм, написанных за два десятилетия до начала Первой мировой войны, — «Урок истории»: «Как я слышал историю? — Ну как-то так: Они воевали и победили, а завоеватель забрал деньги, людей и земли!» (Garibert, 1895, S. 61). Стихи Гербера не переводились ранее на русский язык, и только сейчас у нас есть возможность познакомиться с первым переводом, выполненным Л. В. Сыроватко (Сыроватко, 2025).

Гербер, автор нескольких книг, действительно смог войти в историю немецкой литературы — по крайней мере за поэтические сборники его включили в мемориальные справочники немецкой литературы (см., напр.: Kürschners Deutscher Literatur-Kalender, 1936, S. 217). И в то же время «феномен Гербера» — шире, чем это можно предположить по

¹⁴ Этот же адрес указан в путеводителе для русских путешественников (Путеводитель... 1912, с. 36). На этом месте располагается дом 13/15 по улице Больничной.

¹⁵ На этом месте — внутренний двор дома 39/61 по Ленинскому проспекту.

¹⁶ На этом месте — дом 54/56 по проспекту Мира.

скупым строчкам справочников. Он экспериментировал — пытался комбинировать литературный и медицинский дискурсы, предвосхищая наступление времен, которые характеризуются нарастанием междисциплинарности, оригинального синтеза *Arts, Humanities* и *Science*. Творческое наследие Гербера заслуживает новых исследований с учетом особенностей современной науки.

Список литературы

- Гербер П. Г.* Сифилис носа и горла / пер. С. Б. Оречкина. СПб., 1895.
- Гербер П. Г.* Связь между носом и его придатками и остальным организмом: [Вступ. лекция Dr. P. H. Gerber'a, прив.-доц. Кёнигсберг. ун-та] / пер. Д. Дубелира. М., 1898.
- Гербер П. Г.* Человеческий голос и его гигиена: Семь лекций проф. Гербера / пер. А. И. Дараган. М., 1913.
- Гербер П. Х.* Голос и его гигиена / пер. А. Гурлянда ; под ред. И. Левича. Берлин, 1923.
- Гурный М.* Великая война профессоров. Гуманитарные науки (1912–1923) / пер. Н. С. Поляковой. СПб., 2021.
- Делоне Б. Н.* Герман Минковский // Успехи математических наук. 1936. Вып. 2. С. 32–38.
- Объекты культурного наследия Калининградской области: иллюстрированный каталог* / под ред. А. М. Тарунова. М., 2013.
- Путеводитель по Кёнигсбергу и прилегающим морским курортам для русских путешественников* / под ред. М. Канторовича. Кёнигсберг, 1912.
- Репрессированные геологи : биограф. матер.* М.; СПб., 1995.
- Сыроватко Л. В.* «Все уже было!»: первый русский перевод стихотворения Пауля Генри Гербера // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 201–210. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-12.
- Adreßbuch der Haupt- und Residenzstadt Königsberg in Preußen und der Vororte. Königsberg, 1864–1920.*
- Feigl H.* Jahresrundschau empfehlenswerter Bücher // Jahrbuch Deutscher Bibliophilen für 1917 = Deutscher Bibliophilen-Kalender. Wien, 1917. S. 115–162.
- Garibert H.* Aus der Jugendzeit. Lieder und Gedichte. Berlin, 1895.
- Geheimrat Gerber †* // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1919. 13 Okt. №480. S. 5.
- Gerber P. H.* Goethes Beziehungen zur Medizin. Berlin, 1900.
- Gerber P. H.* Mozart's Ohr // Deutsche Medicinische Wochenschrift. 1898. 2 Juni. №22. S. 351–352.
- Gerber P. H.* Goethe als Mediziner // Wiener Medicinische Wochenschrift. 1899. №143. Sp. 2001–2005 ; №144. Sp. 2061–2065.
- Gerber P. H.* Alte Stimmen in die neue Zeit. Eine literarische Kriegsunterhaltung. Berlin, 1916.
- Gerber P.* Die Revolution und unsere Klassiker. Ein blaues Trutz- und Trostbüchlein in roter Zeit. Berlin, 1920.
- Holl M.* Mozart's Ohr. Eine anatomische Studie // Mitteilungen der Anthropologische Gesellschaft in Wien. 1901. Bd. 31. S. 1–12.
- Kürschners* Deutscher Literatur-Kalender – Nekrolog 1901–1935 / hrsg. von G. Lüdtke. Berlin, 1936.
- Paton A., Pahor A. L., Graham G. R.* Looking for Mozart ears // British Medical Journal. 1986. Vol. 293. P. 1622–1624. doi: 10.1136/bmj.293.6562.1622.
- Steiner R.* Goethe und die Medizin // Wiener klinische Rundschau. 1901. Jg. 15, №2. S. 580–588.

Thomson StC. Obituary: Prof. Paul Gerber (Königsberg, Germany) // The Journal of Laryngology, Rhinology and Otolaryngology. 1920. Vol. 35, №11. P. 350–351.

Tilitzki Ch. Die Albertus-Universität Königsberg. Berlin, 2012. Bd. 1 : 1871–1918.

Trauerfeier für Professor Gerber // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1919. 18 Okt. №489. S. 5.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-5530-1108

E-mail: IDementev@kantiana.ru

Для цитирования:

Дементьев И. О. Пауль Генри Гербер – кёнигсбергский врач, профессор, поэт // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 189–200. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-11.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

PAUL HENRY GERBER – PHYSICIAN, PROFESSOR AND POET FROM KÖNIGSBERG

Ilya O. Dementev

Immanuel Kant Baltic Federal University,

14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 17.09.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-11

The article explores the biography of Professor Paul Henry Gerber (1863–1919), a bright representative of the intellectual elite of Königsberg at the turn of the 19th–20th centuries. A native of the capital of the German province East Prussia, he was an outstanding otorhinolaryngologist, a lecturer at the University of Königsberg, as well as an original poet and publicist. The study, based on biographical and narrative methods, reveals the main stages of Gerber's life, and clarifies the dating of its most important events. The author comments the Gerber's most significant works, including scholarly publications on Wolfgang Amadeus Mozart and Johann Wolfgang Goethe (the article briefly covers subsequent scholarly controversy surrounding the article on Mozart's ear). Some of Gerber's scholarly and popular texts are quoted, reflecting both his varied interests and the specificity of his literary style. Based on the materials of address books of Königsberg the article reconstructs the addresses of Gerber's residence and work as well as the current state of the places connected with the biography of the outstanding citizen of Königsberg (the house where Gerber lived in the last years of his life has been preserved and included in the register of cultural heritage objects in contemporary Kaliningrad, but the memory of the famous tenant is not commemorated there). The author describes the research perspectives related to further study of the integration of medical and literary discourses.

Keywords: Paul Henry Gerber, Johann Wolfgang Goethe, University of Königsberg, Wolfgang Amadeus Mozart, German literature

References

- Adreßbuch der Haupt- und Residenzstadt Königsberg in Preußen und der Vororte.* 1864–1920. Königsberg.
- Delaunay, B.N., 1936. Hermann Minkowski. *Uspekhi matematicheskikh nauk* [Advances in the mathematical sciences], 2, pp. 32–38 (in Russ.).
- Feigl, H., 1917. Jahresrundschau empfehlenswerter Bücher. *Jahrbuch Deutscher Bibliophilen für 1917 = Deutscher Bibliophilen-Kalender.* Wien. S. 115–162.
- Garibert, H., 1895. *Aus der Jugendzeit. Lieder und Gedichte.* Berlin.
- Geheimrat Gerber † 1919. *Königsberger Hartungsche Zeitung.* 13 Okt, 480. S. 5.
- Gerber, P., 1920. *Die Revolution und unsere Klassiker. Ein blaues Trutz- und Trostbüchlein in roter Zeit.* Berlin.
- Gerber, P.H., 1895. *Sifilis nosa i gorla* [Syphilis of the nose and throat]. Translated by S.B. Orechkin. St. Petersburg (in Russ.).
- Gerber, P.H., 1898. Mozart's Ohr. *Deutsche Medicinische Wochenschrift*, 2. Juni, 22. S. 351–352.
- Gerber, P.H., 1898. *Soyaz' mezhdu nosom i ego pridatkami i ostal'nym organizmom* [The relationship between the nose and its appendages and the rest of the body]. Translated by D. Dubelir. Moscow (in Russ.).
- Gerber, P.H., 1899. Goethe als Mediziner. *Wiener Medicinische Wochenschrift*, 143. Sp. 2001–2005; 144. Sp. 2061–2065.
- Gerber, P.H., 1900. *Goethes Beziehungen zur Medizin.* Berlin.
- Gerber, P.H., 1913. *Chelovecheskii golos i ego gigiena: Sem' lektsii professora Gerbera* [The human voice and its hygiene: Seven lectures by Professor Herbert]. Translated by A.I. Daragan. Moscow (in Russ.).
- Gerber, P.H., 1916. *Alte Stimmen in die neue Zeit. Eine literarische Kriegsunterhaltung.* Berlin.
- Gerber, P.H., 1923. *Golos i ego gigiena* [The voice and its hygiene]. Translated by A. Gurlyanda. Berlin (in Russ.).
- Górny, M., 2021. *Velikaya voina professorov. Gumanitarnye nauki (1912–1923)* [The professors' Great war. Humanities (1912–1923)]. Translated by N.S. Polyakova. St. Petersburg (in Russ.).
- Holl, M., 1901. Mozart's Ohr. Eine anatomische Studie. *Mitteilungen der Anthropologische Gesellschaft in Wien*, 31. S. 1–12.
- Kantorovich, M., ed., 1912. *Putevoditel' po Kenigsbergu i prilegayushchim morskim kurortam dlya russkikh puteshestvoennikov* [Guide to Königsberg and adjacent seaside resorts for Russian travellers]. Königsberg (in Russ.).
- Lüdtke, G., ed., 1936. *Kürschners Deutscher Literatur-Kalender – Nekrolog 1901–1935.* Berlin.
- Paton, A., Pahor, A.L. and Graham, G.R., 1986. Looking for Mozart ears. *British Medical Journal*, 293, pp. 1622–1624, <https://doi.org/10.1136/bmj.293.6562.1622>.
- Repressirovannye geologi: biograficheskii material* [Repressed geologists: biographical material]. Moscow; St. Petersburg (in Russ.).
- Steiner, R., 1901. Goethe und die Medizin. *Wiener klinische Rundschau*, 15 (2). S. 580–588.
- Syrovatko, L.V., 2025. "Everything has already happened!": the first Russian translation of a poem by Paul Henry Gerber. *Slovo.ru: Baltic accent*, 16 (1), pp. 201–210, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-1-12> (in Russ.).
- Tarunov, A.M., ed., 2013. *Ob"ekty kul'turnogo naslediya Kaliningradskoi oblasti: illyustrirovannyi katalog* [Cultural heritage objects of the Kaliningrad region: illustrated catalogue]. Moscow (in Russ.).

Thomson StC. 1920. Obituary: Prof. Paul Gerber (Königsberg, Germany). *The Journal of Laryngology, Rhinology and Otology*, 35 (11), pp. 350–351.

Tilitzki, Ch., 2023. *Die Albertus-Universität Königsberg*. Bd. 1: 1871–1918. Berlin.

Trauerfeier für Professor Gerber. 1919. *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 18 Okt., 489. S. 5.

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID: 0000-0001-5530-1108

E-mail: IDementev@kantiana.ru

To cite this article:

Dementev, I.O., 2025, Paul Henry Gerber – physician, professor and poet from Königsberg, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 189–200. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-11.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

«ВСЕ УЖЕ БЫЛО!»: ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ ПАУЛЯ ГЕНРИ ГЕРБЕРА

Л. В. Сыроватко^{1, 2}

¹ Калининградский областной музей изобразительных искусств
Россия, 236039, Калининград, Ленинский просп., 83

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 17.06.2024 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-12

Публикуется первый перевод на русский язык стихотворения «Все уже было!» (Послание Юлиусу Штеттенхайму) выдающегося немецкого ученого, профессора Кёнигсбергского университета, практикующего медика и поэта Пауля Генри Гербера (1863–1919). Впервые стихотворение увидело свет в сборнике стихов Гербера «Из юности. Песни и поэзия» (Берлин, 1895), оно также было перепечатано в рецензии на книгу, опубликованной в журнале «Мнемозина». Стихотворение, в котором мягкий юмор оттеняет глубокое философское содержание, было адресовано немецкому издателю и журналисту Юлиусу Штеттенхайму, оно содержит аллюзии на Книгу Екклесиаста и произведения немецких классиков. В публикации также воспроизводится текст оригинала и перевод журнальной рецензии. В комментариях кратко охарактеризованы принципы перевода, даны справки об основных мотивах стихотворения и упомянутых в нем персоналиях.

Ключевые слова: Пауль Генри Гербер, немецкая литература, Екклесиаст, Юлиус Штеттенхайм

Стихотворение врача, поэта, профессора Кёнигсбергского университета Пауля Генри Гербера (1863–1919)¹ было впервые опубликовано в сборнике «Из юности. Песни и поэзия» (Garibert, 1895, S. 100–101), а затем воспроизведено в журнале «Мнемозина» (*Mnemosyne*), приложении к «Новой Вюрцбургской газете» (*Neue Würzburger Zeitung*), публиковавшей новости и рекламу (Literatur, 1895). Газета выходила в 1804–1916 годах; выпуск развлекательного приложения к ней «Мнемозина» был начат не позднее 1831 года. Газетной публикации предшествовал следующий текст (воспроизводится в переводе с немецкого Я. Г. Шепеля):

Aus der Jugendzeit. Lieder und Gedichte von Heinrich Garibert. Berlin. Verlag der Stuhf'schen Buchhandlung. 1895. 8°. 118 S. [Из юности. Песни и стихи Генриха Гариберта. Берлин: Издательство книжного магазина Штура, 1895. 118 с.]

Цикл прекрасных глубоких стихотворений и песен, которые автор, движимый внутренним порывом и уверенно владеющий словом и формой, представляет нам в этой книге. Цикл демонстрирует характер и силу, бога-

тую фантазию, превосходные и глубокие мысли, по большей части высокой степени красоты. Несмотря на то что стихотворения и песни связаны с такими темами, как любовь, вино, молодость, природа, звездный мир и т.д., упрек Юлиуса Штеттенхайма, что все это лишь банальности и повторы, которые, в отличие от оригинального и неизученного, не могут вызывать особого интереса, не работает. Например, в цикле «Смешанная компания» (*Gemischte Gesellschaft*) можно увидеть достаточное почтение к реализму [того] времени, притом что, к чести поэта, идеализм всегда победоносно прорывается вперед. Если и заметны некоторые отсылки к Гейне, это идет только на пользу форме; в «Алкивиаде» (*Alcibiades*) чувствуется хорошее чувство юмора. В любом случае читатель встретит множество близких и симпатичных ему отголосков и, вероятно, согласится с большей частью стихотворения, которое автор адресует Юлиусу Штеттенхайму.

Ниже публикуется оригинал стихотворения Гербера.

Paul Gerber

**“Alles schon dagewesen”
Brief an Julius Stettenheim**

Du schriebst mir kurz: Es muß dein Blatt verzichten
Auf Abgedrosch'nes, schon mal Dagewes'nes,
Und rietest mir, ich soll fortan nur dichten
Originelles und noch nie Geles'nes!
O Redakteur, der grausam mir zernagte
Die Verse, — sprich, hast du denn nie gelesen,
Was jener weise Ben Akiba sagte:
“Es ist schon alles einmal dagewesen!”

Zeig' mir das Blatt im Buch der Weltgeschichte,
Auf das noch keiner seine Verse machte;
Wo ist ein Held, von dem nicht im Gedichte
Erzählt wird, wen er um die Ecke brachte.
Zeig' mir 'ne That, ob lächerlich, ob schaurig,
Die sich zum Epos keiner noch erlesen,
Wenn nicht zum Drama, — ach, es ist zu traurig.
Doch alles, alles ist schon dagewesen!

Zeig' auf der Leiter menschlicher Gefühle
Die Sprosse mir, die noch kein Lied erklommen,
Zeig' in des Busens gährendem Gewühle
Die Regung, die noch keinen Vers bekommen,
Nenn' mir die Schmerzen, nenne mir die Wonnen,
Von denen dichtend nicht schon mal genesen
Ein Lyriker, — erschöpft ist jeder Bronnen,
Und alles, alles ist schon dagewesen! —

Ich schweig' von Lessing, Goethe, Schiller, Wieland,
Die haben nach Verschiedenstem getrachtet.
Von Neuern sprech' ich. Sieh, das alte Nilland,
Das hat sich mal der Ebers ganz gepachtet.

In Wallhall ist der Felix Dahn zu Hause,
Und Baumbach treibt sein frisch-frei-frohes Wesen
Mehr "Auf der Landstraß'" als in stiller Klausen,
Ach, alles, alles ist schon dagewesen! –

Es schildert Ibsen nur, was pathologisch,
Und "Preußisches" in jedesmal fünf Akten
Giebt Wildenbruch, und Scheffel geologisch
Beschrieb uns gar verliebte Petrefakten;
Und was als Schmuß man früher ließ im Pfuhe,
Weil es doch gar zu schmußig war zu lesen,
Das schildert jetzt sehr schön die "Neue Schule" –
Ach, nun ist alles, alles dagewesen!

Es schweift mein Geist in alle fernsten Fernen
Auf dein Geheiß! sein Fernrohr ist gerichtet;
Doch findet er nichts Neues in den Sternen,
Mir scheint die Welt nun einmal durchgedichtet.
Einst, wenn man Brod sich ohne Geld wird kaufen,
Wenn vom Klavierbacillus wir genesen,
Einst, wenn man fliegen wird anstatt zu laufen
Dann dicht' ich was, das noch nicht dagewesen!

Далее публикуется первый русский перевод стихотворения, выполненный Л. В. Сыроватко в 2023 году.

Пауль Гербер

«Все уже было!»

Послание Юлиусу Штеттенхайму¹

Так мало слов – и решена проблема:
«Увы, Ваш текст – не больше чем банальность,
Советую найти такую тему,
Чтобы сквозила в ней оригинальность».
Редактор новомодного пошива,
Когда грызешь мои стихи свирепо,
Припомни, что сказал мудрец Акиба²:
«Все было на земле – и то, и это»³.

История хоть книга и большая,
Найди попробуй в ней «такую тему»,
К которой комментарий не писали,
Или лицо, не ставшее поэмой!
Смешной, ужасный, глупый ли поступок –
От славного деяния до хлама
(Что ел, где спал, кого завел за угол) –
Предмет для эпоса или (увы) для драмы.

Все было, все! Осталась ли вершина,
Ступенька, незатертое местечко –
Не в полверсты, хотя бы в пол-аршина –
Куда б не взгромоздилась чья-то песня?

Какая боль, какое наслаждение
Не перешли в эклогу, панегирик,
Не порождали приступ вдохновенья
У господина по прозванию «лирик»?

Все было, все! Воспел квиритов Гёте⁴,
Шотландцев — Шиллер и испанцев — Виланд;
У новых перепевы их найдете —
Дотошный Эберс⁵ пашет дельту Нила.
В Вальгалле Феликс Дан⁶ живет как дома;
Расселся «на проселочной дороге»
Наш Баумбах⁷; иной гостит у Бога,
Другой, глядишь, засел за жизнь амебы.

Все было, все! О «Прусском» неизменно
В пять актов — Вильденбрух⁸, патологично
В объеме том же — Ибсен непременно
Вам настроит, и так геологично
Окаменелости опишет Шеффель⁹,
Что сам геолог хлопает в ладоши.
Для грязи (да простит нас добродетель)
Страничек этак сто найдется тоже —

В новеллах «новой школы»¹⁰. «Было, было», —
С досадой и тоскою повторяю,
Когда, совету следуя, уныло
Свой телескоп на что-то направляю.
Нет новизны ни в небесах, ни в звездах,
Ни под водой, ни между земнородных;
Мир человеческий описан повсеместно,
Исчерпан список всех чудес природных.

Когда-нибудь, при дивном новом строе,
Где даром хлеб и нет клавирациллы¹¹,
Я, может быть, и отыщу такое,
Про что никто не скажет: «Было, было!»

Комментарии к переводу

Жанр стихотворения Гербера — особая разновидность послания, адресуемого автором влиятельному участнику литературного процесса (обычно критику, издателю, книгопродавцу или читателю). В русской литературе сходная тема часто представлена диалогом (например, «Разговор книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина, «Журналист, читатель и писатель» М. Ю. Лермонтова, «Поэт и гражданин» Н. А. Некрасова) и, как правило, имеет черты манифеста. Диалогичность, впрочем, ощущается и в стихотворении Гербера, поскольку из текста мы легко восстанавливаем реплики адресата послания, на которые этот текст служит ответом.

Стихотворная форма оригинала в переводе сохранена — это пятистопный ямб с перекрестной рифмой, причем все рифмы — женские (следует отметить, что правила немецкого и русского стихосложения родственны: это силлаботоника, в которой преобладает ямб, используются парная, перекрестная, охватная рифмовка и их комбинации, а также белый стих и верлибр; при этом тотальная женская рифма, как в данном произведении, русскому стихосложению не свойственна).

В стихотворении показан широкий спектр явлений современной автору литературы, обыгрываются основные мотивы и названия произведений, дается сопоставление авторов по избранной ими тематике.

¹ Адресат послания, Юлиус Штеттенхайм (Julius Stettenheim, 1831 — 1916) (рис.), — немецкий юморист, уроженец Гамбурга, до 1857 года занимался коммерцией, затем поступил в Берлинский университет и, вернувшись в 1861 году в родной город (не по своей воле: в Пруссии ему был выписан ордер на арест), основал юмористически-сатирический журнал с «жалящим» названием «Осы» (*Die Wespen*). В отечестве это издание значительного успеха не имело, но после возобновления его в Берлине (1868) под названием «Берлинские осы» (*Berliner Wespen*) быстро набрало обороты и завоевало репутацию одного из лучших в Европе; Штеттенхайм оставался неизменным руководителем издания почти до самой своей смерти. Возросшая слава журнала и широкая география как читателей, так и внештатных сотрудников и авторов побудили издателя преобразовать журнал в 1891 году в «Немецкие осы» (*Deutsche Wespen*); под этим названием он просуществовал до 1935 года, когда был запрещен нацистами.

Одной из главных мишеней сатиры Штеттенхайма и его команды всегда оставался антисемитизм. Карикатуры, часто составлявшие серии вроде комиксов, российскому читателю известные по работам Херлуфа Бидструпа, в основном рисовал Густав Хайль. С 1885 по 1894 год главный редактор «Ос» был также редактором журнала «Юмористическая Германия» (*Das Humoristische Deutschland*), который издавался сначала в Штутгарте, а затем в Берлине. При жизни Юлиус Штеттенхайм считался лучшим сатириком своего поколения. Он был очень плодовит и работал в разных жанрах: писал юмористические зарисовки, фарсы, музыкальные комедии, пародии на литературную критику и журналистские репортажи; несомненной удачей его было создание колоритного и узнаваемого гетеронима по фамилии Виппхен (нем. *Wippchen* — «враки, уловки» или, в применении к человеку, Враль). Виппхен перепробовал разные профессии и амплу; появился он впервые в 1870 году как военный корреспондент, чем-то неуловимо напоминающий бравого солдата Швейка. Невозможно найти ни одного важного общественного события, на которое Виппхен не откликнулся бы — как правило, в стихотворной форме.

Рис. Юлиус Штеттенхайм. Ксилография неизвестного автора из *Illustrierte Zeitung* от 3 января 1880 года

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Stettenheim_Julius_Lithograph.jpg. Изображение находится в публичном достоянии

² Мудрец Акиба... — Акиба бен Йосеф (ок. 50 — ок. 132), еврейский мудрец и законоучитель (танна), один из десяти мучеников, принадлежал к числу основоположников раввинистической традиции иудаизма.

³ «*Все было на земле...*» — скорее всего, источником цитаты является не Акиба, а Екклесиаст: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1: 9).

⁴ Гёте, Шиллер, Виланд — в оригинале упомянуты современники, основоположники немецкой классической литературы, бывшие авторами широкого диапазона и универсализма — поэтами, драматургами, литературными критиками, теоретиками искусства: Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781), Иоганн-Вольфганг Гёте (1749–1832), Фридрих Шиллер (1759–1805), Кристоф-Мартин Виланд (1733–1813). В переводе содержатся аллюзии на «Римские элегии» (1795) Гёте, «Марию Стюарт» (1800) Шиллера и «Дон Сильвио де Розальва» (1764) Виланда.

⁵ Георг Мориц Эберс (1837–1898) — немецкий египтолог, папиролог и популярный романист, писавший на темы жизни в Древнем Египте и Средневековье.

⁶ Феликс Людвиг Юлиус Дан (1834–1912) немецкий историк, поэт, правовед и необычайно плодовитый автор исторических романов о готах и гуннах. В стихотворении обыгрывается название одного из самых известных его произведений – «Вальгалла. Германские сказания о богах и героях» (*Walhalla. Germanische Götter und Heldensagen*).

⁷ Расселся «на проселочной дороге» наш Баумбах... Рудольф Баумбах (1840–1905) – немецкий поэт, писавший также под псевдонимом Пауль Бах. Обыгрывается название одного из самых известных его сборников – «На проселочной дороге» (*Von der Landstraße*, Лейпциг, после 1883). Произведения Баумбаха созданы на основе народных песен, преимущественно Тюрингии, откуда он был родом. Писал также сказки для детей, пользовавшиеся большим успехом; пробовал себя и как романист. Его поэтические произведения, простые по лексике и безыскусные в области художественных приемов, очень мелодичны. Фольклорные по своим истокам, стихи Баумбаха часто сами становились народными песнями.

⁸ О «Прусском» неизменно в пять актов – Вильденбрух, патологично в объеме том же – Ибсен непременно вам настрочит... Эрнст фон Вильденбрух (1845–1909) – немецкий драматург и поэт, отпрыск древнего дворянского рода, прусский офицер, юрист и дипломат, участник восстания им франко-прусской войны. В своих военных стихах закладывает основы расовой теории, противопоставляя романские и германские народы. Основной своей миссией считал создание новой национальной драмы. Наибольшую известность получили его опиравшиеся по форме на шекспировские хроники исторические драмы, сюжеты которых заимствовались из истории Пруссии времен династии Гогенцоллернов. Действие почти всех исторических драм Вильденбруха происходит во время войн (от Тридцатилетней до Наполеоновских); носителями национальной идеи являются, по его мнению, народ и дворяне, чей союз обеспечивает величие Пруссии.

Генрик Юхан Ибсен (1828–1906) – норвежский поэт, публицист, драматург, основоположник европейской «новой драмы». «Патологичны» в пьесах Ибсена прежде всего вопросы наследственности, интерес к проявлениям душевной болезни, натурализм, углубленный психологизм. «Патологию» критика находила и в «Кукольном доме», и в «Строителе Сольнессе», но особенно – в пьесах «Дикая утка» и «Привидения». Традиция исполнения выдающимися актерами роли Освальда в последней основывалась на трактовке его в границах амплуа неврастеника. Так, немецкие актеры рубежа XIX–XX веков Йозеф Кайнц, Алесандро Моисси, а также итальянский трагик Энрике Саккони давали на сцене клиническую картину болезни героя, консультируясь с докторами для детализации патологических черт. Павел Орленев, первый русский исполнитель этой роли, работая над ней, даже обращался к психиатру и посещал больницу для душевнобольных, чтобы очертить рисунок своего поведения на сцене.

⁹ ...так геологично окаменелости опишет Шеффель... Йозеф Виктор фон Шеффель (1826–1886) — немецкий поэт и романист. Будучи широко образованным человеком, часто использовал необычные метафоры и сравнения, заимствованные из археологии, палеографии, палеонтологии. Так, высмеивая философию Гегеля, он обращался к зоологии и агрономии (стихотворение «Гуано»); образ времени в стихотворении «Ихтиозавр» рождался через описание окаменелостей. Методика «текста-палимпсеста», смешения разных эпох, намеренные анахронизмы — приемы, порой обескураживавшие современников Шеффеля, — делают его произведения удивительно созвучными эпохе постмодернизма. Так, в одной из студенческих песен, разворачивающих и детализирующих сюжет знаменитого гимна «Гаудеамус», «Черный Уолфиш из Аскалона», автор соединяет современную ему «попойку школяров», древнегреческие вакханалии, дебош в помпейском термополиии и превосходящий все это «старый добрый ассирийский запой», в результате которого герой стихотворения получает огромный счет, написанный клинописью на шести больших глиняных таблицах, который приносят ему шестеро слугителей. Гуляка не может оплатить этот счет, поскольку «оставил все свои деньги в таверне “Лимб” в Ниневии», и его с позором выставляют за дверь заведения.

¹⁰ «Новая школа» — по контексту трудно понять, что именно имеет в виду автор; возможно, адептов «новой драмы» Ибсена, писателей-натуралистов или декадентов — в Германии прежде всего последователей философии ницшеанства. Ко всем этим направлениям на рубеже XIX–XX веков применялось указанное определение.

¹¹ Клавирбацилла (Klavierbacillus) — образ, вероятно, восходит к названию рассказа-фельетона, принадлежавшего норвежскому композитору и дирижеру Йохану Дидриху Беренсу (Johan Diederich Behrens, 1820–1890). Рассказ «Клавирбацилла» (*Klaverbacillen*) был опубликован в январе 1892 года в первом в Норвегии музыкальном ежемесячнике *Nordisk musik-tidende* (Grinde, 1996, s. ix), издававшемся в Христиании (ныне Осло) с января 1880 по январь 1893 года Карлом Вармутом (Carl Warmuth, 1844–1895), редактором и музыкальным дилером при королевском дворе. Основной темой журнала была скандинавская музыка; он включал материалы о гастролях и концертах, биографические очерки и некрологи музыкантов Норвегии, Дании и Швеции. Степень популярности образа клавирбациллы в Северной Европе 1890-х годов установить пока не удалось, но, возможно, отсылка к рассказу Беренса свидетельствует о широкой эрудиции автора в сфере как литературы, так и музыки.

Благодарности. За содействие в переводе публикатор благодарит Я.Г. Шепеля.

Список литературы

Дементьев И.О. Пауль Гербер — кёнигсбергский врач, профессор, поэт // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 189–200. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-11.

Garibert H. Aus der Jugendzeit. Lieder und Gedichte. Berlin, 1895.

Grinde K. Nordisk musik-tidende 1880–1892, Orkestertidende 1892–1894. Ann Arbor, 1996.

Literatur // Mnemosyne. Beiblatt zur Neuen Würzburger Zeitung mit Würzburger Anzeiger. 1895. 6. März. №28. S. 112.

Об авторе

Лада Викторовна Сыроватко, кандидат педагогических наук, переводчик, зав. отделом, Калининградский областной музей изобразительных искусств, Калининград, Россия; доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: lvs68@mail.ru

Для цитирования:

Сыроватко Л. В. «Все уже было!»: первый русский перевод стихотворения Пауля Генри Гербера // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 201–210. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-12.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

‘EVERYTHING HAS ALREADY HAPPENED!’: THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION OF THE POEM BY PAUL HENRY GERBER

Lada V. Syrovatko^{1, 2}

¹ Kaliningrad Regional Museum of Fine Arts,
83, Leninsky Prospekt, Kaliningrad, 236039, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 17.09.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-12

The paper is the first translation into Russian of the poem ‘Everything has already happened! (Epistle to Julius Stettenheim)’ by the outstanding German scholar, professor at the University of Königsberg, medical practitioner and poet Paul Henry Gerber (1863–1919). The poem first appeared in Gerber’s collection of poems ‘From Youth. Songs and Poetry’ (Berlin, 1895); it was also reprinted in a review of the book published in the journal Mnemosyne. The poem, in which gentle humour shades into deep philosophical content, was addressed to the German publisher and journalist Julius Stettenheim, and contains allusions to the Book of Ecclesiastes and the works of the German classics. The publication also reproduces the original text and a translation of a journal review. The commentary briefly covers the principles of translation, and provides information on the main motifs of the poem and the personalities mentioned in it.

Keywords: Paul Henry Gerber, German literature, Ecclesiastes, Julius Stettenheim

References

Dementev, I.O., 2025. Paul Henry Gerber — physician, professor, poet from Königsberg. *Slovo.ru: Baltic accent*, 16 (1), pp. 189–200. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-1-11> (in Russ.).

Garibert, H., 1895. *Aus der Jugendzeit. Lieder und Gedichte*. Berlin.

Grinde, K., 1996. *Nordisk musik-tidende 1880 – 1892, Orkestertidende 1892 – 1894*. Ann Arbor.

Literatur. 1895. *Mnemosyne. Beiblatt zur Neuen Würzburger Zeitung mit Würzburger Anzeiger*. 6. März, 28, s. 112.

The author

Dr Lada V. Syrovatko, Translator, Head of Department, Kaliningrad Regional Museum of Fine Arts, Kaliningrad, Russia; Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: lvs68@mail.ru

To cite this article:

Syrovatko, L.V., 2025, 'Everything has already happened!': the first Russian translation of the poem by Paul Henry Gerber, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 201 – 210. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-12.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

**РЕЦЕПЦИЯ ДРАМЫ Х. МЮЛЛЕРА «ЦЕМЕНТ»
В РОССИИ РУБЕЖА XX—XXI ВЕКОВ**

Ю. Ю. Миклухо

Новосибирский государственный технический университет,
Россия, 630073, Новосибирск, просп. К. Маркса, 20
Поступила в редакцию 17.01.2024 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-13

Литературная судьба немецкого драматурга Хайнера Мюллера незавидна. Несмотря на то что его пьесы на сегодняшний день входят в основной репертуар ведущих мировых театров, долгое время на родине автора (в ГДР), а также в нашей стране он оставался под запретом. На современном этапе наблюдается рост интереса к текстам Мюллера. Его основные произведения переведены на русский язык, а российские режиссеры все чаще ставят его пьесы на сценах отечественных театров. В то же время появление ряда работ российских исследователей творчества Мюллера, рассматривающих различные аспекты его драматургического наследия, позволяет говорить об активной фазе развития отечественного научного дискурса в отношении творчества этого автора. Цель статьи состоит в определении специфики русскоязычной рецепции драмы немецкого драматурга Х. Мюллера «Цемент» на современном этапе. Эта пьеса играет важную роль в «освоении» немецкого автора в России. Впервые осуществлена попытка систематизации материалов, характеризующих рецепцию творчества немецкого драматурга, чем обусловлена научная новизна и значимость исследования. На основе сравнительного анализа актуальных работ российских ученых, а также посвященных творчеству драматурга материалов современных отечественных электронных СМИ выявлены основные доминанты пьесы «Цемент», обоснованы выводы о характере восприятия Мюллера и его пьесы в нашей стране. Практическая значимость обусловлена возможностью использования материала при разработке и чтении лекций по истории европейской драмы, а также спецкурсов по немецкой литературе.

Ключевые слова: Х. Мюллер, «Цемент», рецепция, театр

1. Введение

Хайнер Мюллер (1929–1995), долгое время остававшийся неизвестным не только в России, но и у себя на родине, сегодня рассматривается как один из актуальных немецких драматургов, оказавших серьезное влияние на формирование концепции современного европейского театра. По словам Гении Шульц, Мюллер — драматург, получивший со временем «парадоксальный статус интегрированного аутсайдера в своем государстве» (Schulz, 1980, S. 3).

Творческий путь драматурга ознаменован интересом к истории в ее универсальном масштабе. Это не только современная автору Германия, не только «советский миф», занявший многие страницы мюллеровских текстов, но и Античность с ее архетипическими сюжетами, легко проецируемыми на последующую историю человечества. Мюллер оставил значительное наследие — около 60 пьес, рассказы, прозаические и публицистические произведения, а также автобиографию «Война без сражений. Жизнь при двух диктатурах» (Müller, 1992). При этом литературный путь писателя оказался тернистым. Бескомпромиссное неприятие советской системы и открытые, прямолинейные высказывания в адрес советской политической номенклатуры надолго исключили его тексты из литературного процесса не только на родине (в ГДР), но и в Советском Союзе. Мюллер считал себя жертвой системы и вместе с тем подчеркивал, что эта система дала ему богатейший опыт, легший в основу творчества, осмысливающего историю и место человека в ней: «Диктатура любой ценой ради построения нового порядка... Диктатура против людей, которые испортили мое детство... такова была позиция, плохое новое против, возможно, удобного старого» (*“Eine Diktatur um jeden Preis des Aufbaus einer neuen Ordnung... eine Diktatur gegen die Leute, die meine Kindheit beschädigt hatten... das war die Position, das schlechte Neue gegen das vielleicht bequeme Alte”*. Ibid., S. 181). И далее: «Я мог представить себе существование в качестве автора только в этой стране, а не в Западной Германии» (*“Ich konnte mir eine Existenz als Autor nur in diesem Land vorstellen, nicht in Westdeutschland”*. Ibid.).

Сегодня творчество Х. Мюллера переживает второе рождение. Его активно ставят на сценах европейских театров, в том числе в Германии. Не только на родине писателя, но и за ее пределами появляются исследования, рассматривающие творческое наследие немецкого автора в контексте истории европейской драмы (см.: Фролова, 2022, с. 5–14), «в то время как в Советском Союзе его имя упоминается лишь в энциклопедических изданиях по немецкой литературе и кратких журнальных обзорах» (Сидорова, 2007).

Актуальность настоящего исследования определяется растущим исследовательским интересом представителей отечественной науки, а также вниманием к пьесам автора со стороны постановщиков в современных российских театрах. В свою очередь, перевод пьесы «Цемент» на русский язык существенно расширяет возможности и перспективы вхождения рассматриваемого явления в русский литературный контекст.

Новизна исследования обусловлена тем, что вопросы рецепции драматургии Мюллера в России остаются на данный момент неизученными. Под рецепцией в данном случае понимается процесс восприятия драматургии Х. Мюллера отечественными исследователями, а также «опосредованная» рецепция его произведений российским зрителем / читателем / критиком, реализованная в форме научных статей и диссертаций, а также рецензий и комментариев, опубликованных в СМИ и

интернет-пространстве. В настоящей статье впервые осуществлена попытка обобщить накопленный исследовательский опыт, а также материалы периодических изданий, рассматривающих различные аспекты творчества немецкого драматурга.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования материала при разработке и чтении лекций по современной зарубежной литературе, истории европейской драмы, а также спецкурсов по немецкой литературе.

2. «Цемент» Мюллера в зеркале современного российского литературоведения

В современном отечественном литературоведении отмечается рост интереса к произведениям Х. Мюллера. Различные аспекты драматургической системы немецкого автора освещаются в статьях таких отечественных ученых, как Е. Н. Шевченко, Т. А. Баскакова, Н. Э. Сейбель, В. Ф. Колязин, Т. А. Шарыпина, В. В. Котелевская. Примерами комплексного анализа драматургии Х. Мюллера являются диссертации М. В. Сидоровой и А. С. Фроловой. М. В. Сидорова (2007) на материале конкретных произведений исследует специфику художественного метода Мюллера, а также определяет место его творчества в европейской драме XX столетия. А. С. Фролова (2022) вписывает драматургическое творчество Х. Мюллера в контекст немецкого «политического театра» XX века. Таким образом, многообразие вышеперечисленных исследований позволяет сделать вывод об актуальности текстов Мюллера для российского литературоведения.

Пьесе «Цемент» Мюллер написал в 1972 году по заказу «Берлинского ансамбля» (Berliner Ensemble). В основу лег сюжет соцреалистического романа Фёдора Гладкова, рисующего панораму трудовой жизни первых лет после окончания Гражданской войны. Мюллер радикально перекраивает полотно исходного произведения, смещая акцент с полного оптимистического пафоса изображения «нового» советского человека, растворяющегося в потоке жизнестроительства, в сторону философского осмысления проблемы аннигиляции деформированной советской машиной личности отдельного человека.

В романе Гладкова революция, совершаемая в сознании героев, показана как поступательный процесс высвобождения личности (пусть и посредством многочисленных жертв и преодолений) и вместе с тем ее растворения в массовом революционном сознании во имя общей идеи. Ключевой метафорой послереволюционного советского пространства становится цементный завод, возрождение которого определяет жизнь всех и каждого, стирая интересы индивида. В едином трудовом подвиге главный герой Глеб Чумалов видит залог коллективного счастливого будущего: «Мы – производители цемента. А цемент – это крепкая связь. Цемент – это мы, товарищи, рабочий класс. Это надо хорошо

знать и чувствовать» (Гладков, 1983, с. 56). И, несмотря на трагические последствия личностной перестройки, заставившей героев отказаться от самого родного в их прежней жизни, роман заканчивается оглушительным гимном советскому коллективизму, освободившемуся от капиталистических оков и оторвавшемуся от своей многовековой патриархальной природы — природы в прямом и переносном смыслах. В приморские пейзажи, открывающие большинство глав, вторгаются грубые эскизы еще не обустроенной индустриальной действительности. В финале даже горы, потрясенные многоголосым металлическим воем гудков, сольются в унисон вместе с людьми, корпусами и трубами завода.

По справедливому замечанию Т. А. Шарыпиной и А. С. Фроловой, в своей сценической интерпретации Мюллер опускает пейзажные зарисовки не только и не столько из жанровых соображений (2018, с. 488). Ставя основной задачей показать тотальное механистическое нивелирование личности, он организует пространство драмы в жесткую конструкцию, напоминающую «каркас индустриального сооружения» (Котелевская, 2017). Звучащие в 1-й сцене (*“Der Schlaf der Maschinen”*) слова Машиниста становятся лейтмотивом пьесы: *“Bei den Maschinen werd ich zur Maschine”* (Müller, 2016, S. 414). Так рождается новый миф, подчиняющий коллективному сознанию творческую индивидуальность и превращающий ее в шестеренку в мощном государственном механизме. «Глубокое, почти инстинктивное отвращение ко всему естественному» (Гройс, 2013, с. 7) ведет не только к отказу от земли, но проникает в самые глубины человеческого существа, деформируя человеческую природу.

В сценах 4 (*“Das Bett”*) и 10 (*“Medeakommentar”*) ставится проблема личностного самоопределения женщины в новых исторических обстоятельствах. В отличие от Глеба, оказавшегося на передовой в военно-политической борьбе, но не отказавшегося от своих патриархальных представлений о семье и притязаний на гендерное доминирование, Даше приходится пожертвовать своим женским и материнским предназначением. Неприятие прежних форм общественного мироустройства распространяется и на религиозную сферу: *“Die Sowjetmacht hat ihn / Liquidiert, deinen Gott”* (Müller, 2016, S. 426). Для Даши остаться с мужем означает лишиться личностной независимости, что наглядно репрезентируется через метафору зверя *“Tiere seid ihr alle”* (Ibid., S. 430).

В сцене *“Medeakommentar”* тема платы за эмансипацию получает дальнейшее развертывание. Даша отвергает женское в себе, помня о том, какое горе оно ей принесло: *“Ich will kein Web sein. — Ich woll ich könnte mir den Schoß ausreißen”* (Ibid., S. 465). Таким образом, последовательно отказавшись от дома, дочери и мужа, героиня постепенно стирает грани своего естества, делая выбор в пользу революционной борьбы.

Самоотречение героини — лишь первый шаг в процессе личностного самоутверждения. Пожертвовав ролью матери и возлюбленной, Даша не освобождается от бремени памяти. Она по-прежнему любит

Глеба и тоскует по умершей без материнской ласки в детском доме дочери Нюрке. Трагедия Даши-Медеи вписывается в общий историко-культурный феминистский контекст. Отсылка к образу Медеи в пьесе показывает сложность и противоречивость внутренних процессов, совершающихся в героине. Как и мифологическая Медея, она сознательно идет на жертву, борется за справедливость и уважение к себе. Обе героини отличаются страстностью, но если Медея движима своей женской природой, то Даша подавляет ее во имя эфемерных коллективных идеалов. Т. А. Шарыпина и А. С. Фролова указывают на ключевую роль женщины в переходе от общественного переворота к человеческой эмансипации» (2018, с. 489). Радикальный и одновременно трагический отказ Даши Чумаловой от первооснов своей женской природы символизирует вместе с тем сложность и противоречивость революционного процесса.

В финале романа Gladkova индивидуальный голос Глеба Чумалова сливается в жизнеутверждающем коллективном гуле гудков, людей, заводов, гор. В заключительной сцене пьесы (*"Befreiung der Toten"*) все не так однозначно: герой ощущает себя скорее песчинкой в океане человеческих жизней, что нивелирует его индивидуальность и заставляет почувствовать неизбежный экзистенциальный трагизм.

Обращение к мифу придает пьесе вневременной характер. Проблема самоидентификации личности выходит за рамки социально-исторического детерминизма и решается на глобальном философском уровне, демонстрируя надысторический, неизбежный трагизм человеческого существования.

Исследователи указывают на сложность фонетической организации мюллеровского текста. Ритмический рисунок речи персонажей, чередование прозы и стихов, звуковое оформление (включение музыкально-песенного компонента) способствуют конструированию жесткого, металлического каркаса драмы. В. В. Котелевская отмечает, что в основе художественного языка пьесы лежит монтаж «медиа и стилей, психологического и постчеловеческого, его современность — резко очерченные барельефы, фоном которых становится архаика — доклассическая, гротесковая античность» (Котелевская, 2017). Особую важность приобретает хор, воплощающий собой «коллективное бессознательное начало, логику Истории, трансцендентную и неумолимую» (Там же).

Доминирующий в тексте пятистопный ямб придает речи персонажей в одних случаях динамичную разговорную стилистическую окраску, а в других — подчеркнуто «плакатную» театральность, работающую на создание общей механистической атмосферы. Неслучайно Даша рассказывает о своей трагедии ямбом, в этом проявляется эффект очуждения героини.

М. В. Сидорова определяет драму Мюллера как «тотальную» и характеризует ее как произведение синтетического типа, восходящее к традиции вагнеровского театра, в котором особую смысловую нагрузку получает невербальное (в частности, музыкальное и пластическое) оформление драматургического пространства (Сидорова, 2007).

Таким образом, отечественные исследователи акцентируют в творчестве Мюллера экзистенциальную проблематику, универсализм и гуманистический пафос, выстраивающий оппозицию между исторической необходимостью и ценностью отдельной человеческой личности. Несмотря на малочисленность комплексных исследований, рассматривающих творчество немецкого драматурга в его целостности и эволюции, единичные примеры продуктивного анализа отдельных произведений позволяют говорить об активной фазе отечественного научно-исследовательского дискурса творчества Х. Мюллера.

3. «Цемент» Мюллера на сцене Новосибирского драматического театра «Старый дом»

Премьера пьесы «Цемент» в ГДР прошла в 1973 году, во многом благодаря главе «Берлинер Ансамбль» Рут Бергхауз, срежиссировавшей постановку. Это была первая инсценировка произведения Мюллера после его исключения из Союза писателей ГДР в 1961 году. По оценке М. Вержбицкой (2020), «герметический» метод Мюллера в конечном счете сделал его главным драматургом Восточной Германии и принес ему всемирную славу. В России, однако, сценическая судьба Мюллера далеко не столь успешна. До конца XX столетия о его пьесах отечественный зритель узнавал лишь благодаря иностранным гастролерам. В 1991 году американский режиссер совместно с немецкими и русскими студентами осуществил постановку «Медеи-материала» на малой сцене Ленкома. По словам В.Ф. Колязина (2011), важный вклад в процесс вхождения мюллеровского наследия в русский театральный дискурс сделала Алла Демидова. В 1993 году актриса сыграла роль в пьесе «Квартет» (на малой сцене в «Таганке»), позже выступала в роли Медеи. «Демидова внесла в понимание форм мюллеровской драмы остроту и чувственность» (Там же). Позже, в 2000-х, на сцене театр-студии на Поварской была поставлена пьеса «Медея. Материал» в режиссуре Анатолия Васильева. В рамках всемирной театральной олимпиады молодой берлинский режиссер Ханс Хаметнер совместно с молодыми актерами различных московских театров впервые поставил провокационную «Гамлет-машину». В 2016 году в «Театре поколений» состоялось открытие фестиваля «Хайнер Мюллер: опыт русской сцены», на котором выступили с читками пьес автора известные отечественные и зарубежные актеры. Таким образом, постановки Мюллера в России остаются на сегодняшний день неизменно вызывают широкий общественный резонанс.

Тем более немаловажно, что одна из ключевых в творчестве драматурга пьес — «Цемент» — поставлена впервые и весьма успешно в Новосибирском «Старом доме». Это стало возможным, прежде всего, благодаря переводу, выполненному в 2017 году А. Филипповым-Чеховым (Мюллер, 2017). Спектакль по пьесе Мюллера идет четвертый сезон подряд. Премьера состоялась 19 марта 2020 года. Несмотря на слож-

ность мюллеровского текста, постановка режиссера Никиты Бетехтина неизменно находит живой отклик в зрителях. Экзистенциальный характер драмы, глубина и универсальность постмодернистской трактовки, актерская игра, специфика пространственно-звуковой организации, а также самостоятельность режиссерского прочтения вызвали широкий отклик в СМИ.

Работа с текстом немецкого драматурга началась с лаборатории «Актуальный театр»: тогда, в 2018 году, зрителям впервые представили эскиз «Цемент». В качестве режиссера спектакля выступил выпускник ГИТИСа и магистратуры Школы-студии МХАТ, с 2019 года штатный режиссер Красноярского ТЮЗа Никита Бетехтин. Спектакль сразу же вошел в число самых заметных премьер России сезонов 2019/20 года по версии экспертного совета Российской национальной театральной премии и фестиваля «Золотая маска». В 2021 году Бетехтин вместе со своей труппой презентовал пьесу в Москве в рамках V фестиваля «Биеннале театрального искусства. Уроки режиссуры».

По оценке критика П. Руднева, именно в этой постановке содержание пьесы Мюллера впервые воплощено в России полноценно: соединение советского мифа с Античностью придает тексту вневременной, универсальный характер, подчеркивая нежизненность любой утопии (цит. по: Хайнер Мюллер, 2021).

На официальном сайте Новосибирского драматического театра «Старый дом» в разделе «Пресса» представлены материалы отечественных периодических изданий, освещающие различные аспекты темы восприятия спектакля. Они в большинстве случаев организованы в форме интервью с возглавившим работу над спектаклем режиссером. Исходя из хронологического критерия, весь корпус публикаций можно разделить на несколько блоков. К первому из них относятся тексты от 25 февраля 2020 года — в этот день во время встречи с журналистами Н. Бетехтин рассказал о работе театральной труппы над новой пьесой. Следующую группу публикаций объединяет дата состоявшейся 15 июня 2020 года премьеры спектакля на сцене «Старого дома». Последний этап актуальной рецепции представлен статьями и заметками за 2021—2023 годы. Один из них — это отклик на гастрольный показ спектакля в Москве в рамках фестиваля «Биеннале театрального искусства. Уроки режиссуры» (2021), а другие посвящены очередным показам на сцене «Старого дома» (2021—2023).

Содержание текстов интервью с режиссером спектакля сконцентрировано вокруг обсуждения следующих аспектов: размышления о современной России, ее историческом пути; проблематика пьесы Мюллера; обоснование ее актуальности для отечественного зрителя; специфика работы над спектаклем.

Прежде всего режиссер подчеркивает, что, несмотря на исторический колорит первоисточника (романа Gladkova), который сохраняет Мюллер, произведение немецкого драматурга носит вневременной характер, и в этом его непреходящая ценность и актуальность для современного российского зрителя. В пьесе Мюллера действие выстраивает-

ся вокруг такой идеи, ради которой отдельный человек не просто вынужден, но готов сознательно пойти на самопожертвование во имя общих интересов, ради будущего своей страны. Осмысление человеческой природы и, в частности, природы героизма — основные векторы режиссерского прочтения. Бетехтин в каждом интервью проецирует контекст пьесы на ситуацию в современной России, в которой, по его мнению, больше нет «скреп», объединяющей национальной идеи и героев наподобие Ильи Муромца, Минина и Пожарского или сказочного Данко. «Думаю, что сегодня национального героя в России нет», — констатирует Н. Бетехтин (Бортник, 2020).

Цемент, по мнению Бетехтина, — сложный и противоречивый художественный символ. Есть цемент чумаловский, трактующий человека как некую машину, способную выдержать любые испытания и пробить любую стену. С другой стороны, цемент — это метафора страхов, «неповоротливости и патриархальности» современного общества, это некий ступор, тормозящий развитие нашего общества в силу тяжелого исторического прошлого: «...это ведь тоже связь: лишь бы не так, как тогда; не случилось бы чего хуже; только б не было войны». Это одновременно и прошлое, и будущее, некая идея, которая может ожить только благодаря «живительной влаге» (Щеткова, 2020).

Несмотря на то что сам режиссер определяет в качестве главной идейной доминанты своего спектакля героизм, он указывает на неоднозначность мюллеровского подхода к проблеме исторической целесообразности героизма и характеризует пьесу «Цемент» как точку сопряжения утопии и антиутопии, разрушения и созидания (Буторина, 2020).

В режиссерской трактовке центральным персонажем является именно Глеб Чумалов, поскольку пьеса транслируется как «трактат о герое»: «Этот спектакль про людей, которые могут менять реальность» (Шабанова, 2020). Точку пересечения текстов Гладкова и Мюллера Бетехтин видит в их интересе к теме героизма и человеческих возможностей. Вместе с тем произведения принципиально различны в своем философском потенциале. Если Гладков ограничивается идеей коллективного жизнестроительства, то проблематика у немецкого автора намного шире. Это произведение экзистенциального характера, ставящее коренные вопросы надысторического масштаба. Миф, введенный Мюллером в текст пьесы, выводит драматический конфликт за пределы конкретного исторического момента и придает ему универсализм, задает «общую модель человечества» (Бортник, 2020).

Консолидируя размышления вокруг идейного наполнения пьесы Мюллера, режиссер не обходит вниманием и технические аспекты работы над спектаклем. Специфика организации сценического пространства определяется «эффектом отчуждения», роднящим мюллеровскую драму с эпическим театром Брехта. Условность пространственной и акустической организации драматического текста ведет к усложнению актерской работы. Речевое поведение персонажей, как и их поведение в целом, начинает носить «небытовой характер существования» (Там же).

Режиссер отмечает, что одной из решающих задач, стоявших перед группой, было сохранение в пьесе исходного исторического колорита и в то же время адаптация сценического пространства в соответствии с авторской концепцией универсализма. Пространство сцены должно было стать понятным, узнаваемым сегодняшним зрителем. Это определило специфику костюмов и оформления сцены, в которых ощутимо влияние кубофутуризма и супрематизма (Шабанова, 2020).

В целом первые публикации о пьесе «Цемент» носят скорее информационный характер, знакомят с новым сенсационным спектаклем. Журналисты ограничиваются общими оценками, указывают на сложность и «жесткость» мюллеровского материала (Там же), «откровенность и художественную эксцентричность» (Щеткова, 2020). При этом драматический текст и его автор остаются практически без внимания.

Следующий этап театральной рецепции пьесы Мюллера определяется откликом общественности на состоявшуюся 15 июня 2020 года премьеру спектакля на сцене новосибирского «Старого дома». Публикации этого периода отличаются от предыдущих прежде всего попыткой первичной рефлексии творчества немецкого драматурга. Как упоминалось выше, ранние тексты СМИ концентрируются скорее вокруг личности режиссера постановки, нежели автора легшего в ее основу текста.

Реакцию на прошедший спектакль выражают статьи в электронной прессе, в которых фокус смещается в сторону мюллеровской эстетики. Приводятся факты из творческой биографии драматурга, делаются попытки осмыслить художественные идеи и проблематику произведений. Так И. Смольников свою рецензию на спектакль предваряет размышлениями об истоках театральной концепции Мюллера. Ведущая тема пьесы определяется как рефлексия об энтропии послевоенного времени и попытке ее преодоления (Смольников, 2020). По мнению автора рецензии, Бетехтину удалось сохранить и донести мюллеровскую патетику с ее эпичностью, без постмодернистской иронии и в то же время без смещения в сторону «ретро-надрыва». «Аллюзии с миром мифа и эпоса в “Цементе” прописаны ненавязчиво, с лаконизмом плакатной графики 1920-х, но очень небанально. Прометей, Геракл, Медея, боги-олимпийцы — все они вписаны в удивительные декламационные новеллы, которые служат другим измерением для ало-стального мира “Цементы”», — резюмирует Смольников (Там же).

М. Вержбицкая, размышляя о вкладе Мюллера в становление современного европейского театра, определяет его как ведущего драматурга послевоенного периода. При этом, отмечает журналистка, его творчество остается для нашей страны «не столько совокупностью текстов, сколько совокупностью пробелов» (Вержбицкая, 2020). Преимуществом данной публикации является ее выход за границы информационного жанра в сторону аналитики. Вержбицкая указывает на очень важную черту творческого метода драматурга — «уникальный прием», изобретенный Мюллером, — «крайнюю герметизацию материала», позволяющую эпическое содержание целого романа и ряд мифических сюжетов уложить «в несколько страниц диалогов». Драматург размыш-

ляет в своих текстах не только и не столько о природе героизма, сколько о жизнеспособности мифа о новом человеке в современной ему истории, резюмирует Вержбицкая. При этом «греческие мифологемы подвергаются перековке и переплавке так же, как подвергается переделке и механизации человек, трансформирующийся в *homo labo-rans*» (Там же).

Продуктивность постановок пьесы «Цемент» на российской сцене подтверждается, в том числе, интересом современных отечественных театральных критиков. Например, О. Егошина в статье «Сизиф на строительстве цементного завода» (2021) определяет содержание пьесы как «герметичное интеллектуальное исследование человеческой природы, неизменной с времен олимпийских богов» (Там же). Егошина акцентирует универсальность подхода к пониманию человеческой истории в творчестве Мюллера («Хайнер Мюллер сшивает века и страны») (Там же).

А. Литвинова в заметке «Поедмте работать на цементный завод» для научного альманаха «Театрон» отдает должное проницательности Бетехтина, «вочеловечившего» мифических Прометея и Геракла, а также уплотнившего внимание на физических ощущениях и физиологических процессах персонажей. Это позволило сместить акцент с героизации, монументальности образов в сторону человекоцентричности (Литвинова, 2021).

На фоне преимущественно положительных либо нейтральных рецензий, освещающих сценическую интерпретацию Бетехтина, полярно противоположное мнение предлагает театральный блогер С. Шадронов. На своей странице в *Livejournal* он критикует режиссера за антигероизм: «...итоговый посыл “оптимистической трагедии”... отменяется вместе с оправданием жертв во имя светлого завтра, трудовая героика тоже, само собой, побоку, и вообще “Цемент” задним числом превращается в очередную “антиутопию”, сблизаясь даже на уровне развязки сюжета, к примеру, с “Котлованом” Платонова» (Шадронов, 2021).

Несмотря на то что большинство исследователей творчества немецкого драматурга, равно как и авторы вышеперечисленных публикаций в прессе, указывают на принципиальные отличия в идейном наполнении текстов Гладкова и Мюллера, Шадронов считает, что «Мюллер следовал за Гладковым», имея в виду прежде всего близость сюжетных линий. В режиссерской версии действие завершается таким образом, что центр пьесы смещается с осмысления природы героизма к осуждению новой политической конъюнктуры. По оценке критика, эта нехарактерная ни для Гладкова, ни для Мюллера расстановка смыслов нивелирует новизну предлагаемого на суд публики театрального действия, ставя его в один ряд с другими постановками «платоновской» ориентации, что делает спектакль «скучным» и «неинтересным» (Там же).

4. Заключение

В настоящей статье осуществлена попытка осмысления характера современной рецепции драматургии Мюллера в России. Анализ научно-исследовательских материалов, а также публикаций в прессе позво-

лил выявить некоторые особенности восприятия немецкого драматурга в нашей стране. Прежде всего необходимо обозначить сегодняшний этап рецепции как начальный. Долгие десятилетия творчество Мюллера оставалось под запретом советской цензуры, и лишь в 1980 году произведения немецкого драматурга проникают в печать, переводятся отдельные пьесы. Дрaму «Цемент», впервые поставленную в 2020 году на сцене Новосибирского драматического театра «Старый дом», можно считать отправной точкой в истории знакомства широкой публики с творческим наследием Мюллера. Это первая в России постановка рассматриваемой пьесы. При этом другие произведения автора остаются невостребованными нашими театрами. Отсюда — характерная черта актуальной критической русскоязычной рецепции мюллеровской драматургии — автор входит в современный русский литературный быт «со сцены». Оценка его пьесы «Цемент» осуществляется сквозь призму театральной интерпретации, осуществленной Н. Бетехтиным. Таким образом, центральным связующим звеном в процессе восприятия драмы Мюллера сегодня можно считать фигуру режиссера спектакля «Цемент». Большинство публикаций в периодике построены в форме интервью с Бетехтиным, а другие сосредоточиваются вокруг обсуждения художественных достоинств спектакля. Спектакль «Цемент» является творческой переработкой исходного текста, что выразилось не только в некоторых изменениях содержательного плана, но и в смещении идейных акцентов. Сам режиссер по этому поводу высказывается следующим образом: «“Цемент” — это очень злободневный текст. И он еще долгое время будет оставаться таким, потому что рассказывает *про Россию вообще* (курсив мой. — Ю. М.)» (Щеткова, 2020).

В целом анализ научно-исследовательских и критических материалов позволяет судить об активной фазе процесса освоения творчества Х. Мюллера в России, чем определяется перспективность дальнейшего изучения рецепции автора. В частности, предусматривается анализ переводческой и театральной рецепции пьесы «Цемент».

Список литературы

Бортник Н. Найти идею — созидающую, а не разрушающую // Около: театральный журнал. 2020. 25 февр. URL: <https://old-house.ru/nikita-betehtin-najti-ideyu-sozidayushhuyu-a-ne-razrushayushhuyu.html> (дата обращения: 07.11.2023).

Буторина Е. Никита Бетехтин: «Кто герой нашего времени?» // Ревизор.ру. 2020. 15 июня. URL: <https://old-house.ru/nikita-betehtin-kto-geroj-nashego-vremeni.html> (дата обращения: 07.11.2023).

Вержбицкая М. «Цемент», разрушающий расчеловечивающую машину социализма // Новая Сибирь. 2020. 15 июня. URL: <https://old-house.ru/cement-razrushayushhij-raschelovechivayushhuyu-mashinu-socializma.html> (дата обращения: 10.11.2023).

Гладков Ф. В. Цемент. М., 1983.

Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М., 2013.

Егошина О. Сизиф на строительстве цементного завода // Teatral-online.ru. 2021. 23 нояб. URL: <https://old-house.ru/sizif-na-stroitelstve-cementnogo-zavoda.html> (дата обращения: 09.11.2023).

Колязин В. Ф. Первый русский фестиваль Хайнера Мюллера // Независимая газета. 2011. 18 июля. URL: https://www.ng.ru/culture/2011-07-18/100_muller.html (дата обращения: 08.10.2023).

Котелевская В. В. Хор машин и голос индивида // Транслит. 2017. № 20. URL: <http://www.trans-lit.info/materialy/20/vera-kotelevskaya-hor-mashin-i-golos-indi-vida-revoljutsionno-proizvodstvennaya-muzyka-v-tsemente-h-myullera> (дата обращения: 12.11.2023).

Литвинова А. Поедемте работать на цементный завод // Театрон. 2021. 23 дек. URL: <https://old-house.ru/poedemte-rabotat-na-cementnyj-zavod.html> (дата обращения: 09.11.2023).

Мюллер Х. Цемент / пер. А. Филиппова-Чехова. М., 2017.

Сидорова М. В. Поэтика «тотальной драмы» Хайнера Мюллера : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. URL: <https://www.disserscat.com/content/roetika-totalnoi-dramy-khainera-myullera> (дата обращения: 15.01.2024).

Смоляников И. Соцреализм на языке кибер-эпоса // Инфо54. 2020. 15 июня. URL: <https://old-house.ru/socrealizm-na-yazyke-kiber-eposa.html> (дата обращения: 10.11.2023).

Фролова А. С. Драматургия Хайнера Мюллера в контексте политического театра Германии XX века : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2022.

Хайнер Мюллер. «Цемент» [2021]. URL: <https://old-house.ru/cement.html> (дата обращения: 14.11.2023).

Шабанова М. Мы ждем героя // Ведомости НСО. 2020. 10 июня. URL: <https://old-house.ru/my-zhdem-geroia.html> (дата обращения: 08.11.2023).

Шадронов С. «Цемент» Ф. Гладкова – Х. Мюллера, театр «Старый дом», Новосибирск, реж. Никита Бетехтин» // Livejournal. 2021. 23 нояб. URL: <https://old-house.ru/cement-f.gladkova-h.myullera-teatr-staryj-dom-novosibirsk-rezh-nikita-betehtin.html> (дата обращения: 09.11.2023).

Шарыгина Т. А., Фролова А. С. Сценическая интерпретация Х. Мюллера романа Ф. Гладкова «Цемент» в контексте мифа о новом человеке в немецкой литературе социалистической ориентации // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 487 – 489.

Щеткова Ю. Никита Бетехтин: «Если не будет идеи или мифа, мы разлетимся, как пыль» // Новая Сибирь. 2020. 25 февр. URL: <https://old-house.ru/nikita-betehtin-esli-ne-budet-idei-ili-mifa-my-razletimsya-kak-pyl.html> (дата обращения: 07.11.2023).

Müller H. Krieg ohne Schlacht. Leben in zwei Diktaturen. Eine Autobiographie. Köln, 1992.

Müller H. Werke / hrsg. von F. Hörnigk ; in Zusammenarbeit mit der Stiftung Archiv der Akademie der Künste. Berlin ; Frankfurt a/M, 2016.

Schulz G. Heiner Müller. Stuttgart, 1980.

Об авторе

Юлия Юрьевна Миклухо, кандидат филологических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

ORCID ID: 0009-0004-5182-1623

E-mail: Juliavlasova@mail.ru

Для цитирования:

Миклухо Ю. Ю. Рецепция драмы Х. Мюллера «Цемент» в России рубежа XX – XXI веков // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 1. С. 211 – 225. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-13.

RECEPTION HEINER MÜLLER'S DRAMA "CEMENT"
IN RUSSIA AT THE TURN OF THE XX and XXI CENTURIES

Yulia Yu. Miklukho

Novosibirsk State Technical University,
20 Karl Marx St., Novosibirsk, 630073, Russia

Submitted on 17.01.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-13

The literary fate of the German dramatist Heiner Müller is paradoxical. Despite his plays being part of the main repertoire in many of the world's leading theaters, he faced prolonged censorship both in his homeland, the German Democratic Republic, and in Russia. However, interest in his works has grown significantly in recent years. Müller's major works have been translated into Russian, and his plays are increasingly staged in domestic theatres. Alongside these theatrical productions, Russian researchers are actively engaging with Müller's legacy, analyzing various aspects of his dramatic works in numerous scholarly studies. This demonstrates the emergence of an active phase of academic discourse in Russia centered on Heiner Müller's contributions to drama.

This article aims to examine the specifics of the Russian-language reception of Müller's play "Cement" in contemporary scholarship and culture. "Cement" holds a pivotal role in the process of mastering Müller's legacy in Russia. The study is novel and significant as it systematically organizes materials on the reception of this play, providing a comprehensive analysis of how it has been perceived and interpreted. The key themes and dominant aspects of "Cement" are identified through a comparative analysis of current Russian research on Müller's work, as well as insights from modern Russian electronic media. The study draws conclusions about the nature of Müller's reception in Russia and the specific perception of his drama in this context. The practical significance of this research lies in its applicability to the development and delivery of lectures on the history of European drama, as well as specialized courses on German literature.

Keywords: Heiner Müller, "Cement", reception, theatre

References

Bortnik, N., 2020. Find an idea that creates, not destroys. *Okolo: teatral'nyi zhurnal* ["Okolo": Theater magazine]. Available at: <https://old-house.ru/nikita-betehtin-najti-ideyu-sozidayushhuyu-a-ne-razrushayushhuyu.html> [Accessed 7 November 2023] (in Russ.).

Butorina, E., 2020. Nikita Betekhtin: "Who is the hero of our time?" *Revizor.ru*. Available at: <https://old-house.ru/nikita-betehtin-cto-geroj-nashego-vremeni.html> [Accessed 7 November 2023] (in Russ.).

Egoshina, O., 2021. Sisyphus on the construction of a cement plant. *Teatral-online.ru*. Available at: <https://old-house.ru/sizif-na-stroitelstve-cementnogo-zavoda.html> [Accessed 9 November 2023] (in Russ.).

Frolova, A.S., 2022. *Dramaturgiya Khainera Myullera v kontekste politicheskogo teatra Germanii XX veka* [Heiner Müller's Dramaturgy in the Context of twentieth-century German Political Theater]. PhD Dissertation. Nizhny Novgorod (in Russ.).

Gladkov, F. V., 1983. *Tsement* [Cement]. Moscow (in Russ.).

Groys, B., 2013. *Gesamtkunstwerk Stalin*. Moscow (in Russ.).

Khainer Müller. *Tsement* [Heiner Müller. Zement]. Available at: <https://old-house.ru/cement.html> [Accessed 14 November 2023] (in Russ.).

Kolyazin, V. F., 2011. The First Russian Heiner Muller Festival. *Nezavisimaya Gazeta*. Available at: https://www.ng.ru/culture/2011-07-18/100_muller.html [Accessed 8 October 2023] (in Russ.).

Kotelevskaya, V., 2017. The chorus of machines and the voice of the individual. *Translit*, 20. Available at: <http://www.trans-lit.info/materialy/20/vera-kotelevskaya-hor-mashin-i-golos-individa-revolyutsionno-proizvodstvennaya-muzyka-v-tsemente-h-myullera> [Accessed 12 November 2023] (in Russ.).

Litvinova, A., 2021. Let's go to work at a cement factory. *Teatron*. Available at: <https://old-house.ru/poedemte-rabotat-na-cementnyj-zavod.html> [Accessed 9 November 2023] (in Russ.).

Müller, H., 1992. *Krieg ohne Schlacht. Leben in zwei Diktaturen. Eine Autobiographie*. Köln.

Müller, H., 2016. *Werke*. In: *Zusammenarbeit mit der Stiftung Archiv der Akademie der Künste*. Berlin; Frankfurt a/M.

Müller, H., 2017. *Tsement* [Zement]. Translated by A. Filippova-Chekhova. Moscow (in Russ.).

Schulz, G., 1980. *Heiner Müller*. Stuttgart.

Shabanova, M., 2020. We are waiting for a hero. *Vedomosti NSO*. Available at: <https://old-house.ru/my-zh-dem-geroya.html> [Accessed 8 November 2023] (in Russ.).

Shadronov, S., 2021. "Cement" by F. Gladkov – H. Müller, the Old House Theater, Novosibirsk, dir. Nikita Betekhtin. *Livejournal*. Available at: <https://old-house.ru/cement-f.gladkova-h.myullera-teatr-staryj-dom-novosibirsk-rezh-nikita-betehtin.html> [Accessed 9 November 2023] (in Russ.).

Sharypina, T. A. and Frolova, A. S., 2018. The Myth of the New Man in the Socialist-Oriented German Literature: "Cement" (Heiner Müller's Adaptation of a Novel With the Same Title by Feodor Gladkov to Stage). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, and education], 5 (72), pp. 487–489 (in Russ.).

Shchetkova, Yu., 2020. Nikita Betekhtin: "If there is no idea or myth, we will scatter like dust". *Novaya Sibir'* [New Siberia]. Available at: <https://old-house.ru/nikita-betehtin-esli-ne-budet-idei-ili-mifa-my-razletimsya-kak-pyl.html> [Accessed 7 November 2023] (in Russ.).

Sidorova, M. V., 2007. *Poetika «total'noi dramy» Khainera Müllera* [The Poetics of Heiner Müller's "Total Drama"]. PhD thesis. Moscow. Available at: <https://www.dissertat.com/content/poetika-totalnoi-dramy-khainera-myullera> [Accessed 15 January 2024] (in Russ.).

Smol'nikov, I., 2020. Social realism in the language of cyber-epic. *Info54*. Available at: <https://old-house.ru/socrealizm-na-yazyke-kiber-eposa.html> [Accessed 10 November 2023] (in Russ.).

Verzhbitskaya, M., 2020. The "Cement" that destroys the dehumanizing machine of socialism. *Novaya Sibir'* [New Siberia]. Available at: <https://old-house.ru/cement-razrushayushhij-raschelovechivayushhuyu-mashinu-socializma.html> [Accessed 10 November 2023] (in Russ.).

The author

Dr Yulia Yu. Miklukho, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

ORCID: 0009-0004-5182-1623

E-mail: Juliavlasova@mail.ru

To cite this article:

Miklukho, Yu. Yu., 2025, Reception Heiner Müller's drama "Cement" in Russia at the turn of the XX and XXI centuries, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 211 – 225. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-13.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 п.л.; научного сообщения – до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ax) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала пе-

речисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках. Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148 – 167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D.A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K.G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативно публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;

- the title of the article in English and Russian, all lowercase;

- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;

- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;

- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;

- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

- References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at <https://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2025

Том 16
Vol.
№ 1

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Шербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 06.02.2025 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,3
Тираж 300 экз. (1-й завод – 40 экз.). Заказ 15
Свободная цена

Signed 06.02.2025
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 20,3
Edition 300 copies (first print: 40 copies). Order 15
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia